

Худайберды Тухтабаев

СВЕТ В ЗАБРОШЕННОМ ДОМЕ

Повесть

«Тухтабаев «Повести»»: Детская литература; Москва; 1990
ISBN 5-08-001480-6

Аннотация

*Повесть о старшем брате, самоотверженно хранящем огонь родного очага в годы войны.
Художник – Г. Вальк.*

Часть первая
БЫЛА У МЕНЯ МАМА

Повестка

Скажу откровенно: кишлачные ребята меня недолюбливают. И потому дали обидное, по их мнению, прозвище Многодетный. Но я на это не обижаюсь. Потому что я в самом деле многодетный – детей у меня ни много ни мало: пятеро. Это мои братья и сёстры. И за всеми за ними смотрю я сам: одеваю, кормлю, уроки проверяю, ругаю, хвалю. Словом, воспитываю.

Я немного сутулюсь, да и ростом малость отстал от сверстников. Всё это, наверное, от того, что постоянно ношу на руках или на плечах кого-нибудь из младшеньких.

Мама у нас работает трактористкой. С рассвета до поздней ночи пропадает на поле. Естественно, ей не до детишек. А папа, тот совсем не умеет ладить с этой мелюзгой: он одно – они другое, он улыбается – они плачут, он хмурится – они смеются, тогда папа хватает чапан и айда из дому в чайхану. Обходитесь, мол, сами, как хотите.

Я знаю, почему кишлачные мальчишки сердятся: из-за меня они вечно получают от родителей нагоняй. «Ты, шалолай, целыми днями собак гоняешь на улице, а вон Ариф, твой ровесник, и хорошо учится, и за младшенькими смотрит, и хозяйством вертит!..»

Ариф – это я.

Однажды ребята собрались утопить меня в арыке. (В котором воды-то кот наплакал.) «Валяйте топите, – согласился я. – Давненько не имел такого удовольствия – искупаться». –

«Мы с тобой больше не водимся, – заявили мальчишки. – Ты подводишь нас своим усердием». – «Хотите анекдот про Ходжу Насреддина?» – предложил я. Кстати сказать, наше селение так и прозвали: Афанди¹ кишлаком. Потому что у нас все до ужаса любят смешить друг друга анекдотами из жизни прославленного плута Ходжи Насреддина. Их у меня, этих анекдотов, миллион. Со мной мало кто может потягаться. Даже Алим, Рыжий с Восточной махалли, даже Махмуд Чалма с Речной улицы. А ведь они оба считаются признанными мастерами рассказывать афанди!

Вот и сейчас. Сижу на крыше, лушу кукурузу, сам себе анекдоты рассказываю, сам себя смешу, скрашиваю одиночество... А недалеко отсюда, на пустыре за оврагом, мои дружки-товарищи, будто назло мне, запускают воздушных змеев. Всё небо заполнено ими, большими и маленькими, ярко раскрашенными. Они то медленно плывут в голубом просторе, то ныряют вниз, трепеща яркими хвостами, то опять взмывают ввысь. Кажется, там настоящий птичий базар.

Эх, взять бы сейчас своего змея и тоже дунуть к ребятам. Кукурузу можно ведь долущить завтра. И хлев можно не чистить – корова всё равно не даёт ни грамма молока! А для этой коровки ещё надо кукурузных стеблей нарезать... Думаете, на этом всё? Как бы не так: ещё дров наколоть надо... У-уф, когда я всё это переделаю?

Нет, пойду всё же малость поиграю, дела не убегут...

Я уже и встал было на ноги, когда заметил на улице Хайита Башку. Он гнал перед собой овец, а над головой бережно нёс оранжевого змея. Хайит тоже увидел меня.

– Эй, красавица! – закричал он. – Чем вы там, на крыше, ханум², занимаетесь? Одеяло стегаете, к свадьбе готовитесь?

– Сам ты ханум, – разозлился я.

– Всем известно, что ты ханум и есть. Разве не правда, что ты посуду моешь, а?

– Неправда!

– И что бельё стираешь?

– Ложь!

– И что корову доишь?

– Сейчас я тебя голышом кокну!

– Даже и то неправда, что ты глаза усьмою³ подводишь, а пальчики хною красишь? – Хайит Башка заржал, показывая свои крупные кривые зубы. Я швырнул в него пустым початком, но он, к сожалению, просвистел в сантиметре от его широкого, как змей, уха. Я выхватил другой початок, но Башка отбежал на безопасное расстояние и начал приплясывать, поводя плечами, и кривляться:

– Не плачь, красавица, не плачь,
Лучше пляши вскачь –
Завтра ведь выходишь замуж!

Вот так. Житья мне не дают, олухи. Получат дома взбучку от родителей – выходят на улицу и всю злость на мне вымещают. Пусть не радуются, мы ещё поквитаемся. Вот подрастут малость мои дети, научатся вертеться по хозяйству, а я ударюсь в игры. Днями и ночами буду на улице пропадать, такие штуки буду выкидывать, что эти недотёпы от зависти лопнут. А

¹ Афанди – то же, что и Ходжа Насреддин, анекдот или сказка про этого героя.

² Ханум – обращение к молодым женщинам.

³ Усьма – трава, соком которой женщины красят брови.

сейчас не могу я пойти играть, ну никак не могу. Дела останутся несделанными. Мама расстроится. А я очень люблю маму, очень-очень, потому и не могу расстраивать её, хочу, чтобы она никогда не плакала. Мама тоже очень любит меня: «Какое счастье, что по глупости, по молодости поторопилась я тебя родить, мой ненаглядный! Что бы я сейчас делала без помощничка своего?!» Братишки мои и сестрички малы ещё: Султану – двенадцать, Зулейхе – одиннадцать. Султан – человек настроения. Захочет – работает как осёл, не захочет – тоже упрётся как осёл, с места не сдвинешь. Зулейхе я сам специально работы поменьше даю, ведь девочки такие хрупкие, а хрупких надо беречь, считаю я. Братишка Усман слишком мечтателен. Целыми днями только и знает, что рисует. Мы большие надежды возлагаем на Усмана. Думаем, он художником станет. Потому-то я совсем не обременяю его работой. Я так полагаю: если у него будет больше свободного времени, то он будет больше рисовать, а коли много рисует, быстрее станет художником. Пятилетний Аман похож на только что вылупившегося из яйца воробышка: клювик постоянно раскрыт. Просит есть – и всего-то делов. Такого обжоры я не видывал – он даже спит с открытым ртом.

Самой младшей сестрёнке, Рабии, совсем недавно исполнилось два годика.

– Эй, приятель! – донеслось до меня.

Я оглянулся. Внизу на улице стоял Акрам Знаток. Вернее, сидел на осле, гружённом связкой травы.

– О чём задумался, дружище? Или анекдоты сочиняешь? – поинтересовался Акрам.

– Да, анекдоты сочиняю, – соврал я.

– Ну-ка расскажи.

– Жил-был на свете некий афанди по имени-прозвищу Акрам Знаток...

– И было у него пятеро детей, как у тебя, – вставил Акрам, ухмыльнувшись.

– Нет, была у него, как у тебя, одна кривая ослица.

– Ну и что дальше?

– Дальше – ехал он однажды на своей ослице со связкой травы, как вдруг случился пожар, и Акрам Знаток оказался в огне. Тогда он спрыгнул с ослицы и знаешь что начал кричать?

– Что начал кричать? – заинтересовался Знаток.

– Он кричал своей ослице: «Если у тебя есть хоть капля ума, кидайся в воду!»

Акрам пробурчал, что анекдоты мои такие же пресные, как я сам, и тронул свою ослицу. Он уехал, а мне, признаться, стало грустно. Мне ведь тоже хочется с кем-то поболтать, посмеяться, отвести душу. Может, и вправду пойти на пустырь, развеяться немного? Нет, не стоит. Сразу начнут дразнить, как Хайит Башка: «Ханум, красавица...» Лучше уж сидеть здесь, на крыше, лущить кукурузу, рассказывать анекдоты, смешить самого себя. Жил-был на свете афанди. Пришёл к нему однажды сосед, просит сито. «Не могу, – отвечает Насреддин. – Я в сито налил воды». – «Ия⁴, как же так, разве можно в сито налить воды?» – удивился сосед. «Можно, – ответил Ходжа. – Во что хочешь можешь налить воды, коли не хочешь дать соседу».

– Эй, Мирза-ака!⁵ – донеслось с улицы. Я подошёл к краю крыши. На улице стоял, опираясь на костыли, колхозный сторож, дядюшка Туран. Обычно он разъезжает по кишлаку на хромой кобылице. Клячи сейчас не видно. Пешком, видимо, прихромал дядюшка.

– Где этот... Укачапалван? – спросил сторож.

– Укачапалван... простите, это мой отец. У него, бедняги, тоже не менее пяти прозвищ, как и у меня.

– Я у тебя спрашиваю, где отец?

⁴ Ия – возглас удивления.

⁵ Ака – брат, уважительное обращение к старшим.

- Я же говорю: в горы уехал.
- А мать?
- На поле. Пашет.
- Тут твоему отцу повестка, надо срочно доставить.

Сторож прицепил повестку к концу костыля, протянул мне. Туран-ака заковывлял прочь, а я обессилено опустился на крышу. Значит, отец уходит на войну. Вот так дела-а...

Собрав кукурузу в мешок, я спустил её во двор. Потом быстренько оседлал своего ослика и помчался галопом к маме, на поле.

Вестник на осле

Нет, я не оговорился, сказав, что помчался галопом на своём ослике. Я его хлестал камчой⁶, подгонял вовсю, и он летел с ветерком. Весть надо доставить маме как можно скорее, а до отца далековато, гор этих отсюда и не видать. Ну и что, если отца призвали в армию? Сейчас всех отцов забирают, ничего удивительного, что и моего вызвали! В нашем кишлаке триста дворов. И триста наших джигитов уже на фронте. Из каждого дома – солдат. У дедушки Парпи воюют три сына, у тётушки Тулган – два сына да брат. Выходит, иные дворы послали на фронт куда больше, чем одного. Значит, из нашего двора тоже кто-то должен драться. Будь я постарше, сам бы пошёл: на поясе широкий ремень, за плечами ранец, в руках винтовка. Что ещё человеку нужно?! Но мама, наверное, меня всё равно не отпустила бы: кто же будет мыть посуду, убираться в доме, смотреть за малышами? А скотина, а ослик наш? Нет, на фронт мне никак не попасть, это точно. Лучше я стану трактористом. Тогда мама сможет оставаться дома, смотреть за малышами, и стирать, и штопать сама будет. Да и выспится наконец. А то ведь уже целый год толком не высыпается, бедняжка.

Ослик мой бежит то галопом, то рысью, а я занят своими мыслями. Глядите-ка, как хорошо на поле! По берегам арыков пробилась зелень, зацвели цветочки, детишки собирают щавель, а взрослые впрягли в плуг волов или коней и пахут землю. Женщины вяло машут кетменями, сразу видно, что здорово устали.

- Чу, ослик мой удалой! – стегаю я своего лопухого, и мы на всех парах несёмся дальше.

Наконец откуда-то донёсся гул трактора. Значит, мама где-то поблизости. Только скажу ей свою новость? Вдруг она расстроится, ударится в слёзы? Я видеть не могу, как плачет мама, у меня просто сердце разрывается на кусочки. А вон и трактор. Мама сидит за рулём. За её спиной стоят две женщины. Катаются. Эге, дела тут, я вижу, мировые!

Мои детишки устроились под старым тутовником. Я уже говорил, что самой младшенькой – два годика. За ней присматривает Зулехя.

Рабиниса спала, укутавшись в старый папин чапан. Зулехя и Усман самозабвенно играли в камушки. Аман ползал в арыке, рвал только-только пробившуюся зелень и жевал её. Словом, они были так заняты собой, что и не заметили, как я соскочил с осла и долго наблюдал за ними. Первым увидел меня Усман.

- Брат приехал, брат приехал, – запрыгал он на месте.

Не знаю, по-моему, Усман любит меня чуть больше, чем все остальные. Если его кто-нибудь обидит, то он плачет не как все дети: «Мама-а!» Нет, он ревет так: «Ака-а-а!» Если его побили ребятишки, опять вспоминает меня: «Вот погоди, придёт мой Ариф-ака, задаст вам жару!» Но не зря любит меня Усман. Из люльки он прямёхонько переселился на мои плечи. Можно сказать, на моём горбу и вырос.

⁶ Камча – плеть.

Усман сразу принялся жаловаться:

– Ака, смотрите, Зулейха отобрала все мои красные камушки!

– А вот и нет! – взвилась Зулейха. – Я их у него по-честному выиграла.

– Ты мошенничаешь, а не по-честному!

– Сам ты мошенничаешь! – не сдавалась Зулейха.

На мой голос выполз из арыка Аман.

– Ака, акаджан, Зулейха ваша и Усман мой хлеб съели!

– Не может быть!

– Если не верите, вот пощупайте мой живот – он начисто голодный! – С этими словами Аман задрал рубаху, показывая мне надутый и красноватый, как у птенца, живот.

Хорошо, что в кармане у меня оказалось с горсточку сушёного урюка. Высыпал его в ладошки брата, потом нахмурил лицо и повернулся к Зулейхе:

– Ты почему съела хлеб братишки? Ещё раз такое услышу – не покатаю на осле.

Тем временем Аман успел куда-то припрятать урюк и опять принялся жаловаться:

– Этот... этот... Усман тоже отбирает у меня хлеб. Верно, что отбирал, верно ведь?

Расставил кривые тонкие ножки, животик болезненно вспухший, на лице нездоровый румянец, – я поглядел на него, и что-то больно сжалось внутри. Поспешно зашарил по карманам: авось что-нибудь выужу (а я всегда что-нибудь в них ношу для своих детишек).

Выскреб несколько изюминок, очистил от волосинок и крошек, подал брату. Он поспешно сунул их в рот и, по-петушиному дёргая головой, проглотил.

– Ака, а я ведь болею, сами посмотрите, какой у меня животик! Я поправлюсь, если буду есть много-много изюма...

Горе моё, что ж мне делать? Карманы мои пусты, нечем угостить малыша... А он ведь в самом деле голоден. Ему бы сейчас есть да есть, много всякого вкусенького и сладкого. А он целыми днями впроголодь, на поле. Куда пошлют мамин трактор, туда и он...

Я порывисто подхватил брата на руки, поцеловал в лоб.

– Пошли к мамочке, Аман, может, она припасла для тебя кусочек лепёшки?

Аман, как только услышал про лепёшку, ужом соскользнул с моих рук и со всех ног бросился к маминому трактору. Я побрёл за ним. Земля была вспахана глубоко, от чёрных влажных пластов поднимался парок. Птиц летало вокруг видимо-невидимо: они охотились за оказавшимися наверху червями...

Я ошибся, когда подумал, что те две женщины просто катаются на тракторе – это были мамины ученицы. Одну из них звали Кумриниса-апа⁷. Когда её муж уезжал на войну, она так плакала, что не выдержали и другие провожающие. Мукаррам-апа, вторая женщина, недавно получила на мужа-фронтовика похоронку. У неё грудной ребёнок. За ним тоже присматривает наша Зулейха. Поэтому тётушка Мукаррам каждый день дарит ей пол-лепёшки.

Трактор остановился в конце поля. Мама передала руль Мукаррам-апе, сама соскочила на землю, взяла на руки плачущего ребёнка. Тот сразу замолчал.

– Никак не научится Мукаррам вести трактор прямо, – вздохнула мама. Я посмотрел на неё. Сказать правду, в таком виде мама вовсе не походила на женщину. Тяжеленные кирзовые сапоги, мужские ватные штаны, стёганая ватная фуфайка, на голове кожаная шапка, лицо грязное, руки масляные... Эх, вырасти бы поскорее, самому сесть на трактор, освободить маму от всяких забот!

Мама опустила на мягкую землю, со вздохом вытянула ноги, зевнула, посадила Амана на

⁷ Апа – сестра, уважительное обращение к старшим.

колени. Вынула из кармана крошащийся кусок лепёшки из джугары⁸, сунула ему в руку, потом обернулась ко мне:

– Что-то ты рановато сегодня, сынок...

– Да так... – промямлил я, не зная, с чего начинать.

– Рис очистил?

– Очистил.

– Простоквашу заквасил?

– Да.

– Что с кукурузой?

– Выставил на крышу. Половину вылушил.

– Молодец, Арифджан, такого сына ни у кого на свете нет. Дай я тебя поцелую. Как хорошо, что по глупости, по молодости я решила тебя родить!..

В этот миг мне стало как-то не по себе. В горле застряло что-то мягкое и тёплое, по телу пробежали мурашки. Я заплакал.

– Ия, ты чего это, дурачок?

– Мама...

– Ты хочешь что-то сказать?

– А вы не расстроитесь?

– С чего мне расстраиваться-то?!

– Дайте слово, что не будете плакать.

– А ты вначале скажи, что случилось-то?

– Нет, вы пообещайте не плакать.

– Ладно, глупышка, обещаю.

– Папу... – Слезы опять полились из моих глаз. – Папу забирают на войну.

Нет, мама не заревела. Вздогнула сильно, опустила голову и замолчала надолго. Потом, медленно шевеля бледными губами, прочитала повестку, молча вернула её обратно. Покрепче прижала грызущего лепёшку Амана, глубоко задумалась. О чём, интересно? Весть моя, конечно, маму не обрадовала. И кажется, мама вот-вот зарыдает, от меня глаза прячет...

Поразмыслив, я решил поехать к отцу. Ещё «не так поздно, до темноты сумею обернуться. Они там, у гор, чистят анхор⁹, который обеспечивает нас водой.

До анхора я добрался быстро. У каждого кетменщика был свой отмеренный участок. На берег летели песок, глина, гравий. К отцу подвёл меня табельщик Мурадхан-ака. Узнав, что отцу пришла повестка, он сказал:

– Не расстраивайся, дядюшку Палвана¹⁰ на войну не заберут. Он ведь один работает за пятерых. Что мы станем делать без таких людей?

И правда, если у других участок в четыре-пять метров, у отца он вытянулся метров на двадцать и уже почти вычищен.

Отец не спеша, размеренно выбрасывал на берег песок. Кетмень у него сделан по заказу.

Им, кроме отца, никто не может работать: лезвие с целый стол, тяжеленнейшее, просто ужас. Я еле приподнимаю этот кетмень.

Табельщик Мурадхан-ака какое-то время наблюдал за отцом, потом окликнул:

– Дядюшка Палван! К вам тут гонец на осле.

Отец поднял голову. Он тяжело дышал, на лбу его выступили крупные капли пота. Одна

⁸ Джугара – крупа.

⁹ Анхор – река, канал.

¹⁰ Палван – богатырь, силач.

пола чапана заткнута за поясной платок – чорсу, рукава закатаны до локтей.

– Арифджан?

– Я это, папа, я.

– Вылазьте сюда, дядюшка Палван, – сказал табельщик. – Важный разговор.

Отец упрямо мотнул головой: нет, дескать, немного осталось, вот закончу, тогда и поговорим.

Весть, которую я принёс, отец принял спокойно.

– Ты смотри-ка, Мурадхан! – воскликнул он. – Сегодня только во сне видел, как я на белом коне уходил туда, куда садится солнце. Вот уж действительно вещей сон! – Больше папа ничего не сказал, только как-то отрешённо улыбался да то щипал нос, то почёсывал за ухом.

Прощание

Наш председатель не хотел отпускать отца на фронт, даже в военкомат ездил. Там он сказал, что Мирза-палван один выполняет работу трактора, если он уедет, то колхоз развалится на кусочки. Но его никто не послушался: «На фронте как раз такие богатыри и нужны».

Ночью отец свалил большую урючину в саду, распилил и нарубил дров, а под утро поехал на мельницу, намолотил пшеницы и джугары. (Он, верно, думал, что этого хватит до его возвращения.) Вечером у нас собрались люди. Первой появилась во дворе тётушка Тулган с тремя мешочками в руках.

– Как только приедешь на фронт, передашь всё это двум моим сыновьям и брату. Скажешь, что мы тут все... – больше она не могла говорить, разрыдалась.

После неё пришли Парпи-бобо¹¹ и его жена тётушка Тухта. Дедушка Парпи – дядя нашего отца. А вообще в кишлаке у нас очень мало родных. Дедушка Парпи – и всё. А у матери здесь совсем никого.

Старики тоже принесли гостинцы для своих детей. Дед еле передвигал ноги, всем телом налегал на сучковатую палку. Он прошёл прямо в комнату, где сидели мужчины, но через минуту вышел обратно.

– Палван, поди-ка сюда, – позвал он отца.

Они повалили набок большую деревянную ступу, сели рядышком.

– Если бог даст и увидишь моих сыновей, перво-наперво поцелуй их в лоб, пусть их головы будут крепкими, как камень. – Дедушка Парпи протянул отцу узелок. – Это передашь Бурибаю. Здесь меховая шапка, пусть сразу наденет. Про то, что... наша сноха ушла к другому, не говори. Расстроится мальчик... Вот это Анарбаю. Постарайся передать побыстрее. Внутри лепёшки, а то зачерствеют. Вот этот полосатый мешочек – запомни, полосатый! – меньшому. Каково ему там, зелёнькому, не знаю... Аллах захочет, вернёшься живыми-здоровыми. Дай бог дожить до тех дней. Ты там младшенькому моему передай, пусть карточку свою пришлёт, я очень соскучился по нему, каждый день снится. За детей своих не беспокойся, пока я жив, в обиду их не дам. Я завтра же снесу этот забор, что разделяет наши двory, будем жить одной семьёй. Вот и Ариф твой уже джигитом стал...

– Дядюшка, вы знаете, что я сам рос сиротой... – тихо начал отец. Мне показалось, что папин голос дрогнул. На глазах выступили слёзы. Я ещё не видел, как плачут мужчины. Мне стало не по себе: я отвернулся. Дедушке Парпи тоже, видно, стало нехорошо. Он заторопился домой.

– Пойду я, Палван, – заявил бобо. – Попробую приложить к ноге горячих отрубей, авось

¹¹ Бобо – дедушка.

поможет. А то ноет и ноет, житья нету...

Мужская комната теперь была набита битком. Здесь собрались: наш сосед Мели-ака, дядюшка Туран, Разык-ака, что вернулся с фронта без ноги, Ходжаназар-ака с Речной улицы, молодёжь, старики.

Папа, оказывается, ещё осенью врыл в землю большой глиняный кувшин с вином. «Кто его выпьет, если я уеду?» – спросил отец и позвал на помощь Ходжаназара. Они вдвоем вырыли кувшин, стали разливать вино по чайникам. Я бегал с чайниками в дом. Когда гости управились с шурпой и наступило затишье, я тоже присел у дверей, прислушиваясь к разговорам взрослых. Говорили о положении на фронте, о том, что наши бьют фашиста почём зря, потом начали жаловаться на цены на базаре, говорить о голоде. В соседнем кишлаке умерло одиннадцать человек. Кто-то попытался испечь лепёшки из рисовой шелухи, лепёшки те начисто сгорели ещё в тандыре. Человек по имени Дехканшапка вёз из Исфары двенадцать килограммов пшеницы, так его бандиты убили и зерно забрали. Неожиданно в комнате снова появился дедушка Парпи. Видать, не смог усидеть дома один. Дед тотчас включился в разговор:

– Разыкбай, скажи-ка мне, сынок, вот что. Говорят, у этого гирмана¹² один глаз спереди, другой на затылке, правда ли это?

– Такие мне не встречались, – уронил Разык-ака, прихлебнув из косушки шурпы.

– Нет, я говорю про того самого, их военачальника.

– Тот тоже выглядит точно так, как мы с вами.

– А ты видал его своими глазами?

– Видал.

– Если видал, вот ты и скажи мне: мусульманин этот гирман или кяфир?¹³

– Кяфир.

– Коли кяфир, значит, один глаз его должен быть спереди, другой – сзади, разве не так? Ты, видно, разглядывал его невнимательно. Об этом написано ещё в Коране. Ладно, оставим это. Ты скажи мне вот что, Разыкбай. Правда ли, что каждая пуля этого самого гирмана со ступицу арбы будет?

– Правда, – подтвердил дядюшка Разык. – Снарядом она называется. Но наши тоже не меньше.

– Выходит, наши пули тоже здоровые?

– А то нет! У нас есть такие пули, как... – Разык-ака повертел головой, не находя сравнения. – Вы видели ступу, что стоит во дворе?

– Видал.

– Вот, каждая наша пуля с эту ступу.

– Бай-бай-бай! – удивлённо воскликнул дед, схватившись за ворот рубахи. – И с такими даже пулями не удаётся убить этого чудовища, а? Жувуч, видать, гад.

На вино больше всех налегал дядюшка Туран, он и захмелел раньше всех. Некоторое время сидел, странно зажмурив глаза, о чем-то думая своём, и вдруг вскипел, со всего маху ударил по огромной кости, лежавшей на дастархане¹⁴:

– Разык!

– Что? – вздрогнул Разык-ака.

– Ты чего болтаешь вздор?

– Я не болтаю вздора.

¹² Гирман – германец, немец.

¹³ Кяфир – иноверец.

¹⁴ Дастархан – скатерть с яствами, расстилаемая на полу.

– О враге вы у меня поспрашивайте, у меня! Я их пятьдесят штук уложил, не меньше. Или это неправда?

– Чистейшая неправда, – сказал Разыкака, подмигнув остальным.

– Ты сам лгун. Я десять раз ходил в штыковую атаку. В каждом бою убил по пять немцев, я их прямо на штык нанизывал, вот так, вот так!

– Если бы ты убил пятьдесят немцев, то героем стал! Вся грудь была бы увешана орденами!

– Орденами?

– Да.

– Есть ордена.

– Ну-ка покажи!

– Эй, Разык, не приставай ко мне, понял? Я не за ордена дрался, понял? Я бился кровь за кровь, око за око! А ордена... я их раздал новобранцам, когда вышел из госпиталя. На память. Наказал, чтоб все дрались, как дядюшка Туран. Ты, Разык Хромой, много не пыжься: мол, разведчик, орден Славы имеешь... Я... я есть сержант Туран Урунов, с генералами за руку здоровался! «Сержант Урунов слушает!» Понял?! – С этими словами дядюшка Туран вдруг зарыдал. Он разорвал рубаху на груди, начал колотить себя по голове, выкрикивая имена погибших товарищей. Его подняли с места и кое-как увели домой, плачущего.

После этого люди долго сидели молча, боясь нарушить тишину. Наконец Разык-ака обратился к отцу:

– Палван, значит, с утра пораньше в путь-дорогу?

– Да, вроде того... – закашлялся папа.

– Во всяком случае, сынок, мы надеемся: за тебя, за тогобца, краснеть не придётся... – вставил дедушка Парпи. – Дерись на совесть. Тагобцы с басмачами тоже дрались как надо, и вы не поддавайтесь врагу. Если уж этот гирман и силён, не сильнее небось курбаши Куршермата... А его мы побиили. Что скажешь, Разык-бай?

– Вы правы, отец, – подтвердил Разык. – Самое главное, Палван, не растеряться в бою. Потом, держись поближе к русским, не пропадёшь. Меня они здорово научили воевать. И с поля битвы вынес меня, раненного, русский парнишка. Совсем незнакомый. – Разык-ака стал подниматься, давая понять, что пора уже расходиться.

– Давайте прочитаем молитву, – сказал дедушка, встал на колени и воздел руки к потолку: – Илое аминь... – бодро начал он, но сразу осекся. Видно, забыл, как там дальше. Однако дед не растерялся. Он повторил: – Илое аминь... Чтоб путь твой был безопасным, Палван, чтоб живым-невредимым назад воротился, чтоб голову с плеч снял неприятелю одноглазому по имени гирман, чтоб всем вам, воинам, помогал святой Хазрат Али Шер, аминь!

– Аминь! – присоединились к молитве остальные.

Все потянулись из комнаты. Во дворе гости обнимались с отцом, прощались. В голос завывали женщины, к ним примешались тоненькие голоса моих братьев и сестёр...

Наконец все гости разошлись, в тёмном неуютном дворе остались мы одни. Я пошёл в хлев задать корму скотине. Вернувшись в дом, увидел, что мама постелила всем нам в той большой комнате, где сидели мужчины.

Обычно мы спали в трёх комнатах: я с Усманом – на кухне, Аман с отцом – в гостиной, а мама с меньшими – в маленькой комнате. Сегодня мама постелила всем вместе потому, что это была последняя ночь, когда отец ночевал дома.

Аман с Рабинисой забрались к отцу на колени, загадки отгадывают. Мама заплетает Зулейхе косички. Усман перевернул медный тазик, положил на него лист бумаги и рисует, лёжа на животе. Я только теперь обратил внимание, что мама наряжена как в праздник: надела своё атласное платье, которое всегда пахло айвой, длинный бархатный халат, на голове зелёный

шёлковый платок, волосы чисто вымыты, блестят при свете лампы.

– Главное, пишите почаще, сообщайте всё о себе, – говорила мама.

– А то нет! – отвечал папа. – Сама не забывай писать. Кстати, ты вернула долг Мели-аке?

– Вернула.

– Хорошо. Больше никогда не берите у него в долг.

– Чтоб лицо ему своротило, ростовщику проклятому! – пожелала мама. Наш сосед Мели-ака втайне занимается у нас в кишлаке ростовщицеством. Про него люди говорят: «Мели палец в рот не суй: копейку даст в долг – заставит вернуть рубль». Так и называют Мели-аку за глаза: Ростовщик. А вообще он сторожем при колхозном амбаре служит. Но денег у него, по слухам, миллион.

– В общем, с Мели-акой больше не связывайтесь, – повторил папа.

– Ой, беспамятная стала, – воскликнула вдруг мама.

Вынула из кармана треугольный талисман, протянула отцу:

– Повесьте на шею, это от бед всяких. Отец вначале отказался от талисмана («Брось ты, не верю я этим штукам!»), но когда мама сказала, что на талисмানে записаны имена всех шестерых детей, покорился.

Настроение у меня было хорошее. Не знаю, быть может, мне понравилось то, что на проводы отца пришло столько народу, или то, что сидим мы вот так, всей семьёй, тихо, мирно, каждый занят своим делом, точно нигде никакой войны и нет. С таким же радостным, чистым чувством я уснул. Проснулся я неожиданно за полночь. Мама плакала, положив голову на колени отца. Он гладил её волосы, беспомощно бормотал: «Ну зачем, ну не надо, пожалуйста...»

– Палван! Смотри не проспи! – раздался со двора голос Парпи-бобо.

Проводы

В путь мы тронулись засветло.

Дед Парпи и тётушка Тухта сели на своего осла. Зулейха, Усман и Аман втроём оседлали нашего ослика. Отец завернул полы халата назад, к спине, образовав нечто вроде горба, на который усадил Рабинису. Он, мама, Султан и я пошли пешком.

До райцентра можно было идти широкой дорогой, но отец решил сократить путь на шесть километров – пошли тропкой.

Всадники ехали впереди. Мы – следом. Все молчали, точно израсходовали все слова. Отец-то у меня вообще неразговорчивый, может неделями слова не вымолвить. А мне сейчас так хотелось поговорить с ним, порасспросить о многом, надолго запомнить его голос.

Я остановился, чтобы повыше поднять мешочек за спиной, сползавший вниз, как отец заговорил сам:

– Устал, сынок?

– Нет, нисколечко, – ответил я поспешно.

– Арифджан... – позвал отец тихо.

– Да, папа?

– Теперь тебе трудновато придётся, сынок.

– Почему это, папа?

– Братья и сёстры твои ещё малы, мама целыми днями на поле, все заботы о хозяйстве лягут на тебя, сынок.

– Не беспокойтесь, папа. Я работы не боюсь. К тому же я привычный.

– Спасибо, сынок, но ты из-за хозяйства учёбу не бросай. И за их учёбой следи. – Кивнул

папа в сторону малышей. Потом продолжал: – Такое оно дело, видишь... У всех нынче такая участь... А я надеялся вывести вас в люди, учиться послать в большие школы... А учиться надо... Я и сам мог подучиться, дурак, да не стал. Открыли у нас ликбез – было такое, – в доме богатея Нисормата располагался, так я не пошёл. А теперь вот еду на фронт и всё думаю: как же я письма буду писать?.. Эх...

– А нельзя будет попросить товарищей, папа?

– Конечно, сынок. Но напишут они для тебя раз, два, потом ведь и им надоест, разве не так?

– Вообще да, папа.

– Если понимаешь всё это, учись. И хорошо учись. Стань домумлой, чтоб у тебя очки были и красная папка под мышкой.

– Папа, а вы умеете стрелять из винтовки?

– Э, сынок, спросил бы ты лучше у меня, умею ли я махать кетменём! Я и ружья-то охотничьего не держал в руках. Ещё хочу попросить тебя, сын, не обижай маму, береги её, бедняжку...

– Хорошо, папа.

– Спать отныне ложись с Аманом, побольше рассказывай ему сказок. Без сказки он и уснуть не может. Чудной мальчик. Очень уж любит всякие там сказки, загадки...

– Папа, вы знаете, он ведь и стихи сочиняет.

– Знаю. Живой вернусь, непременно пошлю его учиться. Арифджан!

– Да, папа?

– Когда овца объягнется, корову продайте. Я маме сказал. Овечьего молока вам хватит сводить концы с концами. А корова больно уж стара, молока она больше не даст. Ягнёнка оставьте.

Наш ослик почему-то вдруг взбрыкнул и ринулся вперёд, чуть не свалив Зулейху и Амана с Усманом. Вообще он от самого дома вёл себя странно: то вскинет к небу передние копыта и ревёт, то начинает принюхиваться к чему-то на земле, крутиться волчком, а то ни с того ни с сего пустится вскачь. Надоел всем прямо не знаю как. Теперь я понял, ослик тут был ни при чём – это я виноват: вчера, когда вылили из кувшина вино, на дне оказался целый таз виноградных остатков. Выбрасывать их мне было жалко, вот утром и дал ослику. Он съел с удовольствием, а теперь, видно, хмель ударил в голову.

– Папочка! – закричала Зулейха. Ослик сбросил с себя всех трёх седоков, кинулся влево – прямо по зяби. Какая тут суматоха поднялась!

Мы с папой бросились в погоню за ишаком. За нами увязался Султан. Пьяный осёл пролетел через зябь, выскочил на целину. Султан оказался резвее нас: он дважды хватался за поводья, но ослик вырывался из его слабых рук. Так мы часа два неслись: ослик впереди, мы за ним.

Смотрим: очутились в какой-то гористой местности. Прямо впереди нас зияет пропасть. Мы взяли осла в кольцо, начали медленно приближаться. Длинноухий дожидался нас довольно спокойно, но вдруг вскинул передние ноги вверх да как прыгнет! Прямо в пропасть.

– Эх-х! – вырвалось у отца. Он горестно покачал головой: – Конец. И осла лишились теперь...

До военного комиссариата добрались к обеду. Народу кругом видимо-невидимо: старики, старухи, молодухи, дети – яблоку негде упасть.

Человек двести мужчин выстроились в два ряда. Иные из них стояли смиренно, даже глазом не моргали, иные, видимо, плюнули на всё, расселись на своих мешках, иные переговаривались с людьми из толпы, приложив ладони ко рту рупором:

– Папа, папа, я здесь, вот он я!

- Хаким, как приедешь, сразу пришли свой адрес!
- Сынок, смотри, поздно на улицу не выходи!
- Ака, пришлите своё фото в форме. Мы будем на вас любоваться! – несло из толпы.

Отец первым обнял Парпи-бобо, сказал, что нас, детей, поручает ему, а его самого – аллаху. Потом поочередно обнял нас, целуя в лоб. А мама не успела положить руки на папины плечи – зарыдала в голос.

Наконец папа продрался сквозь толпу, подошёл к молоденькому русскому командиру. Тот разыскал в списке папину фамилию, начал было что-то выговаривать, потрясая рукой, но отец рассказал по-узбекски, почему опоздал, а в конце рассказа опять повторил: «Ишак».

- Чего, чего? – вскинулся командир.
- Ишак, – повторил папа с готовностью.
- Ишак? – переспросил командир, ещё более распаляясь.

Отец опять принялся рассказывать историю с ослом, теперь он добавил, что длинноухий был пьян вдребезги. И свой рассказ заключил словом «Пьяниста».

– Пьяница?! – взвизгнул командир, вскинув брови.

– Ишак пьяниста! – радостно воскликнул папа, довольный, что наконец-то объяснился с начальством. А командир только теперь и разъярился. По-моему, у него и волосы встали дыбом. Бегом убежал в контору и через минуту вылетел в сопровождении узбека в военной форме.

– Вы почему оскорбили командира? – спросил узбек. Когда отец повторил ему нашу

историю, он захохотал, перевёл рассказ командиру – тот тоже рассмеялся, подошёл к отцу, похлопал его по плечу, потом поставил в строй.

Отец оказался слишком высоким – командир перевёл его на другое место. Но и здесь он был на целую голову выше стоявших рядом. Командир перевёл его дальше, потом ещё дальше. Отцу, видно, это надоело, он громко пообещал:

– Ладно, я постою здесь. Только пригнусь маленько.

– Ничего, стойте как есть, – сказал узбек. – Артиллерии как раз такие богатыри и нужны, как вы.

Потом он чуть отступил назад, дал команду строиться. Приказывал он по-русски. Сидевшие поспешно вскочили на ноги, иные взяли свои мешки в руки, другие забросили за плечо.

Никогда не думал, что это так страшно, когда плачут сразу тысячи человек!

Мне показалось, что рыдает весь мир, земля и небо, деревья и травы льют слёзы горя и тоски. Плакал Усман, ревел Аман, рыдала с визгом Рабия...

– О-о, бо-оже мо-ой!..

– Чтоб от меча святого подох тот гирман!

– Бедные наши джигиты!..

– Сы-ын мой!

Мама молчит. Не плачет, не кричит, вся какая-то одеревеневшая, равнодушная. Весь день она была сама не своя, я-то видел. Она была как каменная и во время митинга, и когда новобранцев сажали в машины. Если кто из малышей приставал, резко отталкивала его от себя. Всю обратную дорогу тоже молчала, точно её постигла какая-то страшная болезнь, отняла язык.

Придя домой, мы обнаружили, что наша беременная овца лежит мёртвая посреди хлева. Скончалась в страшных муках, так и не объягнувшись.

– Эх, какое горе! – покачал головой дедушка Парпи. – Если бы я сам был тут... хоть ягнёнка бы спас. А так ни мяса, ни ягнёнка, ни овцы... Беда одна не ходит... Да что и поделаешь?!

Аман подошёл к маме, сказал, что животик болит, попросил хлеба. Вот тут-то и взорвалась мама: она закричала «во-он!» и повалилась без памяти на землю.

Дедушка Парпи хочет купить пушку

Дядюшка Туран и Разык-ака ходили из дома в дом и собирали для бойцов всякую всячину: сушёные фрукты, рукавицы, шерстяные носки, шапки. А мы, дети, ходили за ними, чтобы посмотреть, кто что даст и сколько. Очередь дошла до Парпибобо.

– Иные жалеют горсточку червивого урюка, – начал издалека Разык-ака, – тогда как один ташкентец купил для наших доблестных воинов целый танк!

– погоди, объясни вначале, что это такое – танк?

– Танком называют трактор, который воюет.

– Ёпирай¹⁵, неужто и трактор может воевать?!

– Может, – подтвердил дядюшка Туран. – Один старик, вашего возраста, на все свои сбережения купил самолёт.

– Айриплан? – удивился дед.

– Да, айриплан.

– Неужели государство разрешает покупать такие вещи?

– Разрешает, – твёрдо ответил дядюшка Туран. – Вот бы вы купили для своих сыновей пушку и послали на фронт!..

¹⁵ Ёпирай – возглас удивления – боже мой.

Парпи-бобо постоял в некотором раздумье, покусывая кончик бороды, потом махнул рукой:
– Брось ты такие разговоры, Туран! Сейчас на нашем базаре стоящих щипцов для углей не найдёшь, не то что пушку!

– А вы сдайте государству денежки, а уж государство найдёт, где купить пушку! – подлил масла в огонь Разык-ака.

Парпи-бобо выпустил изо рта кончик бороды.

– Хош, а сколько берут за приличную пушку?

– Сто тысяч, – сказал Разык-ака, не моргнув глазом. Дед только и произнёс: «А?!»

– А вы как думали? Пушка – это вам не праща, которой камешки мечут в воробьев!

– Разык, послушай меня. А нельзя ли как-нибудь подешевле купить? Может, подержанную какую...

Разык-ака пожал плечами, пошёл из двора.

– А никто вас и не заставляет покупать пушку. Спасибо и за этот изюм, дедушка. Сказал же вам, иные и того жалеют.

– Ладно, на этот счёт я ещё должен посоветоваться со старухой, – пробормотал дедушка Парпи, направляясь к себе.

Тётушка Тухта стирала во дворе. Дед близко подошёл к ней, постоял, переминаясь с ноги на ногу, потом сказал, что в нынешней войне нельзя и шагу ступить без пушки, что без пушек победы нам не видать как своих ушей. В заключение добавил, что и Куршермата в своё время удалось выгнать из крепости исключительно благодаря пушкам, что очень сильное это оружие – пушка.

– Знаю, знаю, она стреляет железными шарами, – равнодушно ответила тётушка, продолжая стирать.

Дедушка промолчал, почему-то отошёл к калитке (кто знает, может, готовил путь к отступлению, если старуха кинется драться?) и оттуда крикнул:

– Жена, эй, жена!

– Чего орёшь, не глухая ведь. Чего надо? – Тётушка даже не подняла головы.

– Я хочу купить для своих сыновей пушку!

Нет, тётушка не вскочила, не погналась за мужем.

– Моим сыновьям государство само купит пушку, – сказала она спокойненько.

Дедушка осмелел, подошёл поближе.

– Нет, государство не может каждому покупать пушку. У него денег не хватит.

– У государства есть заводы, что изготавливают деньги, и это не твоя забота, – обрезала она. – Ты иди лучше в дом, тки свою бязь.

– Тот завод, который изготавливает деньги, говорят, неделю тому назад попал в руки неприятеля, – нашёлся-таки дедушка.

Тётушка перестала стирать, задумалась.

– Сколько же стоит твоя пушка?

– Ариф, сынок, скажи ты, сколько она стоит! – попросил дед меня. – Ты ведь слышал.

– Сто тысяч! – поспешно выкрикнул я.

– Че-го-о? – начала медленно подниматься тётушка. – Повтори-ка, сынок, Арифджан, может, я ослышалась?

– Нет, не ослышались, – успокоил я её. – Сто тысяч.

– А ты что, думала, это тебе праща, чтоб метать камешки в воробьев? – рассердился бобо. – Её, знаешь, из чёрной стали отливают!

– Что-то у тебя с мозгами не в порядке, старик. Откуда возьмёшь столько денег-то?!

– Бог даст, найду!

Парпи-бобо у нас мастер убеждать, он так частил, что тётушка Тухта слова не могла вставить. С его слов получалось, что без пушки войну мы никак не выиграем. Вернутся домой трое сыновей тётушки или нет, тоже зависело от пушки. Чем быстрее дедушкина пушка окажется на поле битвы, тем быстрее вернутся домой все триста парней, ушедших на фронт, да и голод, который всё больше даёт о себе знать, сгинет, как только пушка будет куплена и отправлена в Россию.

– Ладно, делай что хочешь. Тебе видней, – сдалась тётушка.

Парпи-бобо не умел считать денег, поэтому наутро, отправляясь на базар, он взял меня с собой. Мы погрузили на арбу, которую дед выпросил в колхозе, два мешка изюма, три мешка сушёного урюка, четыре мешка джугары. Здоровый битюг быстро доставил нас в райцентр. Базарные покупатели будто только нашего появления и ждали: мгновенно разобрали весь наш товар.

В среду на базар мы погнали корову и телка. Неплохо продали и стог клевера, сушившийся на крыше. Свалили вырученные деньги в кучу, сосчитали. Нужной суммы не было.

– Что будем делать? – повернулся дедушка ко мне. Я, конечно, не знал, пожал плечами. – У тётушки есть вещички... – раздумчиво проговорил бобо. – Готовилась женить твоих дядьёв. Отрезы бекасама, атласа, шёлка... Только не даст старуха.

– А если попросить хорошенько?

– Всё равно не даст, – покачал головой дед. – Если вот взять незаметно...

– Вы хотите сказать, если украсть?

– Ну, поплачет малость, успокоится...

– Не знаю, – опять пожал я плечами, невольно оглянулся на тётушку, что сидела поодаль во дворе. Она слышала, что ли, нашу беседу, поднялась с места и ушла в дом. Через какое-то время вышла с узлом в руке, бросила перед нами. В нём были заготовленные к свадьбе Дехканбая-аки подарки. «Дети мои вернутся – уж я сумею их женить!» – смахнула слезу тётушка.

В воскресенье мы распродали и эти вещи. Денег опять было недостаточно. На этот раз дедушка Парпи взъярился на меня: «Ты, пустая башка, не будь растяпой: считай получше, много бумажек не считанными проскакивают у тебя меж пальцев!» Я пересчитал. Всё было верно.

– Ты смотри, целый хурджин¹⁶ денег и то не хватает, а?! – удивился дед.

– Не хватает, – осторожно согласился я, боясь, как бы он опять не накинулся на меня.

– Сколько же у нас не хватает? – переспросил дед.

¹⁶ Хурджин – перекидная сума.

- Десять тысяч.
- Что же теперь делать-то, и продавать вроде больше нечего.
- Может, возьмём в долг?
- Разве что у Мели-ростовщика? – спросил бобо, уставясь на меня.

Правда, у кого и найдёшь деньги, как не у Мели-ака?! Вот у кого куча денег! Говорят, он не может спать ночами дома: денежная вонь гонит его прочь. Дедушка Парпи недолгобливает Мели-аку, вернее, просто ненавидит, да и мало кто любит его в кишлаке. Не любят, но обращаются к нему, раз другого выхода нет.

Когда мы вошли, Мели-ростовщик что-то писал в толстой тетради, рядом лежали деревянные счёты.

Ростовщик был низкий человечек с толстым круглым лицом, широким лбом, курносый; редкая борода его казалась выщипанной, подбородок обрубленный. Животище у него было что надо, когда Мели-ака садился, он превращался в туго набитый, поставленный стоймя мешок. Станный человек этот Мели-ака. Порой, когда он рассказывает интересные вещи и смешит всех, считаешь его душой общества. Иногда молчит, точно отнялся язык. Очень любит клясться. Через каждое слово вставляет: «Пусть накажет меня святая могила».

Сегодня, по-видимому, у него было хорошее настроение: встретил нас как почётных гостей, не знал, куда посадить. Но, узнав, за чем мы пришли, вмиг посуровел.

- Денег нет, убей меня святая могила, – вздохнул он.

– Побойся бога, Мели! – Дед принялся его уговаривать.
– Дядя Парпи, вы всеми уважаемый человек, знали моего отца, вам я готов сердце отдать. Если бы у меня были деньги, убей меня бог, ту пушку я купил бы сам!
– Я тебе верну те деньги в двойном размере.
– Я же сказал вам, что у меня самого денег нет.
– Тогда найди где хочешь.
– Но тот человек навряд ли согласится дать денег на ваших условиях, убей меня святая могила.

– На каких же он согласится, интересно?
– Боюсь, запросит в тройном размере.
– Передай тому человеку, что я согласен! – вскричал дедушка вне себя от радости. Но и после этого ростовщик долго препирался с бобо, клялся, что такому человеку, как дядюшка Парпи, который хоронил его родного отца, будь у него деньги, насовсем, без возврата, отдал бы десять тысяч рублей. Потом еле поднял свой животище, постанывая, как объевшаяся клевера корова, вышел из дома и пропал на целый час, а может, и больше. За это время можно было сварить плов и съесть его без остатка. Наконец он вернулся, всё так же ойкая и постанывая, бросил перед дедом пачку денег.

– Еле уговорил проклятого!

По приказу дедушки я пересчитал деньги. Надо сказать, я это сделал за секунды, до того натренировался считать деньги.

– Не хватает трёхсот рублей, – объявил я. Мели-ака не поверил мне, пересчитал деньги сам. «Вот гад, а, вот кровопийца, и тут надул меня, бедного!» – выругался он, но добавить нехватящие триста рублей отказался наотрез.

– Хотите – берите, хотите – нет, терпеть ущерб я не намерен! – заявил он, запихивая деньги в карман.

Дедушка поспешно остановил его:

– Ладно, ладно, давай сколько есть.

На другой день мы набили хурджин деньгами, пошли в правление колхоза. Председатель не стал принимать их, посоветовал везти в район, сказав, что наш поступок высоко оценит начальство. Колхозному счетоводу велел ехать с нами.

В военном комиссариате нас встретил знакомый нам уже русский командир. Узнав, в чём дело, он привёл другого командира. Тот тоже был русским, но очень хорошо говорил по-узбекски. Он обнял деда, расцеловал.

– Спасибо, аксакал¹⁷. Нет, войну мы не проиграем, покуда у нас есть такие отцы, как вы, и воины, похожие на этого парнишку. – Командир указал на меня.

Деньги мы сдали с письмом, которое сочинили ещё загодя. Вот какие, между прочим, были там слова: «Из этой пушки, купленной на деньги уста¹⁸ Парпи из кишлака большой Тагоб, пусть стреляют метко его сыновья-бойцы Анарбай, Бурибай и Дехканбай, а также его племянник по отцовской линии Мирзапалван сын Ахмадпалвана...»

Султан сбивается с пути

После ухода отца на фронт мама стала к нам ещё внимательнее.

– Как бы то ни было, школу не бросайте, – говорила она, – о том же просил ваш отец.

¹⁷ Аксакал – почтительное обращение к старшим.

¹⁸ Уста – мастер.

Обычно я встаю с зарёю и, если мама работает в ночную, отвожу Амана с Рабинисой в поле. Потом возвращаюсь домой и вместе с Усманом, Зулейхой и Султаном иду в школу. Усман хоть и заканчивает первый класс, до сих пор не знает букв. Садится в уголке и давай рисовать. Зулейха учится хорошо. А Султан... тот совсем от рук отбился. В этом году я ни разу не видел, чтобы в школу он пошёл с сумкой, да и пусто в сумке той: Султан все свои книжки и тетради то ли продал, то ли выменял на хлеб или фрукты. Короче, в школу он ходит развлечься, а ещё вернее, ради той пол-лепёшки, которую там дают. На уроках полулежит на задней парте, дрыхнет.

– Почему ты не можешь учиться по-человечески? – спрашиваю я его иногда горестно.

– Как же ещё учиться?! – шумит Султан. – Хожу же я каждый день!..

– Но ты вечно получаешь двойки!

– А что я могу поделывать, если учителя других отметок не ставят!

С уходом отца на фронт Султан совсем перестал помогать мне по хозяйству. Если я прошу его что-нибудь сделать, он огрызается: «Ключи от амбара у тебя, а работать будем мы?!» Раз доверил ему эти ключи, потом сам пожалел.

В амбаре хранился кусок засоленного мяса. Так Султан собрал дружков-приятелей, пошли они на пустырь за оврагом и сделали шашлыки из мяса. Попробовал я пожаловаться на него маме, но он и её не стал слушать.

– А сами, а сами... – Султан отбежал к порогу, чтоб легче было дать дёру и закончил: – Целыми днями на поле пропадаете.

– Ну и что? Я работаю...

– Женщина должна сидеть дома, смотреть за хозяйством, за детьми, понятно?!

– Вай, да что ты болтаешь, чтоб язык тебе вороны выклевали. Кто это научил тебя такие вещи говорить?

– Никто, я сам научился!

– Не-ет, ты с чьего-то голоса поёшь!..

– Нет, я сам всё знаю. У женщины в руках не руль трактора, а коровье вымя глядится, понятно! Отдайте нас в детдом, и то лучше будет! Вот посмотрите на мои сапоги – портянки вылезают. Женщины проходу не дают, говорят: «Лучше бы ваша мама за вами смотрела, чем пестовать это грохочущее чудовище!»

– Подожди, сынок, подожди... – умоляла мама, – скажи, кто тебе так сказал?

– Не скажу! – Султан со всей мочи хлопнул дверью.

Мама, конечно, никак не ждала от Султана такой выходки. Побледнела как полотно, застыла как изваяние. Всего этого Султан, по-видимому, наслышался от соседок. Вот ведь люди, впутали в свои пересуды ребёнка. Идёт война, все должны работать не жалея себя: ни мужчины, ни женщины, а они такие разговоры ведут, что просто стыдно.

Мама всё ещё стояла, бледная, посреди комнаты, глаза её были полуприкрыты.

– Арифджан! – позвала она вдруг, придя в себя.

– Да, мама.

– Поди сюда, сынок. – Я прильнул головой к тёплой материнской груди. Мама поцеловала меня в лоб, погладила грубыми руками плечи. – Ты-то у меня умный, всё понимаешь, верно?

– Понимаю, мамочка.

– И война, вот увидишь, кончится, и папа вернётся, – вздохнула мама. – Сдам я тогда трактор парням, вернувшимся с войны, займись домом, верно, сынок?

– Да, мама.

– Вот тогда я отмою вас, обстираю, будете ходить у меня чистенькими, опрятенькими,

верно, сынок?

– Вы не обращайтесь внимания на эти разговоры, мама.

– Умница мой! – Мама опять поцеловала меня.

В поле она отправилась в тот день нехотя. У ворот стоял хмурый Султан. Мама его тоже притянула к себе, как ни в чём не бывало поцеловала в лоб. «Не обижай брата, слушайся его, – сказала она тихо. – В воскресенье куплю тебе новые сапоги...»

Короче говоря, Султан стал грубым, до невозможности ленивым, грязным, точно не мылся от самого рождения. Шея его стала похожа – поверите ли? – на голенище старого сапога. «Пойди умойся!» – говорю я. А он: «Так завтра опять буду грязным». Сегодня он опять с утра расстроил меня. Уводя спозаранку Рабинису и Амана на поле, к маме, я велел Султану к моему приходу вскипятить чаю. Вернувшись домой, увидел, что очаг даже не разожжён. Султан сладко спит.

Я поставил чайдуш¹⁹ на огонь, открыл казан... и обомлел. Четырёх лепёшек, которые мама оставила нам на день, не было. Я растолкал брата, весь дрожа от негодования.

– Кто съел лепёшки?

– Я, – нехотя открыл глаза Султан.

– Почему съел?

– Был голодным, потому и съел, – потянулся он лениво.

– Но ведь ты один съел шавлю²⁰, что приносила вечером тётушка Тухта!

– Ну и что? Утром тоже есть хочется! – С этими словами Султан собрался и ушёл в школу. Так мы: Усман, Зулейха и я – остались без завтрака. Что делать? Взяли по горсточке изюма и отправились в школу. Признаться, в последнее время и в школе стало неинтересно. Да и трудно назвать учёбой то, чем мы занимаемся. Раньше тринадцать-четырнадцать классов бывали переполненными, а сейчас все ученики свободно вмещаются в двух небольших классах. Раньше мы сидели по шесть часов на уроках, мозги чуть не разжижались от наук, а теперь в самые удачные дни бывает два или три урока. В остальное время гоняем собак. Учителя наши все ушли на фронт, кроме дядюшки Разыка, ни одного мужчины во всей школе. Наша Рахима-апа обычно заходит в класс, делит доску мелом пополам, слева записывает упражнения по русскому языку для младших классов, справа – примеры по арифметике для старших. И всё. Класс на голове ходит, шум, гам, борьба, драка, а учительница сидит в уголочке, читает и перечитывает письмо от мужа или сама ему пишет, роняя на стол крупные капли слёз. Уроки Рузихан-апы проходят иначе. Она от звонка до звонка занята наведением порядка в классе, только и знает нотации читать. Нас это особо не огорчает. Большинство приходит в школу, чтобы получить пол-лепешки из джугары на завтрак и две картофелины на обед.

Дядюшка Разык преподаёт военное дело. Вот его-то уроки проходят интересно. Потому что большей частью Разык-ака интересные истории рассказывает, иногда мы рассказываем.

С Султаном не можем поладить ни я с мамой, ни школа. Нет, чтоб играть себе, есть что дают, – изводит нас напропалую. И главное, нечист на руку стал. Вчера, например, я растолок на ступе чашу кукурузы, думал похлёбку сварить, так знаете, Султан втихую слопал её в сыром виде. Что мне с ним теперь делать? Как направить братишку своего на истинный путь, ума не приложу.

Драка за безымянную высоту

¹⁹ Чайдуш – медный кувшин для кипячения чая.

²⁰ Шавля – рисовая каша на масле.

После большой перемены девочек отпустили домой. Они все признаны негодными к военному делу. Случай такой был. Однажды Разык-ака решил провести занятие под названием «Штурм». На этом занятии наши девочки так вошли в раж, что исцарапали друг дружку, волосы повырывали, платья изодрали, даже по пути домой не успокоились, продолжали «битву». Потому-то они и не допускаются теперь на военное дело.

Мы собрались в помещении шестого «А». Мы – это учащиеся семи классов, с первого по седьмой. Учителя не было несколько минут. Тут такое поднялось, что хоть мёртвых выноси. Хорошо, в коридоре закрипели, как несмазанная арба, костыли Разыка-аки.

– Что за шум? – постучал он ими о порог.

В классе вмиг установилась тишина. Дядюшка Разык прошёл за учительский стол, сел, оглядел класс, потом вынул из-за пазухи сложенную пополам тетрадку, протянул Хамрокулу.

– На, запиши присутствующих. Хамрокул всегда сидит за первой партой в ожидании вот таких поручений. Его хлебом не корми – дай поручение. Он с готовностью схватил мятую тетрадку.

– Что мы проходили на прошлом уроке? Трудно бедному Разыку-аке, очень трудно: как он вернулся с фронта безногим, жена тотчас бросила его. У него в кишлаке никого нет, один как перст. И хижина его пуста, неуютна. Старенькая войлочная кошма, прокопчённый чайдуш, чайник с отбитым носиком – вот и всё хозяйство. К тому же у Разыка-аки нет одной ноги, говорят, хотя ноги-то и нет, она у него болит и ноет ночами в том самом месте, где отрезана. У него и рука правая плохо слушается... Ох трудно, тяжко человеку. И мы... знаем, незлой он, покладистый, щедрый, любит посмеяться, а вот от недобрых шуток своих мы не можем удержаться...

Гляжу, мой братик Усман руку поднимает. «Можно, я скажу, что проходили?» – спрашивает тихо так, почти шёпотом. Но учитель хорошо расслышал его.

– Скажи, – попросил он.

– Разведчик... – начал поспешно Усман и замолк, словно забыл, что хотел сказать.

– Ну-ну, каким должен быть разведчик?

– Смелым...

– Ещё?

– Находчивым.

– Ещё?

– Кошка... – задумался Усман. По классу прошелестел едва слышный смех.

Разык-ака улыбнулся:

– Ты хочешь сказать, должен быть ловким, как кошка?

Усман обрадовано кивнул. Учитель велел Хамрокулу поставить ему пятёрку.

– Теперь, дети, перейдём к новому материалу...

Но ребята зашумели, застучали крышками парт, требуя рассказать анекдот, как Насреддин воевал на фронте. Я тоже присоединился к ним. Потому что знаю: дядюшка Разык лучший рассказчик в деревне. Когда он начинает в кругу взрослых «травить анекдоты», все покатываются со смеху. Если мы не воспользуемся случаем сейчас, потом, возможно, будет поздно.

– Да, да, давайте анекдот!

– Без Насреддина мы не успокоимся!

– Ну ладно... – махнул рукой учитель. И хитро прищурился, как обычно делал перед тем, как рассказать анекдот. – Муллу Насреддина призвали в армию. Командир начал учить новобранцев кидать гранату, колоть штыком и обороняться. Одно время глядит, Ходжа лёгничком на дне окопа и лежит себе. «Афанди, вы что там валяетесь?» – поинтересовался

командир. «Я учусь умирать», – ответил Насреддин.

Посмеялись. Разык-ака начал урок. Сегодня сорок два воина должны прорвать оборонительную линию противника и занять безымянную высоту. Учитель с таким увлечением показывал нам, как атаковать, как защищаться в штыковом бою, кидать гранату, что мы на время забыли про голод и почувствовали себя настоящими солдатами.

– Вста-ать! – закричал вдруг Разык-ака. Мы повскакали с мест, крича и толкаясь, бросились из класса, построились на школьном дворе. У нас на вооружении сорок деревянных винтовок, десять гранат и два пулемёта, внешне не отличающихся от настоящих. Изображая ртом выстрелы или взрыв, можно истребить несметное количество фашистов.

– Лицом к дувалу²¹ Мухтарали-аки! – скомандовал командир школьного войска. Мы повернулись к стене Мухтарали-аки, то есть направо. Распределили роли: правому ряду выпало защищать высоту, левому – штурмовать. Командиром защитников назначили Хайита Башку, атакующих – верите ли?! – меня. Поделили оружие.

– К высоте номер один ша-го-ом марш! Мы зашагали, громко печатая шаг. Чем не воины?!

– Раз-два-три! – пытается командовать в такт нашим шагам Разык-ака.

– В единстве сила наша! – выкрикивает кто-то.

– Расправь крылья для полёта! – откликается другой.

– Мало ел каши! – острит третий. Командир наш прыгает на костылях, едва поспевая за нами.

Метрах в трёхстах от нашей школы расположена небольшая высота. На предыдущих уроках мы вырыли вокруг неё настоящие окопы, соорудили площадки для установки пулемётов.

Тут мы и остановились. Командир ещё раз пояснил нашу задачу и закончил так:

– И защитники и атакующие должны бороться за эту высоту так, чтобы врагу не достался этот драгоценный кусок нашей Родины. Задача ясна?

– Ясна! – заорали мы.

– У меня вопрос! – поднял руку Акрам.

– Давай.

– Будет ли выдана двойная норма картошки тому, кто отличится в бою?

– Будет выдана.

Мы заняли свои места: неприятель залёг в окопах, выставив на нас дула винтовок и пулемётов. Я со своими молодцами залёг у подножия высоты.

В небо взвилась ракета – белая тряпка, в которую завёрнут камень. По правилам, мы должны были открыть огонь из всех родов оружия, но вдруг мимо меня мелькнул с криком «ур-ря!» Усман, понёсся к неприятельским позициям. С той стороны раздались беспорядочные выстрелы. Командир школьного войска, взобравшийся на высоту, закричал:

– Усман, ты погиб!

– Нет, не погиб! – ответил тот.

– Падай, ты расстрелян в упор!

– Не попало в меня ничего, убей меня бог!

– Падай, тебе говорят!

Мне очень жалко стало братишку, нет, не потому, что его расстреляли, я помнил, что всё это игра, просто я знал, почему он побежал первым. Усман хотел отличиться в бою, завоевать двойную норму картошки, но теперь убит раньше времени. Я прополз метров сто, вскочил на ноги:

– Вперёд, за Родину!

²¹ Дувал – глинобитная стена.

Мы ринулись во вражеские окопы. Вначале мы фехтовали ружьями, потом почему-то отбросили их и пошло-понесло на кулаках. Враги и свои смешались, пыль столбом, крики. Кто борется, кто валтузит друг друга, кто катается по земле, обнявшись с неприятелем.

– Пора вам отступить! – надрываюсь я.

– Держи карман! – отвечают мне.

А драка продолжается, доносятся крики:

– Отпусти, отпусти, задушишь!..

– Сейчас я тебе в рот кляп затолкаю, чёрт!

– Вот тебе, фашисту, вот!

Передо мной вдруг вырос наш Султан (он был в неприятельских рядах), тигром вцепился в меня. А он знаете какой сильный?! Я стараюсь и так и эдак – никак не могу выбраться из-под него.

– Дурак, отпусти!

– Отдай ключи от амбара – отпущу!

– Отпусти, говорят!

– Ключи отдай!

К счастью, в этот миг командир школьного войска застучал в дырявый медный таз – сигнал к отходу. И вовремя, не то, боюсь, мы с братом подрались бы всерьёз.

Вскочив на ноги, я отдал приказ оставить поле боя. Подхватили раненых и отошли к своим позициям. Командир подошёл к нам.

– Спасибо, бойцы, хорошо дрались! А теперь, уважаемые солдаты, на приступ ещё одной высоты – котла с картошкой, вперёд арш!

Письмо от папы

Скажу вам, с уходом отца на фронт мы страшно тосковали. Ни смеха в доме, ни шуток. Одна тягостная, липучая тоска. Аман с наступлением вечера выходит к калитке, садится на землю и ударяется в рёв: «Па-па-а, когда вы приедете, принесёте хлебушка?!» Накормлю я его кое-как, уложу спать – начинает вторую часть своего плача: «Па-па-а, когда вы вернётесь, расскажете мне сказку?!» Соседи его спрашивают, почему плачет, он отвечает: «А что мне делать, у меня другой работы нет». Иногда прямо у калитки засыпает, с куском хлеба в руке, мокрым от слёз лицом...

Мама всё ещё на поле пропадает. Как говорит Султан, она усыновила трактор, чистит его, вылизывает, домой придёт – скажет: «Прилягу-ка ненадолго», – и засыпает мёртвым сном. Иногда мне тоже становится невмоготу. Измучаюсь, не знаю как, бегая то в поле, то в школу, крутясь по хозяйству, – сил не остаётся. Тогда сяду где-нибудь в укромном уголке, выплачусь от души и вроде отойду немного.

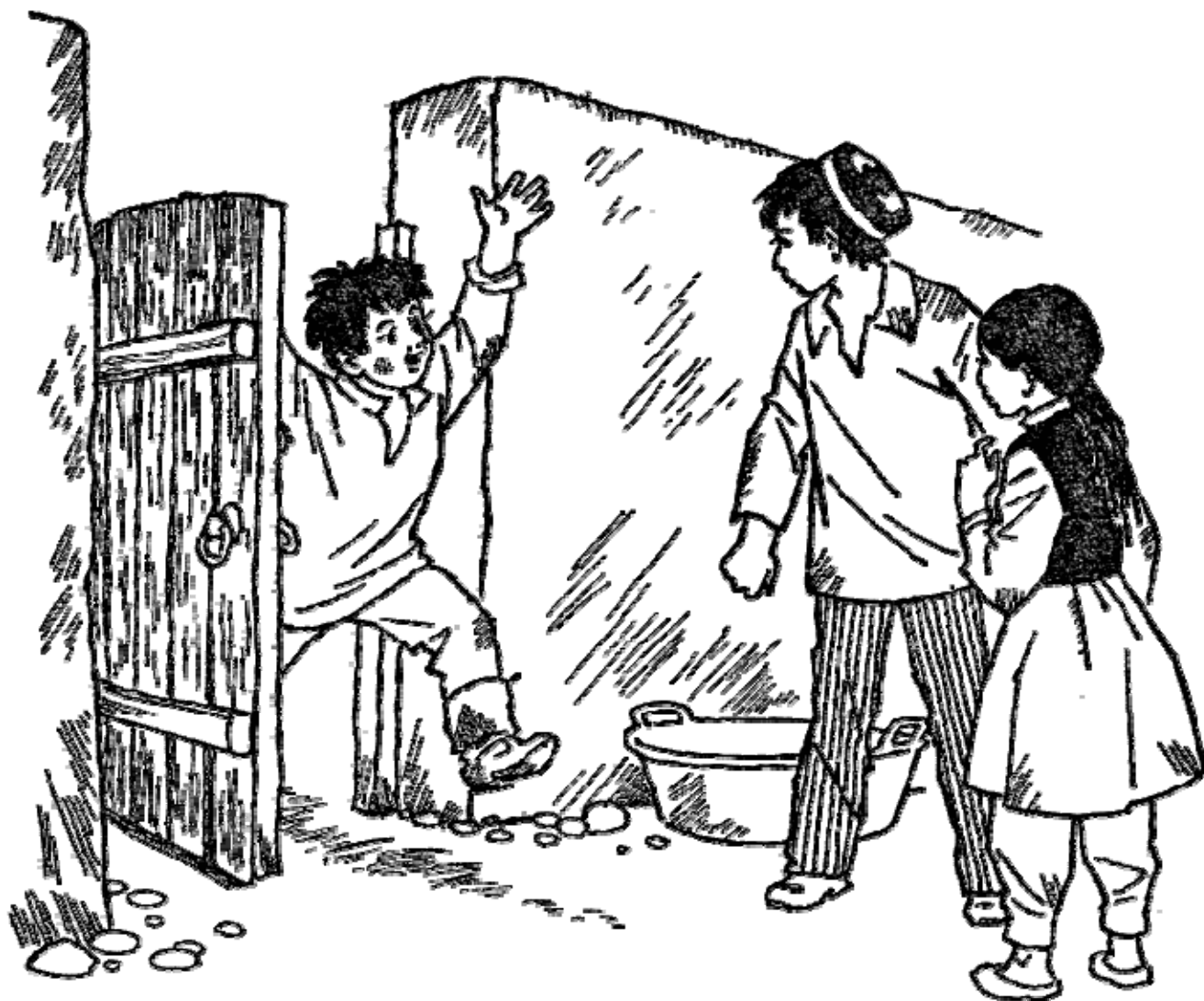
Как-то раз лениво переругивались мы с Зулейхой, как вдруг с треском распахнулась калитка и во двор влетел взволнованный Султан.

– Ака, акаджан, давай гони суюнчи²².

– За что суюнчи?

– Гони, потом скажу.

²² Суюнчи – подарок за сообщение радостной вести.

Знаю я его – упрётся как осёл, слова не вытянешь. Отпер амбар, дал Султану пригоршню сушёного урюка.

– Письмо от папы! – объявил Султан.

– Письмо?! – вскричала Зулейха.

В задней комнате, за остывшим сандалом²³ сидели остальные дети. Услышав наши крики, они высыпали во двор. «Папа приехал, папа приехал!» Я тоже был так рад, точно отец сам вошёл в калитку. Наш двор наполнился ликующими возгласами, счастливым смехом.

Мы гурьбой вошли в дом, зажгли коптилку, расселись вокруг сандала.

– «Здравствуйте, дорогие, – начал я читать. – Из дальних краёв сообщаю, что я, Мирзапалван, сын Ахмадпалвана, пребывающий под водительством мудрого командования, нахожусь в полном здравии.

Шлю пламенные приветы нашей второй половине Кароматбиби, днями и ночами не слезающей с трактора, умному сыну Арифджану, служащему матери сыном и дочерью, а братьям и сёстрам меньшим – братом и отцом, а также богатырю Султанбаю, скромненькой и малословной дочери Бибизулейхе, в которой отец души не чает, мастеру рисовать Усманджану дорогому, сыну-поэту, любителю сказок Аманджану родному, меньшенькой нашей дочурочке,

²³ Сандал – низкий квадратный столик, который ставится над углублением в земляном полу с горячими углями и сверху накрывается одеялом; служит для обогрева зимой.

щебетунье Рабибиби, а также дядюшке Парпи, опоре нашей, ставшему отцом мне вместо отца родного, чьим заботам поручены мои птенцы, свету моих глаз, матери моей второй, тётушке Тухте поклоны мои низкие, самые наилучшие пожелания. Да пусть вам будет известно, что по сей день не довелось мне повстречать ваших сыновей Анарбая, Бурибая или Дехканбая. Наверное, они бьются на другом поле битвы. Гостинцы, что передавала им драгоценная тётушка, ношу с собой в мешке, при встрече непременно передам.

Долго не писал вам по той причине, что, прибывши в Ташкент, я разминулся с земляками, некому было написать письмо за меня.

Мы находились в пути целый месяц, днём и ночью ехали, вот теперь остановились в маленьком городке. Учимся стрелять из винтовки, заряжать пулемёт, ходить в атаку. Командиры мною довольны, говорят, способный. На днях, когда мы пошли в невсамделишную атаку, я всю дорогу нёс на плечах пушку, которая заряжается с дула. Большой командир похлопал меня по плечу: мол, хороший ты солдат. И на том благодарю аллаха.

Дорогой мой сынок Арифджан, я знаю, что тебе тяжело, но даже если так, ещё раз прошу тебя: берегите маму, не огорчайте её, ей тоже нелегко приходится, бедняжке. Помогайте чем можете, пока она не кончит сев.

Продали ли корову? Ведите её на базар несколько дней недоенной, тогда у неё будет тугое и большое вымя. Ещё, сынок, надо разрыхлить землю под виноградником, иначе лозы не дадут новых побегов. Знаешь, я оставил на нише, что в гостинной, фотокарточку, где снят с Ахунбабаевым на стройке Большого Ферганского канала. Она завернута в бумагу. Уберите карточку в сундук, целее будет.

И последнее, что я прошу у тебя, сын мой, учись хорошо, следи за тем, как учатся твои братики и сестрички. Хватит с нас и того, что мы с мамой неграмотные.

Это письмо написал мне парень из кишлака Курганча по имени Сагдулла Бурханов. Он назначен нашим командиром три дня тому назад, пришёл к нам прямо с поля битвы, он же и поведёт нас скоро в бой. Найдите время и сходите в Курганчу, сынок, передайте привет матери Сагдуллы. Бог даст, в скором времени свидимся.

Подписался за сим Мирзапалван, сын Ахмадпалвана».

Поверите ли, я трижды подряд, без остановки, перечитал письмо, а братишки и сёстры просили:

- Ещё, ещё!
- Читай ещё!

Наконец мы отправились с письмом к тётушке Тухте, за суюнчи. Тётушка совсем ошалела от нашей вести, то выскочит во двор, то вбежит в комнату, бесконечно повторяя: «Ой, боже, радость-то какая!..» Пошла за суюнчи в амбар, так вместо подарка поднос соли принесла...

– Тётя, кто это будет есть? – прыснул Султан.

– Вай, проклятая память! – засмеялась тётушка. Потом велела немедленно доставить письмо маме. – Вся-то она извелась, ожидаючи весточки!

Я засобирался в дорогу. Смотрю, Султан тоже начал натягивать свои рваные сапоги. Глядя на него, схватился за одежку и Усман. Стало понятно, что в поле придётся идти всем гуртом.

Мамин трактор забрёл бог весть куда. Пока мы его разыскали, было, наверное, за полночь. Дело в том, что у трактора что-то сломалось и мы не могли найти его по шуму мотора. Мукаррам-апа жгла щепки, светя маме. Мама лежала под трактором, возилась с ключом, чертыхаясь.

– Арифджан, в чём дело? – заметила она нас.

– От папы письмо пришло! – зашумели ребята.

– Мёд вашим устам! – воскликнула мама радостно, но, как ни странно, не попросила письма,

а взяла Рабиюбиби на руки, расцеловала её в глаза, приговаривая: «Моя добрая вестница!» Посадила Амана на колени, погладила по голове. В общем, всех нас обласкала по очереди, угостила зачерствевшей лепёшкой. Лишь после этого обратилась ко мне:

– Ну-ка, Арифджан, что там пишет папа...

Мукаррам-апа подбросила щепок в костёр, я прочитал письмо почти наизусть.

– Слава аллаху, жив-здоров... – вздохнула мама, когда я кончил. Потом вдруг заплакала громко, навзрыд...

Выяснилось, что трактор пустить сегодня невозможно. Мы все вместе собрались домой. Мама взяла Рабию на руки. Мукаррамапа – свою дочь, завернутую в чёрную лохматую шубу. За разговорами и шутками домой пришли быстро. Когда ложились спать, Аман вдруг пожелал:

– Мама, пусть ваш трактор больше никогда не исправится, ладно?

– Почему ты так говоришь, мой сладкий?

– Тогда вы будете спать со мной, а не с трактором.

Мама засмеялась.

– Оббо²⁴, мой сладенький, хитёр же ты... Ложись ко мне поближе, спинку почешу...

Ночью мы все видели во сне отца. Аману приснилось, что он ездит на папе верхом и папа будто бы скачет на четырёх ногах и ржёт по-лошадиному. Аману это нравилось, и он хохотал во всё горло.

Усмана папа повёл на праздник дынь и всё просил, чтобы много не ел, а то, мол, постель намочит ночью.

Зулейхе папа купил ситцевое платье и платок с кисточками, но подарок не отдавал, говорил, догонишь меня – получишь, и сам всё убежал и убежал...

Султан своего сна не запомнил. «А я его наяву видел, – клялся он и божился. – Вышел ночью во двор, смотрю, а папа дрова колет, своими глазами видел, умереть на месте, если вру!»

Помните, когда провожали отца, удрал наш осёл, и мы с папой долго гонялись за ним. Так вот этот случай мне и приснился в ту ночь. Осёл убегает. Мы за ним. Он бежит, мы за ним. «Папа, – взмолился я наконец, – бросим это дело, вы ведь опоздаете!» – «Нет, – будто бы отвечает отец, – мы должны его поймать и отдать учиться. Без знаний ишак никогда не станет человеком». И опять бежит дальше. Но вдруг кругом стало так много ослов, что жуть взяла. Они все встали на задние ноги, пасти пораскрывали, точно смеются, передними копытами машут, как кулаками, и двигаются на меня.

– Папа, папочка! – закричал я в ужасе и проснулся.

Отец, наверное, приснился и маме. Но какой это был сон, мы не смогли узнать. Потому что, когда мы встали, её уже не было. Мама давным-давно ушла в поле.

На базар с мамой

Сегодня воскресенье, в школу не идти. Не хотелось вылезать из тёплой постели. Мы лежали, рассказывали сны, слушали смешной лепет Рабии, когда вдруг дверь распахнулась и на пороге появилась мама.

– Ой, горе мне, вы всё ещё валяетесь?! Ну-ка поднимайтесь! На базар отправляемся.

– Мы все?

– Все, все.

Вы б посмотрели, что тут началось: один ищет рубаху, второй прыгает на одной ноге, надевая брюки, третий бросился во двор умываться, а четвёртый плачет-надрывается: кто, мол,

²⁴ Оббо – возглас удивления.

мне поможет одеться...

– Мама! – позвал неожиданно Аман.

– Что тебе, сладенький?

– Усмана не берите с собой.

– Это почему же?

– Он каждый день съедает края моей лепёшки. Обманывает, что верблюда изобразит...

– Ох, мошенник какой!

– И Султана не возьмём с собой.

– Хош, а его почему?

– Он всегда пугает меня шайтанами²⁵, когда ложимся спать.

– Я ему задам! – грозно пообещала мама.

– Мама, а вы купите на базаре мне петушка? – всё приставал Аман.

– Куплю, сынок. И Бибирабии тоже. – Погладила она голову Рабии, вертевшейся под ногами.

– Конфетного? – уточнила она.

– Да, доченька, конфетного петушка.

– Мне?

– Тебе, моя красавица, полную тюбетейку петушков куплю... – Мама нагнулась, расцеловала её в чёрные горящие глазки. Вы бы посмотрели, как преобразилась Рабия после этого: глаза прищурила, губки выпятила, голову наклонила набок и пошла петь-плясать.

Мама объявила, что новую одежду купит только тому, кто помоется с мылом. Тут уж пошла настоящая драка за кувшин с водой – каждый хотел умыться первым. А Султан, которого неделями нельзя было заставить прикоснуться к воде, приволок целое ведро и засунул в него голову по плечи, фыркал, отдувался.

Наскоро позавтракав, мы вышли в путь. Султан взял на руки Амана, я – Рабию, Зулейха несёт бутылку из-под хлопкового масла, Усман – узелок, бежим, несёмся, спешим на базар, мечтая поскорее облачиться в новые одёжки и пофорсить друг перед другом.

На базаре народу – не пройти, не протолкнуться. В одном ряду продают домотканую бязь, в другом – овощи и фрукты, тут зерно, там мука... Кто-то продаёт медный чайник и пиалы, кто-то – старые сапоги и кожаные ремешки, третий пытается сбыть всю в дырах войлочную кошму, какой-то чужак вынес на продажу недостёганное одеяло, хватает покупателей за полу, суёт одеяло под нос.

– Подходи, народ, слаще чем сахар! – надрывается продавец, взбивая в ведре половником похожую на облако нишалду²⁶.

– Половина сахар, половина мёд! – расхваливает мальчишка моего возраста варёную свёклу.

– Эй, совесть есть у тебя?

– Откуда нынче у людей совесть?!

– Вой-дод²⁷, у меня вырезали карман!

– Прочь отсюда, маслом измажешься!

– Я сшила это специально для сына, купите, не пожалеете!..

– А белой краски у вас нет?

– Товба! Да разве бывает белая краска?!

– Соседка сказала, бывает.

²⁵ Шайтан – чёрт, дьявол.

²⁶ Нишалда – лакомство из взбитых яичных белков с сахаром и мыльным корнем.

²⁷ Вой-дод – караул, на помощь.

– Ну, она вас одурачила.
– Жаль козу, на сто рублей дешевле продал!
– Кто любит петь и плясать, купите патефон!
– Отнеси бабушке!
– Слыхали, соседка, крыса судьбу предсказывает, оказывается...
– Так идём поскорее, невестушка, поворожим на Алимджана.
– Где это видано: за мешок моркови купил кило риса!
– А где продают рис?
– Эй, куда прёшь с ослом, олух?! Базар шумит и бурлит, переливается, гул стоит невыносимый. Отовсюду толкаются, напирают. Чтоб не потеряться, мы крепко держимся друг за друга. Впереди идёт мама, я – замыкающим, между нами – пятеро мал мала меньше. Кто-то спрашивает:

– Все эти ваши?

– Слава богу, мои, – улыбается мама. Другой возмущённо толкается:

– А вам-то что здесь, сидели бы дома!

Мама, оказывается, получила в МТС трёхмесячную зарплату и премии – почти целый мешок денег, потому купила нам всем новую одежду. Больше всех повезло Султану: ему купили хромовые сапожки со скрипом, рубаху зелёную трикотажную, расклёшенные брюки и расшитую узорами тюбетейку. Султан ну прямо женишком стал, хоть сейчас затевай свадьбу.

– Вырос-то как, мой сладенький! – обняла мама радостно сына...

А Зулейха... не знаю, все ли девчонки такие или одна она особая – замучила нас вконец! Она не станет носить, видите ли, бязевое платье, подавай ей из цветного батиста или атласа! Целый час толкала нас по рядам. И ведь что главное – заставила-таки купить, что просила: шёлковое платье с мелкими цветочками, блестящие сапожки, шитую золотом тюбетейку...

– Вот теперь можете с Махмудханом за руку пойти в сельсовет расписаться! – подначивал Султан, но Зулейха в долгу не осталась, жеманно изогнула брови:

– А сам? Сам тоже со своей Саддинисой можешь идти в сельсовет!

Когда собрались домой, я спросил:

– Мама, а вам ничего не купим?

– Если вы одеты, сынок, значит, и я одета, – ответила она тихо.

Возле ворот рынка продавались разные сладости, еда всякая. Тут-то уж Аман и разгулялся. Мы хотели взять чашку нишалды, сесть в чайхане, подкрепиться пшеничными лепёшками, согреться, но Аман упёрся, ни в какую – от нишалды, мол, у него живот болит. Сел прямо на землю и сидит. Тогда мы устроились в кружок вокруг торговки варёным горохом. Торговка завесила нам тарелку гороха, потом другую, третью... А сама без умолку тарахтит, расхваливает свой товар и нас, таких милых, симпатичных детишек. Мы слушаем и едим, едим и слушаем. Смотрим, а таз с горохом пуст, доньшко чистенькое.

– Сколько мы вам должны? – поинтересовалась мама, вставая.

– Горох, конечно, не лошадь и не верблюд... – туманно ответила торговка, отворачивая лицо.

– Так сколько же?

– Триста дадите, и ладно, миленькая. Мама вздохнула, достала из хурджина три сторублёвых бумажки.

Осталось последнее дело, намеченное на сегодня: сняться на карточку, чтоб послать отцу.

Фотография находилась за дровяным базаром, еле отыскали. Очередь была длинная: всем хотелось послать на фронт своё фото. Когда подошла очередь, кудрявый человек с чёрной повязкой на глазу пригласил нас в низенькую комнатку, в которой стоял какой-то непонятный

хороший запах. Мама села на табуретку, мы с Султаном встали по бокам, малыши сели на землю. Фотоаппарат выглядел угрожающе: похожий на патефон ящик установлен на трёх деревянных ножках, сбоку свисает резиновая кишка, глаз не меньше пиалы, уставился на нас не мигая, вот-вот выстрелит. Одноглазый человек приник к ящику, закрыв голову чёрным покрывалом, прицелился было в нас, как вдруг Усман, который давно дрожал как осиновый лист, закричал «папочка!» и бросился вон. Следом за ним пулей вылетел Аман. Вот тебе и карточка! Поймать их труднее, чем диких горных коз. С целый час гонялись мы за ними по району, пока изловили и привели обратно. Да что толку, заставить их спокойно сесть перед аппаратом так и не удалось.

Сфотографировались без них, потом отправились в МТС. Директором МТС была женщина, чем-то похожая на маму.

– Кароматхон, чем вы обидели этих малышей? – указала она на всё ещё хныкавших Амана и Усмана. Мама рассказала, что случилось. Директор засмеялась, вспомнила, как в детстве она тоже выкинула такую штуку, потом вынесла из кабинета колотого сахара и раздала нам по кусочку. Они с мамой заговорили о делах. Директор пообещала послезавтра отремонтировать мамин трактор.

Потом мы гурьбой направились домой, напрямик через поле. Мы хотели поскорее попасть в кишлак, чтоб похвастаться перед ребятами обновками. Больше всех радовался Султан, он громко пел: «Вошёл я в сад цветущий, увидел тебя, бутон нерасцветший!» Его бегом обогнал Аман, высоко поднимая ноги в новых сапогах.

– Мама, хотите прочитаю вам стих?

- Сам сочинил?
- Сам.
- Читай, послушаем.

Аман упёрся руками в бока, склонил голову к плечу и начал, сверкая глазами:

Борода, как у козла.
Как у чёрта, душа зла.
Не могу копейку дать,
Чтоб четыре не содрать.²⁸

Мама вдруг замерла, глаза её испуганно округлились.

- Ой, сынок, что будет-то, если это услышит дядюшка Мели?
- Пусть услышит, я его не боюсь!

Мама шутливо погналась за ним. Остальные тоже припустили бегом. Кишлак был уже близок.

Сумаляк мой, сумаляк!

Вечером двор тётушки Тухты стал неузнаваем. В дальнем конце врыли в землю громадный чугунный котёл. В нём кипел, сердито бурча, сумаляк – кашеобразная сладость из пшеничного солода и муки, которой отмечается приход весны и пора сева. Здесь, вокруг казана, вертятся ребятишки, хвастаются деревянными ложечками и лопаточками, изготовленными ещё днём, кричат, шумят, борются.

– Эй, пустоголовые, ну-ка, марш на улицу! – хватается за кочергу тётушка Тухта, когда становится невмоготу.

- Сумаляк, сумаляджан²⁹, сумаляк! – поёт Акрам Знаток, прыгая на месте.
- Голодному вместо хлеба он! – вторит Махмудхан.
- Бездушному душою он! – добавляет ещё кто-то.

Тётушка делает вид, будто вовсе рассвирепела.

– Вот я вас изловлю, шкуру сниму, соломой набью! – Засучивает она рукава, приподнимает подол длинного платья, чтоб пуститься в погоню. Но куда там, мы врассыпную, брызгами: кто сигает через дувал, кто – через изгородь, кто – в калитку, кто поверх калитки – и нет нас.

А на улице в разгаре игры. Одни в лапту играют, другие – в «Бей мячом», третьи – в «Беги, мальчик, от потопа».

Для начала мы с разбега врезались в толпу играющих (крику было девчачьего!).

- Многодетный, давай сыграем «Ряд на ряд»! – предложил Хайит Башка.
- Начали! – отбежал я на середину улицы, где лежал толстый слой пыли (не больно падать).

Вам не приходилось играть в такую штуку? Пять-шесть самых здоровых и крепких ребят становятся в круг в обнимку, человек десять мелкотни пытается свалить их, разнять.

- Дави их! Валяй!
- Лезь на спину!
- Тяни за ногу!

Ребята падают, встают, снова кидаются в бой. Пыль стоит – не разберёшь, где свои, где чужие.

²⁸ Здесь и далее перевод стихов В. Евпатова.

²⁹ Сумаляджан – сладкодушный.

Из калитки выбежал Усман.

– Эй, тебя мама зовёт, иди. Никак не может Рабинису уложить.

Эта девочка такая: как идти спать, никого не признаёт, даже родную маму, непременно должна положить голову на моё плечо.

– Что, бабуля, дома внуки плачут? – съехидничал Хайит Башка.

– Да, да, извелись совсем, – в тон ему ответил я.

Увидев меня, Рабиниса замолчала как выключенная.

– Арифджан, сынок, присмотри за ней сам, прошу тебя.

Я взял девочку на руки и, баюкая, начал ходить по двору. Большая комната в доме тётушки Тухты была забита старухами и пожилыми женщинами. Они читали «Мушкулкушод»³⁰ в честь сыновей, внуков и мужей, которые на фронте. Голоса их были печальными и умоляющими. Женщины раскачивались из стороны в сторону в такт словам молитвы, временами с плачем вскрикивали: «Хувв!» Я уже хотел уйти в дом, как вдруг тётушка Атинбиби начала рассказывать о происхождении сумаяка. Я прислушался.

Жила-была на свете давным-давно некая Бибифатима, жена очень уважаемого, но очень бедного человека. До того бедного, что однажды нечем стало ему накормить детишек. Отчаявшись, Бибифатима накидала в казан травки молодой и камешков (в сумаяк и вправду кладут камешки), разожгла очаг. Спустя мгновение смотрит – казан полон какой-то каши, а возле очага появились тридцать ангелов-сейимаяк, кружатся в медленном танце.

На этом месте рассказа женщины опять заплакали, запричитали, закричали: «Хувв!»

В общем, по словам Атинбиби выходило, что сумаяк – это еда богов. Кто варит её с добрыми помыслами и чужих не обделит, увидит исполнение самых заветных желаний. Например, какую-то бедную сиротку, очень любившую сумаяк, взял в жёны сам царевич...

– Хувв! – взорвались женщины снова. Я мог слушать ещё долго, да устал очень: сестрёнка уснула у меня на руках. Я отнёс её в комнату, уложил в постель. Потом пошёл сказать маме, что всё в порядке. Среди старушек её не было. Я прошёл за дом. Там стоит небольшая клетушка, в ней ткёт обычно свою бязь Парпи-бобо. Никакого ему дела ни до сумаяка, ни до сиротки с её царевичем – знай трудится, жаждет поскорее рассчитаться с ростовщиком Мели...

На пяточке между домом и мастерской деда собралось человек тридцать молодых и девушек, гремит дойра, в кругу – мама. Она то одну, то другую подружку тянет на танец:

– Такая молодая, а упирается! Да я бы на вашем месте...

– И правда, почему бы вам самой не сплясать?!

– Вот, вот, пусть сама спляшет!

– Не выпускайте её! – И женщины начали весело подталкивать маму в середину круга. Мама вроде согласилась, подняла руки, постояла в раздумье: руки упали вниз.

– Не получается! – рассмеялась невесело. Молодки заволновались, загалдели.

– Ладно, играй, Шахрихон, – сказала мама тихо.

– Что сыграть-то, апа?

– Что хочешь.

– «Душа тоскующая» подойдёт?

– Ладно.

Странно, я не знал, что мама моя умеет так красиво, трогательно танцевать! Все смотрели на неё как заворожённые. Только я почему-то неловко почувствовал себя вдруг, будто пощекотали, и это было неприятно. Я уже повернулся уходить – мама остановилась, тяжело и часто дыша:

³⁰ Сумаяджан – сладкодушный.

– Постарела я, Мутабар...

– Ой, так хорошо танцевали, – сказала тётя Мутабар. – Пригласите тогда Саджиду!

Другие тоже затребовали Саджиду, пусть, мол, танцует и споёт ту песню, что сочинила сама. Саджида-апа не заставила долго упрашивать, вышла в середину круга, но почему-то закрыла лицо руками; ой, не надо, дескать, стесняюсь я ужасно, но тут же отняла руки.

Заиграла дойра, Саджида-апа поплыла по кругу. Она была быстрее в движениях, легче, чем мама. Пройдясь несколько раз, остановилась, запела:

Брат уехал на войну.
Мама плачет по нему,
Потому что целый год
С фронта писем брат не шлёт.

– Сахар тебе на уста!

– Молодец, красавица!..

– По брату сильно тоскует... – зашептались молодухи.

Саджида-апа продолжала:

Где вы, брат? Хочу я стать
Птицей, чтоб на фронт слетать.
Стану птицею и вам
Привет от мамы передам.

Папа шепчет, постарев:
«Где мой мальчик? Где мой лев?» –
И в колхозе день и ночь
Трудится, чтоб вам помочь.

Чтоб всю фашистов сечь,
Он вам даст старинный меч:
Всё вам будет нипочём.
С этим дедовским мечом.

Слушая песню, я невольно вспомнил папу. Мы-то тут варим сумаляки, игры играем, танцы затеваем, а каково-то ему там, где он сейчас? Возможно, сидит в окопе в трескучий мороз? А быть может, тащит волоком пулемёт, идёт в атаку? Смог ли он прочесть наше письмо или носит с собой в надежде, что встретит земляка, который и прочтёт ему? Эх папа, папочка...

Пришли все ребята, игравшие на улице. Парпи-бобо тоже бросил работу, вышел во двор. Саджида-апа всё пела, будто кому-то жалуясь, чуть не плакала:

Знайте, брат, средь дальних стран
Ждёт жена вас, Санамхон.
Бейте, брат, врагов смелей –
Возвращайтесь поскорей.

Мне бы, брат, луною стать –
Поле боя освещать.

Бейте, бейте, брат, врагов –
Ждёт вас, брат, родимый кров.

Песня подействовала на дедушку Парпи.

– Эх, господи боже мой... – вздохнул он тяжело.

На ресницах мамы блеснули слёзы. Тётя Мутабар, та зарыдала в голос.

– Будьте здоровы, Саджидахон!

– Вы сказали то, что у нас на душе!

– Подруженька, спиши слова! – окружили молодухи и девушки Саджидахон. И я списал эти слова.

Мама, мамочка моя

Я проснулся в полночь, как от толчка. Меня разбудил какой-то неясный шум, доносившийся со двора. Там будто ходили какие-то люди. Неужто воры забрались? А вдруг они уведут нашу корову!

Я поспешно вскочил на ноги, выбежал во двор.

– Арифджан! – окликнул меня один из воров. – Носилки у вас есть?

Приглядевшись, я узнал в «воре» Усманаату³¹, бригадира.

– Какие носилки? – спросил я, приходя в себя.

– Обыкновенные носилки, какие же ещё! – отозвался другой «вор». Это был доктор, который приходит обычно к нам в школу делать уколы и всякие прививки. А ему что здесь понадобилось? Но размышлять было некогда, я показал «ворам», где носилки, потом, наскоро одевшись, вышел за ними следом на улицу. У ворот стояла арба. На ней я увидел Мукаррам-апу, мамину ученицу.

– Арифджан, братишка мой! – зарыдала она вдруг.

Люди подняли носилки на арбу, осторожно положили на них что-то завёрнутое в папину меховую шубу. По глазам моим словно молния ударила. Я всё понял...

– Мама, мамочка! – закричал я диким голосом.

– Не кричи, – сказал доктор, – соседей разбудишь.

– Что с мамой, что с ней?!

– Помоги лучше взять носилки, – тихо попросил доктор.

Мы внесли носилки в гостиную. Доктор на ощупь зажёг коптилку. Мама была без чувств, лицо, волосы – в крови. Я опять дико закричал:

– Мама! Мамочка!..

– Выведите мальчика! – приказал доктор.

Мукаррам-апа взяла меня за руку, повлекла за собой.

– Ничего страшного, вот увидишь, мама скоро поправится, – успокаивала она меня.

В очаге разожгли большой огонь, в гостиную внесли лампу. На улице послышался конский топот, через минуту в дом вошёл наш председатель Машраб-ака со своей матерью Хайри-халой³². Прибежали испуганные тётушки Тухта и Парпи-бобо. Я всё ещё стоял бесчувственным истуканом посреди двора. «Что ж с мамой случилось?» – всё вертелось в голове. Из гостиной поспешно вышел дедушка Парпи.

– Арифджан, сынок... – заговорил он дрожащим голосом, но продолжать не смог.

³¹ Ата – отец, уважительное обращение к пожилому мужчине.

³² Хала – тётя, тётушка.

– Что с мамой, дедушка? – вскричал я нетерпеливо.

– Бог даст, ничего страшного. Поправится...

– Но что с ней случилось?

– Под трактор попала. Я опять зарыдал.

– Не надо, сынок, – погладил дедушка меня по голове.

В райцентр послали двух всадников. Председатель наказал им быстро доставить самого лучшего доктора, потом накинута на бригадира, размахивая камчой:

– Вы виноваты во всём!

– Побойся бога, Машраб! – отвечал бригадир, чуть не плача. – Вчера я её чуть не на коленях умолял поспать, отдохнуть немного. Упёрлась: «Нет!» – и всё. Три дня ведь с трактора не слезила...

– Я вам бороду повыщиплю! – грозился председатель, топая ногой.

Мама, оказывается, уснула за рулём, трактор опрокинулся в арык, придавил маму...

Мукаррам-апа, тётушка Тухта и доктор что-то делали в комнате. Их тени то появлялись в окне, то исчезали. Я слышал, что доктор потребовал мыла, горячей воды. Во дворе один за другим появлялись соседи. Они стояли группками, такие испуганные и расстроенные, разговаривали шёпотом, украдкой поглядывали на меня. Из гостиной выглянула Тухта-хала.

– Слава аллаху, пришла в себя, – объявила она и поспешно захлопнула за собой дверь.

Проснулись братья и сёстры, заспанные, полуодетые высыпали во двор. Аман подбежал ко мне, обнял за ноги. Я взял его на руки.

– Ака, мама собралась нам братишку рожать? – спросил он шёпотом.

– Не знаю, – ответил я.

– Пойдём, ака, к маме, посмотрим братика.

– Потом, потом пойдём.

Аман разговаривает, обнимает ручонками мне шею, а глаза его сами собой закрываются. Я унёс его в дом, уложил в постель. В это время вошла Мукаррам-апа, сказала, что нас зовёт мама.

Зулейха взяла на руки Рабию, которая спала, ни о чём не ведая, я поднял Амана. Пошли.

Мама была забинтована от головы до ног. Казалось, в постели лежит не мама, а большая кукла, обёрнутая белым. Видны только глаза и часть лица.

Тухта-хала сидела у изголовья, Мукаррамапа – слева. Доктор при свете очага капал из пузырька в пиалу какое-то лекарство. Тётушка Тухта поманила нас рукой, приглашая подойти поближе.

Глаза мамы закрыты. На ресницах блестят капельки слёз. Грудь дышит часто-часто...

– Воды... – зашевелились бледные губы.

Тётушка Тухта дала маме воды. Она сделала несколько судорожных глотков, потом откинулась на подушку, широко раскрытыми глазами оглядела комнату, увидела нас, из глаз выкатились слёзы...

– Арифджан, сынок...

– Да, мамочка?

– Подойди, поцелуй меня. Будь головой младшеньким, сын.

– Не надо так, мама!

– Не спорь...

– Ладно.

– Вы все должны учиться.

– Ладно.

– Будьте все вместе, пока папа не вернётся.

– Мамочка...
– Не дай погаснуть свету в нашем доме.
– Мама...
– Слушай меня, сынок.
– Слушаю.
– Никогда не обижай маленьких.
– Хорошо.
– Султанджан, богатырь мой, подойди поцелуй меня.
– Мамочка!
– Не плачь, ну-ка вытри слёзы, вот так. Отныне никогда не плачь, ладно? Слушайся брата, не ссорься... Зулейха, красавица моя, дай поглядеть на тебя... Как ты у меня выросла, милая...

– Мама...
– Усман мой дорогой, художничек мой маленький, подойди ко мне, обними меня, сынок... Вот так, молодцом! Аманджан, это ты, мой жеребёночек? Есть, наверное, хочешь, да, сынок?

– Усман ваш этот всегда мой хлеб отбирает!
– Ах мой сладенький, теперь он не будет отбирать, Усманджан, верно ведь, что больше не будешь отбирать?! А где моя Рабиниса? Спит? Разбуди, разбудите!.. Воды... воды! Тётушка, простите, если что не так... Детей... детишки на вас... Арифджан, сынок... не дай погаснуть свету в доме... очагу...

Мама не смогла выпить воды, которую поднесла ей Тухта-хала. Мамины губы крепко сомкнулись, глаза закатились, словно она хотела что-то высмотреть на потолке. Подбежал доктор, приложил ухо к груди мамы и так, слушая, замахал на нас рукой, уходите, мол.

– Мамочка! – забилась в плаче Зулейха. Тухта-хала вывела нас во двор. Рассвет ещё не наступил. Соседи, оказывается, разожгли костёр, столпились вокруг него. Председателя и его матери не было. Ушли, видно, по делам. Зато появились Махмудхан, Хайит Башка и даже Мели. Он о чём-то шептался с дедушкой Парпи.

– Как она там? – кивнул головой Махмудхан в сторону гостиной. Что-то переполняло меня, и я не смог ему ответить. Соседка Мутабар-апа сказала, что растопила у себя сандал, пригласила меня с младшенькими отдохнуть малость, чайком согреться. Когда мы вышли на улицу, воздух прорезал плачущий голос тётушки Тухты:

– О-е, боже, Караматбиби покинула нас!
– Мама! Мамочка! – заплакали мы все, бегом возвращаясь назад.

Как теперь жить?

Вот уже столько дней мы без мамы. Сегодня справляли поминки, люди посидели, поговорили о том о сём, повспоминали маму и разошлись. Мутабар-апа поспешно сполоснула посуду, потом тоже ушла. Мы остались одни. И Парпи-бобо нет с нами. У него на другой день после похорон заболели ноги. Тётушка Тухта тоже больна, у неё колет сердце, не хватает дыхания, не встаёт с постели.

Мы сидели в большой комнате, гостиной. Отца мы провожали отсюда и с мамой простились в последний раз здесь. Усман мастерит из ветки боярышника дудочку, Султан просверлил в основании ашыка³³ дырку и пытается влить в неё расплавленный свинец. Так он надеется обыграть всех подряд в кишлаке. Зулейха прилаживает заплату на штаны Усмана. Тот в

³³ Ашык – косточка из коленного сустава ноги барана, телёнка для игры в альчики.

последнее время взял в привычку ездить на деревянном «коне», каждый день рвёт штаны сзади, говорю, зачем так делаешь – он и в ус не дует. Они, отвечает, сами собой рвутся.

– Ака... – тихонько окликнула меня Зулейха.

– Чего тебе?

– Как забирается Мункарнакир³⁴ в могилу?

– Откуда я знаю!

– А вдруг они сейчас оживили и пытаются маму?

– Брось ты такие разговоры!

– Говорят, если покойник был грешен, его бьют палицей.

– Неправда! – Аман подскочил к сестре. – У моей мамы нет грехов! Никто не посмеет её бить! Пусть только попробуют!!

От шума испуганно проснулась Рабия.

– Мама! – позвала она, поглядев вокруг.

– К маме пойдём завтра, – сказал я, беря сестрёнку на колени. Она ещё слишком мала, не понимает, что такое смерть, она считает, что мама по-прежнему пропадает на поле. Вечерами выходит к калитке, ждёт возвращения мамы. Покажется вдали какая-нибудь женщина, Рабия несётся ей навстречу с криком «мама!».

– Завтра пойдём? – переспросила сестрёнка, поудобнее устраиваясь на моих коленях.

– Да, завтра.

– Она мне конфетов даст?

– Обязательно.

Рабия ещё что-то хотела спросить, но сон сморил её: она широко зевнула и уснула.

Что мне делать? Быть может, уйти всем в детдом? Но ведь тогда погаснет свет в нашем доме! А мама завещала, чтоб он никогда не погас. Кроме того, кто будет навещать мамину могилку, если мы уедем из кишлака?

Мама, мамочка! Как нам быть дальше, посоветуйте мне. Люди заставляют нас уйти в детдом. И дядюшка Разык, и председателява мать, и директор МТС, помните, она ещё угощала нас колотым сахаром, все они клеем пристали, говорят, отправим вас в детдом. Только Парпи-бобо и Тухта-хала пока не соглашаются. «Покуда мы живы, дети останутся тут», – твердят они. Может, пойти к Мелиаке в прислужники? Нет-нет, ни за что. Это он отобрал нашу корову. Помните, мама, вы вернули ему долг в день, когда папа уходил на фронт, при нас вернули, а он теперь отказался, стал клясться-божиться, что долг всё ещё числится за нами. На ваших похоронах и на поминках он кое-чем помог нам, а потом заявил: не своё тратил, мол, в долг брал, а долг хозяин требует – и забрал нашу корову. Не послушался даже дедушку Парпи, который умолял его не трогать «кормилицу сирот». А теперь вынуждает меня с Султаном пасти его корову, телёнка и овец. «Хоть сытые будете» – говорит. Нет, мамочка, нет. Мы ни за что не пойдём к нему. Султан ростовщика прямо терпеть не может. Когда тот уводил нашу корову, он вцепился ему в руку, всю искусал. Парпи-бобо едва успокоил. «Нельзя так, Султанбай, – сказал он. – Коли мама должна была, долг надо вернуть. А то не найдёт она, бедняжка, успокоения на том свете». А ещё Султан хочет Мели-аку камнем стукнуть. Вы же его знаете, с него станется.

Мама, мамочка, ума не приложу, как дальше быть. Еды у нас никакой не осталось, чаще всего голодные ходим. Может, устроиться нам всё-таки в детдом, пока дедушка поправится? Как он встанет на ноги, так и вернёмся домой. К тому времени, может, и отец с фронта придёт.

– Ака, к нам какие-то люди идут! – воскликнула Зулейха, которая сидела у окна.

³⁴ Мункар и Накир – имена двух ангелов, якобы подвергающих допросу покойников в могиле.

И правда, в дом один за другим входили люди, впереди председатель Машраб-ака, вторым ковылял хромоногий сторож дядюшка Туран, шествие замыкали директор МТС и какая-то незнакомая женщина с коротко подстриженными волосами. По виду русская, да, точно, русская. Значит, всё. Они пришли за нами. Что ж нам теперь делать, мамочка?!

Незванные гости вошли в комнату.

– О-о, я погляжу, вся честная компания на месте! – воскликнул председатель, бодрясь. Я знал, зачем они явились, поэтому ничего не ответил. Младшенькие мои тоже молчали. Мы только все встали, да так и стояли, опустив головы. В руках директора МТС был батистовый узелок. Она его поставила на нишу. Потом взяла на руки Амана, который прятался за моей спиной, чмокнула его в лоб.

– Смотри, какой джигит вырос! Хочешь конфетку?

– Не хочу.

– Это почему же?

Аман, извиваясь, высвободился из рук женщины, опять спрятался за моей спиной.

Гости опустились на пол у самых дверей.

– Арифджан, чего это вы стоите, ну-ка садитесь! – скомандовал председатель. – Вот это другое дело. Молодцы. Ну как прошли поминки?

– Ничего, – кивнул я головой.

Гости переглянулись. Директор МТС села поудобнее и заговорила сладким голосом:

– Арифджан, сынок, мы приехали за вами...

– Зачем?

– Отвезти вас в детдом.

– Нет, никуда мы не пойдём! – Сам не знаю, как я вскочил на ноги. Поднялись и младшенькие, не на шутку встревоженные. Зулеха с Усманом не отрывали взгляда от русской женщины. Она никак не могла устроиться на полу: то подбирала ноги под себя, то протягивала их вперёд, то садилась на колени, точно мулла во время молитвы. Волосы её едва прикрывали уши. И здоровая она – ростом примерно с моего папу. Она перехватила взгляд Амана, подмигнула ему. Аман, не будь дураком, показал ей язык.

– Зачем ты отказываешься, сынок? – Голос директора был слаще прежнего, ну просто мёд. – В конце концов я вам не чужая!

С Каромат мы вместе учились на курсах механизаторов, в партию вступили в один день, я и свадьбу её сама организовала, сама на дойре играла и «Яр-яр»³⁵ пела. Смерть, говорят, приходит не спросясь... Что ж делать, раз так случилось?.. Ты должен позаботиться о своих братьях и сёстрах...

– Как-нибудь прокормимся.

– Ох, трудно тебе придётся, парень...

– Ничего. Вступлю в колхоз... буду работать. – Я чуть не плакал. А точнее, я давно уже плакал, нос мой был совсем мокрый.

Директор МТС говорила ещё долго. Председатель колхоза помалкивал, изредка хлопал единственной рукой по голенищу сапога. Дядюшка же Туран вдруг ни с того ни с сего взбеленился, накинулся на меня. Ты, такой-сякой, точная копия своего папаша! Районное начальство тебе добро творит, а ты нос воротишь! Хочешь, отстегаю я тебя сейчас, дурака, солдатским ремнём?!

Лишь после этого заговорил наконец раисака. Он сказал, что с этой мелюзгой, то есть с нами, дела не сладишь, лучше всего заглянуть к старику Парпи-бобо и обсудить всё по мирному. Потом он провёл рукой по лицу и решительно поднялся. За ним последовали остальные. Я тоже, разумеется, присоединился.

Парпи-бобо лежал на сури во дворе, укрытый множеством одеял. Гости поздоровались с ним, справились о здоровье. «Ничего себя чувствую, со вчерашнего дня мало-помалу начал двигаться», – ответил дедушка. Директор МТС, оказывается, давняя знакомая деда. Она не сразу приступила к делу, а сказала, что очень расстроилась, узнав, что невестка сбежала с другим, бросив мужа-фронтовика. Зря вы тогда не женили сына на мне, не захотели трактористку в невестки брать. Зачем, мол, она мне, палисадник пахать, что ли?! – – пошутила она.

– Кто знал-то, доченька, что так обернётся... – беспомощно повертел головой дедушка.

Директор засмеялась.

– Не расстраивайтесь, я и теперь готова выйти за Бурибая. Буду ждать его, хорошо?

– Ты всё ещё трактор гоняешь? – поинтересовался Парпи-бобо.

– Э, отстали вы, дедушка! – воскликнул раис-ака. – Ваша будущая невестка давным-давно начальник всех трактористов!

Парпи-бобо, видно, стало неудобно лежать при людях: ведь на кого ни посмотришь – начальник. Выбрался из-под одеял, сел, протянув ноги. Мы подложили ему за спину подушки.

– Молодец, доченька, расти ты и впредь, – пожелал дедушка, глядя на директора МТС. – Выходит дело, ты теперь на коне горячем разъезжаешь?

– Не на коне, а на пароконном тарантасе, – пояснил горделиво дядюшка Туран.

³⁵ «Яр-яр» – свадебная песня.

– На тарантасе, говоришь?! – обрадовался дедушка. – Молодцом, молодцом. Послушай, доченька, а не могла бы ты одолжить мне на денёк тот свой тарантас, на мельницу съездить? А то я уже и на осла не могу взобраться.

– Вам я его не на один день, на целую неделю могу дать. Вы у нас человек знаменитый. Вся область говорит о вас, о том, что вы купили на свои деньги пушку!

Ещё она сказала что-то насчёт того, что районное начальство благодарность получило от вышестоящего за сознательное патриотическое отношение, – я не всё запомнил.

– Послушай-ка, – оживился вдруг дедушка, – а не могли бы дать мне на денёк ту самую пушку?

– А зачем она вам?

– Я застрелил бы соседа Мели, – признался дедушка. Все засмеялись, русская тоже улыбнулась. Странно, как мы сюда пришли, она не отрывает от меня взгляда. Глядит и глядит, мне аж неловко стало. Ну чего, спрашивается, забавного углядела?!

– Мы приехали забрать детишек, – кивнула в мою сторону директор МТС.

– В детдом? – вздрогнул дедушка и сразу стал маленьким и беспомощным. – Я же вам уже говорил, что нет.

– Подумайте ещё раз, дедушка. Вы сами больны, не работаете...

– Слава аллаху, ещё не умер – живой! И подступили они к деду с четырёх сторон.

Заговорила и русская тётя. По-узбекски она говорила очень даже хорошо. Вы не смотрите, что детдом называется «сиротским домом», внушала она дедушке. Для детишек там не жизнь, а удовольствие. Государство их кормит, одевает, обувает и учиться заставляет. И там им не будет хуже, чем дома. И вообще ребят хотят забрать временно. Как только Парпи-бобо поправится, встанет на ноги, сами же привезут обратно.

Директор МТС заявила, что она останется вечным должником перед прахом мамы, если не сдаст нас в детдом. Будто бы мама каждый день посещает её во сне и говорит: «Не забывай о моих детях, подруженька, я их оставила на тебя...» Вот так атаковали они деда.

– Во всяком случае, кяфирами они там не станут? – начал вроде сдаваться Парпи-бобо.

– Ой, отец, они там вырастут настоящими людьми!

– Ладно, дети мои, вы на меня не слишком-то напирайте. Я должен с ними, с малышами, тоже посоветоваться. Ответ получите завтра. Так, значит, доченька, ты не прочь стать моей невесткой?

– Я же сказала, ата, начинайте приготовления к свадьбе.

– В таком случае свари-ка нам небольшой пловец. Должен же я посмотреть, как ты умеешь готовить. Кроме того, зарежь я даже жирного барашка – не смог бы дозваться таких дорогих гостей. Эй, старуха, неси-ка сюда морковь!

Оказалось, что гости очень торопятся и на плов остаться не могут. Одним пловом не отделаются, пошутили они, мы от вас ещё не такое угощение потребуем. Дайте только срок, пусть вернутся ваши сыновья, настанут мирные дни. Не один кувшин с вином придётся вам распечатать. Посмеялись они так и ушли.

Часть вторая *НА ЧУЖБИНЕ*

Аман – сын русской тёти

Мы выгрузились с арбы у ворот детдома. Дядя Разык и Парпи-бобо расцеловали нас, пообещали почаще навещать и, несмотря на крики и плач Амана с Рабиёй, быстренько развернулись и укатили прочь. Я взял на руки Амана, русская тётя Рабию, и мы вошли в ворота. Двор был огромным, в глубине его стояли высокие кирпичные дома. Русская тётя попросила нас подождать, сама ушла в один из маленьких домиков, расположенных в сторонке. Откуда ни возьмись, сбежалась целая куча ребят. Они окружили нас, стали разглядывать, как каких-нибудь там обезьян или медвежат из зоопарка. Иные смотрели на нас, готовые вот-вот показать язык, другие – вроде бы жалея: бедняжки, мол, попались, а третьи точно приглядывались, нельзя ли выбрать кого из нас в друзья. Многие, по-моему, с неодобрением отмечали, что мы немытые, нечёсанные, в грязных лохмотьях. Сами они были чистенькие, в одежках без единой заплаты. И сытые вроде, нет в глазах того голодного блеска, который давно не сходил с наших глаз, лица гладкие, улыбочивые.

Младшенькие мои перепугались, сбились вокруг меня, как цыплята вокруг наседки. Что это за ребята? Добрые, жалостливые, как Махмудхан, или драчуны вроде Хайита Башки?

Ко мне приблизился бравого вида мальчишка моего возраста, ткнул кулаком в бок:

– Эй, как тебя зовут?

– Арифджан, – поспешно ответил я, но тут же, боясь, чтоб он не принял меня за труса и недотёпу, стал спрашивать его имя, фамилию и даже отчество.

– Сочинитель, – коротко ответил мальчишка.

Я решил держаться спокойно, будто всё мне нипочём, показать, что освоился уже полностью.

– Как-как, починитель? – переспросил я.

– Сочинитель, – ответил мальчик терпеливо.

Я сделал вид, что не совсем расслышал, а если и расслышал, то не до конца понял.

– Ты сказал «учинитель»?

Ребята вокруг засмеялись. Заулыбались даже Аман с Зулейхой. «Ничего здесь нет страшного», – отметил я про себя обрадовано.

– Со-чи-ни-тель! – повторил мальчик, вытягивая шею и кивая головой в такт словам. – Сочинитель! Я сочиняю ребятам прозвища, понял? Хочешь, тебе тоже сочиню?

– Зачем! У меня у самого красивое прозвище.

– Ну-ка скажи. Да только погромче, чтоб все члены комиссии слышали.

– Многодетный.

– Бе! – презрительно махнул рукой Сочинитель. – Какое же это прозвище! Прозвище должно быть злым, отталкивающим, а у тебя оно какое-то гладенькое. Нет, это никуда не годится, мы сочиним тебе другое прозвище. Какое бы придумать... хм-м, ты такой грязный, немытый... можно было бы назвать Чёрным Пеньком, но у нас есть уже два Пня. А, ладно, будь пока Многодетным, там посмотрим. А этот кто у тебя, братишка?

– Братишка.

– Его можно назвать Лягушкой, он такой низенький, толстенький... – Сочинитель засмеялся, ткнул Султана кулаком в бок, точно так же, как меня в начале знакомства. Султан терпеть не может такие штучки. А может, ему показалось, что Сочинитель задаётся, а может, ему больно стало, но он сильно оттолкнул мальчика от себя обеими руками.

– Сам ты лягушка!

Сочинитель пошёл-пошёл назад и грохнулся на землю спиной. Хорошо, в это время появилась тётя Русская.

– Арифджан, идите все сюда, – позвала она. Мы поспешили за ней.

Опозоренный Сочинитель поспешно вскочил на ноги и крикнул нам вслед, отряхиваясь:

– Ты погоди ещё у меня! Я тебе шестьдесят прозвищ прилеплю, сам будешь не рад!

Султан зло обернулся назад:

– Вот тебе прозвище! – И показал кулак. Остальные ребята вроде сочувствовали Султану. Их вид как бы говорил: «А неплохо ты его проучил, молодец!» Поэтому я промолчал. Быть может, это и хорошо, что Султан сразу поставил его на место.

Мы вошли в маленький домик, тётя Русская познакомила нас с поварами, воспитательницами. Но ничьего имени мы не запомнили. Потому что все очень волновались. Нам было не по себе то ли оттого, что разом оказались в кругу стольких незнакомых людей, то ли под жалостливыми, изучающими взглядами, то ли боялись последствий стычки Султана с Сочинителем. Мы шестеро мал мала меньше стояли, низко опустив головы, пунцовые, тяжело дыша. Из всего, что здесь говорилось, я запомнил: тётю Русскую зовут Марией Павловной, она здесь и за директора, и за главного воспитателя, и за начальника поваров.

Одна воспитательница спросила, нет ли у нас каких болячек, вшей или блох. Другая

объявила, что здесь насчёт дисциплины очень строго, любой нарушитель тотчас изгоняется из детдома...

Далее дело пошло быстрее, а главное – без нотаций и нравоучений. Помылись в бане, оделись в новую детдомовскую одежду, поели в столовой. Нам ещё ни разу не приходилось сидеть за столом, свесив ноги с табуреток, и кушать. Не пользовались мы и железными ложками: с непривычки Султан с Аманом обожгли рты. Всё вокруг нас делалось быстро и чётко. Мне показалось, тётю Русскую все очень боятся, а может, очень любят – все так и ждали, что она скажет да прикажет. Так, например, вели себя старик истопник с бородой, одна половина которой была белой как снег, а другая – чёрной, будто сажа, и старуха, постоянно шмыгающая носом, что выдавала нам на складе одежду, и тётя в столовке...

Мы вышли на улицу. Ой-ей, весь двор был полон детьми. У всех на ногах ботинки с высокими голенищами, видно, недавно чищенные, они так и сверкали ярким солнцем; мальчики одеты в костюмчики, девочки – в блузы и юбочки, на головах тубетейки, похожие на пельмешки. Все встали в строй в два ряда. Давешний наш знакомый Сочинитель оказался барабанщиком. На шее у него висел барабан. Рядом с ним стояли два карнайчи³⁶.

Одна из воспитательниц вывела нас на середину и поставила перед строем. Мне опять стало не по себе: ведь мы оказались под взглядами стольких людей! К счастью, тут появилась тётя Русская с целой свитой.

– Все собрались? – крикнула она.

– Все, все, – нестройно ответили ребята. Против ожидания директор заговорила вовсе не о нас, а о положении на фронте. Она сообщила, что Красная наша Армия остановила напор жестокого врага и сама перешла в наступление, наносит удар за ударом. Вот среди них-то, доблестных бойцов, находятся наши отцы и братья, задача которых – добить врага в его логове.

– Ну а какова наша задача? – обратилась директор к строю.

– Отлично учиться! – дружно ответили ребята.

– Ещё?

– Быть дисциплинированными.

– А ещё?

– Вой-дод! – вдруг закричала какая-то девчонка. – Змея!

Строй в том месте, откуда раздался крик, сломался, забурился, заволновался. Тётя Русская подбежала к месту происшествия. Какой-то длинный, веснушчатый, с блестящим лбом и курчавыми волосами парень начал оправдываться:

– Змея? Никакой змеи нет!

– Змея есть, есть!.. – всё плакала девочка. – Он её за пазуху спрятал.

За пазухой мальчика в самом деле оказалась полосатая змея. Длинный опять начал оправдываться, что, мол, змея неядовитая, прирученная, что он каждую ночь спит с ней вместе. Но директор его не слушала, прогнала вон, пригрозив после линейки ещё поговорить. Вернувшись на место, она продолжала свою речь.

– В нашу семью сегодня пришло ещё шесть членов. Встретим их как своих братьев и сестёр, научим тому, что знаем сами, и будем учиться у них тому, чего не знаем.

Хорошо? – обратилась она к строю, чуть повысив голос.

– Да, хорошо, – ответили ребята.

– В нашей комнате есть свободное место.

– Одного мы можем взять к себе.

– По арифметике я могу помочь.

³⁶ Карнай – духовой музыкальный инструмент.

– По родному – я!

Нам стало легче дышать. По всему видно, здесь совсем неплохие ребята собрались. Добрые, видать, отзывчивые. Мои младшенькие тоже, кажется, заметили это, выпрямились, на лицах заиграл румянец радости.

Директор взмахом руки велела музыкантам играть. Карнайчи затянули «Марш дружбы». Сочинитель прозвищ аккуратно колотил в свой барабан, вторя им. А мы обошли весь строй, здороваясь за руку с ребятами. На душе у меня было тепло и радостно. Не знаю, что меня сделало счастливым: приветливость ли детдомовцев, звуки ли музыки или тёплые взгляды директора и воспитательниц, – я обходил строй и крепко пожимал всем руку, произнося своё имя. Я чувствовал себя легко, как птица.

Меня, Султана и Усмана поместили вместе. Для нас поставили рядышком три железные кровати. Я боялся, что Зулехе придётся трудно, ведь она нелюдима, молчалива, но, к счастью, она быстро нашла себе друзей. Как только линейка окончилась, её окружила стайка девочек и увела в своё общежитие. Рабию с Аманом тётя Русская пока поселила у себя. Ещё когда Мария Павловна была у нас, она пообещала Аману деревянного коня с саблей, если он согласится стать её сыном. Аман крепко держался за подол директора, видно, твердо решил выманить-таки коня и саблю.

Вечером в нашу комнату пришла воспитательница, провела беседу. Она рассказала об одном герое из нашего района, фото которого было напечатано в газете. Он, оказывается, и в школе отлично учился. И вообще, по её словам, все отличники становятся героями или вырастают уважаемыми, всеми почитаемыми людьми. В тот вечер я подружился со многими ребятами. Того мальчика со змеей звали Самар, в детдоме он был известен как Самовар. Его родители умерли ещё до войны, здесь он уже два года. «Ничего, что называют «сиротским домом». Жить можно», – отозвался он о детдоме.

Моего соседа по койке, чёрного как жук, с большими блестящими глазами мальчика звали Карабаем. Плечи его постоянно вздрагивали, точно он вот-вот пустится в пляс. В нашей комнате жили ещё мальчики. Куршермат, Ислам Курбаши, Вечноголодный. Поговорить с ними мне не удалось.

Меня избили «разбойники»

Отец, мама, мы все, детишки, сидим во дворе, на широком сури, едим дыню. Братишки, смеясь, стреляют друг в друга семенами дыни. Неожиданно земля вздрогнула, заходила ходуном. Землетрясение...

Я испуганно вскочил. Оказывается, это был сон. В середине комнаты едва мерцает прикрученная лампа. Слышны детские всхлипывания, чмокание, сонное бормотание, храп.

Все спят. Но надо мной вроде кто-то стоит. Интересно, кто же это?

– Вставай же, дурак! – дёрнули меня за плечо.

– Ты кто такой? – спросил я, натягивая одеяло по самые глаза.

– Вставай, тебя директор вызывает.

– Что ей понадобилось в такую поздноту?

– Это ты у неё самой спросишь.

Мы от всей души полюбили Марию Павловну, которая относилась к нам со всей добротой, и я готов был отдать за неё жизнь. Встав, я быстро оделся.

Выйдя на улицу, я обнаружил, что разбудивший меня парень в маске. Странно, зачем Марии Павловне понадобилось будить меня среди ночи? Может, назначили на дежурство? А вдруг из кишлака плохие вести? Лишь бы всё было хорошо...

Маленькая дорожка привела нас в сад. Сад здесь большой, целый гектар, а может, и того больше занимает. Там и сям темнеют громадные урючины и орешины. Тишина, молчат даже назойливые цикады. Только изредка подаёт голос кукушка. От её кукования становится не по себе, как от крика совы. Интересно, что же потеряла директор посреди ночи в глухом саду? Ах да, понял. Когда вчера повара пожаловались, что кончились дрова, Мария Павловна посоветовала взять ребят постарше и выкорчевать пни в саду. Выходит дело, ребята не стали ждать приглашения. Молодцы, орлы! Ладно, я вам помогу, от души поработаю, я всегда рад быть полезным. Ведь нас здесь одели, обули, накормили и приласкали, голодных, обовшивевших...

От могучей орешины отделились три тени, пошли навстречу. У меня почему-то враз отяжелели ноги. Хотел было повернуть назад, но сопровождавшая меня маска рявкнула:

– Стой! – И схватила за рукав.

– Отпусти! – вырвался я. Но было уже поздно. Тени окружили меня со всех сторон. В руках у них были палки с железными наконечниками, на лицах маски. Я хотел закричать, но язык словно прилип к гортани. Когда я очень волнуюсь или испугаюсь чего-то, на меня нападает икота. И сейчас это случилось.

– Ну, многодетный сирота, как самочувствие? – поинтересовалась высокая тень.

– Отпустите меня, – заговорил я наконец, – ик, а то директора позову.

– Может, ты и папу с фронта кликнешь? – издевательски хихикнула другая тень.

– И вызову, ик!

– Вали его! – скомандовал длинный. Они вмиг свалили меня, заткнули рот кляпом.

– В арык его! – последовал приказ. Меня за ноги отволокли в сухую канаву, вынули кляп.

Приставили свои палки с наконечником к груди и животу. Заговорил один из них не спеша, с издёвкой. По его словам, здесь, в детдоме, существуют три правила поведения. Первое – это директорское правило, нарушитель его изгоняется из приюта. Второе правило принадлежит воспитателям. Нарушивший его выслушивает нудные нотации. Третье правило принадлежит шайке разбойников. С нарушителя сдирается кожа и набивается соломой. А то иногда его заживо закапывают в этой канаве. «О, самое страшное – последнее!» – со страхом подумал я.

– Сколько у тебя братьев и сестёр?

– Пятеро.

– Значит, вместе с тобой вас всего шестеро, так?

– Да.

– Сколько раз вы едите в день?

– Трижды.

– По сколько кусков хлеба получаете?

– По два куска.

– Один кусок будете отдавать нам. Значит, с трёх раз будет восемнадцать кусков. Если не сможешь сговориться со своими, тебе конец.

Вы слышали, я, оказывается, должен отдавать наш хлеб этим трём идиотам в масках! Отдавать наш хлеб, когда мы только-только почувствовали себя сытыми, когда на наших лицах стал проступать румянец! Вы только их послушайте! Отдавать им свой хлеб! Не-ет, шалишь, умереть – умру, но ни крошечки не дам.

– Отвечай! – толкнул меня в плечо главарь.

– Я не собираюсь давать тебе хлеб.

«Разбойники» накинулись на меня. Сказать правду, я тоже не сидел без дела: кому двинул кулаком, кого угостил пинком. Но долго так, конечно, не могло продолжаться. Когда, обессиленный, я упал на землю, один из «разбойников» за ухо приподнял мою голову:

- Ну как, теперь согласен?
- Надоели вы мне.
- Согласен, говорю, с нашим условием?
- Не-ет! Нет!

Не знаю, откуда силы взялись, я вскочил на ноги, отбросив от себя «разбойника», как котёнка. Но другие успели опять повалить меня.

- Даём тебе время на размышление до завтра. Не согласишься – закопаем в арык живьём.
- Можешь хоть сейчас! – закричал я, опёрся рукой о землю, чтоб встать, но вдруг голова закружилась, упал обратно...

Сказать честно, в то время я был ещё очень слаб. То ли от недоедания, то ли чересчур много пережил после смерти мамы – у меня частенько кружилась голова, перед глазами опускалась темнота. И сейчас точно так: деревья устроили вокруг меня хоровод, звёзды слились в единый круг. Ну нет, я и кусочка не дам вам хлеба, я буду защищать интересы своих младшеньких, как лев, мама меня о том просила, отец завещал!

– Не дам!... – прохрипел я, пытаюсь встать. Странно, разбойников не было. Я потихоньку двинулся к общежитию. Умылся в арыке, почистился от пыли. Что теперь предпринять? Рассказать директору о случившемся? Что я сделаю, если она попросит указать «разбойников», я ведь и узнать-то их не узнал. Кроме того, эти молодчики могут меня со света сжить, если «дешевну», как они говорят. Что тогда станет с моими младшенькими?

Я три дня провалялся в постели с большой температурой. Мария Павловна принесла мне разных лекарств: порошки всякие, капли. О случившемся говорить я ей не стал. Только Султану рассказал под большим секретом.

- Гады проклятые! – чуть не заплакал братишка, выслушав меня. – Ну я с ними разделаюсь!
- Не стоит связываться, Султан, – сказал я, боясь скандала.
- А что?! – закричал Султан. – Тебя будут бить, а я – стоять в стороне?!

Судьба тёти Русской

Поверите ли, сейчас мне очень-очень хорошо. Я готов пуститься в пляс, прыгать и орать. Эх, была бы мама жива, она расцеловала бы меня в щёки: «Мой умненький!» Я радуюсь потому, что в жизни ещё не получал пятёрку по родному языку. В кишлаке совсем некогда было заниматься уроками: всё время отнимало хозяйство. А здесь тебе ни голодной, требовательно мычащей коровы, ни двора, который надо подмести, ни джугары, ни кукурузы, которую следует вылущить и выставить сушиться, – только учись, брат, и учись – вот тебе весь сказ!

Скажу вам, любитель змей Самовар оказался неплохим парнем. Он был похож на моего кишлачного друга Махмудхана: добрый, отзывчивый. К тому же отличник. Уроки мы готовим вместе. Самовар знает, если хотите, больше самих учителей. Карабай, мой сосед по койке, такой же умница. Голова его полна знаний. Мы с ним тоже сдружились. И в школе сидим рядышком, и ночью, если вдруг понадобится, во двор вместе выходим.

- Послушай, Многодетный, – говорит он, отрываясь от книжки.
- Чего тебе?
- Подтянешься по всем предметам – я тебя научу играть на горне. Рот у тебя большой, шея толстая – отличный будешь горнист!..
- Что за горн ещё?
- Это та штука, на чём я играю.
- В нашем кишлаке её карнаем называют.
- Нет, это не карнай, а горн. Понял? – Понял.

– Научить тебя играть?

– Научить, – говорю я.

Проходит минут пять, в бок меня толкает Самовар, что сидит справа и, наморщив лоб, решает задачку.

– Многодетный!

– Чего тебе?

– Куда поедешь на каникулы?

– Не знаю.

– Если хочешь, можем махнуть ко мне.

– Что мы там будем делать?

– У нас есть огромное озеро, будем змей ловить.

– Я их боюсь.

– Не бойся. Змея никогда первой не нападает.

– Ладно, там посмотрим.

Короче говоря, с помощью этих двух друзей я сегодня получил пятёрку по родному языку. Эх, была бы сейчас здесь мамочка моя родная или отец!.. Ну ничего, как-никак у меня есть тётя Русская, можно с ней поделиться радостью. Получить суюнчи. Она сама обещала мне премию, если получу пятёрку. Я лечу бегом, оставив далеко позади себя Карабая с Самоваром. На улице уже темно, но на душе у меня так светло, будто в ней зажгли сорокакалинейную лампу! Я так грохнул калиткой, что одноглазый вахтёр вскочил от испуга и заорал на меня. Но я уже подбегал к домику Марии Павловны! Увы, на двери висел замок. Подоспели Карабай с Самоваром.

– Нету?

– Может, она в столовой, – с надеждой сказал Карабай. – Твоих малышей тоже не видать.

За суюнчи я решил зайти к Марии Павловне после ужина.

– Послушай, Многодетный, – положил руку мне на плечо Самовар, – можно у тебя спросить?

– Спрашивай.

– Честно ответишь?

– Честно.

– Кем вам приходится Мария Павловна?

– Никем.

– А ребята говорят, что она приходится вам родной тётей.

– Неправда!

– Тогда ты мне вот что скажи, Многодетный: почему Мария Павловна так любит вас? Всем новеньким новую одежду дают через три месяца, а вы получили в тот же день, как поступили. И подушки у вас новенькие, и одеяла, и матрацы... Можно ещё один вопрос?

– Можно.

– Разве не правда, что Мария Павловна записала на свою фамилию твою сестрёнку Рабию и брата-стихотворца Амана?

– Неправда!

– Но ведь все так говорят.

– Ну и что, что говорят? Всё равно неправда. Просто тётя Русская любит моих младшеньких. Когда она была у нас, взяла их на колени и заплакала. Ещё пообещала дедушке Парпи, что будет нам как родная мать, пока отец не вернётся с войны... Вместо этих пустых вопросов, Самоварджан, ты вот что объясни. Ты хорошо знаешь Марию Павловну?

– А то нет?

– Скажи мне напрямик, кто она по национальности: русская, татарка или узбечка?

– А ты не знаешь? – удивился Самовар.

– В том-то и дело, что не знаю.

По словам Самоварджана, тётя Русская и сама воспитывалась в детдоме. То ли в двадцатом, то ли в двадцать пятом – Самовар и сам не помнил точно – басмачи вырезали её родителей.

– Было тогда Марии Павловне четыре годика, – продолжал Самоварджан. – Один командир-узбек удочерил её, привёз к себе. Но однажды на кишлак налетели басмачи, сунули жену красного командира в мешок, перекинули через седло и ускакали. Командир со своим отрядом кинулся в погоню, но сам попал в засаду и погиб. Добрые люди пожалели малолеток, отвезли родного сына командира и Марию Павловну в сиротский дом в Коканде. Здесь были узбекские мальчишки и девочки. Постепенно Мария Павловна превратилась в узбечку. Потом, понимаешь, когда они с сыном того красного командира выросли, они поженились и приехали в этот район учителями.

– А где её муж?

– Погиб на фронте.

– Можно я задам ещё один вопрос?

– Конечно, можно.

– Скажи, а почему тётю Русскую вы прозвали Марайимом-богатырём?

– Что делать, ничего лучшего не могли придумать.

– А она не обижается?

– А чего ей обижаться, ведь у нас все с прозвищами. Учительницу родного языка зовут Значит так, воспитательницу нашу – Ойумереть, главную повариху – Касатик, тебя – Многодетным, меня – Самоваром... Ты видал, как Мария Павловна дрова колет?

– Нет.

– А как мешками зерно таскает?

– Нет.

– А как несла с рынка барашка на плечах?

– Нет.

– Значит, ты ничего в жизни не видал, Многодетный. Однажды мы сказали Марии Павловне, как её прозвали – она так хохотала, что из глаз полились слёзы. Потом говорит: «Ладно, если вам нравится так меня называть, пожалуйста, называйте, я не обижаюсь, но если вы будете плохо учиться и плохо вести себя, тогда пеняйте на себя».

Короче говоря, в этот памятный день, когда я получил свою первую пятёрку по родному языку, мы с Самоваром и Карабаем говорили только о Марии Павловне: и во время ужина, и после ужина, когда девочки устроили танцы, а мы наблюдали за ними со стороны. Обычно молчаливый, Карабай тоже не закрывал рта. Он, например, рассказал, что, получив на мужа «чёрное письмо», Мария Павловна чуть не умерла. Полдня лежала без сознания. Детдомовцы испугались, начали так выть, словно Марию Павловну уже выносили хоронить. От криков этих и привала в себя, видать, тётя Русская. Она обняла всех, кого могла, выдавила из себя улыбку: «Не плачьте, дети мои, успокойтесь, ничего не случилось. У меня всё прошло».

В некотором царстве, некотором государстве...

Когда кончились вечерние игры во дворе, Самовар, Карабай и я опять пошли к Марии Павловне. Нам всё ещё хотелось сообщить ей о моём успехе, получить что-нибудь вкусненькое за приятную весть. В домике директора горела лампа. Сразу войти мы не решились. Подкрались к окну, заглянули внутрь.

На кровати лежит Рабия, прижимая к груди куклу с блестящим лбом. Верхом на деревянном коне сидит Аман. Он схватился за блестящую спинку кровати, подпрыгивает на месте, точно несётся вскачь. Мария Павловна расчёсывает волосы громадным гребешком. Рабия и Аман пристают к ней с просьбой рассказать сказку.

– Уснёте, если расскажу?

– Уснём, – пообещали дети.

– В некотором царстве, в некотором государстве, в городе Коканде, – начала рассказывать Мария Павловна, – жил-был воробей...

– Воробей, воробей, кого хочешь, того бей!.. – запрыгал Аман.

– Только не мешай мне, Аман, а то забуду сказку. Так вот, ковырялся однажды тот воробей в куче мусора и нашёл семя хлопка. Подхватил и полетел к дехканину. Прилетел и чирикает:

Посей семечко скорей,
Дехканин, посей.
Не посеешь – дом сожгу,
Тебя по миру пушу.

Испугался дехканин, посеял семя в землю. Вырос из него большущий куст, на дерево похожий, и на нём видимо-невидимо кураков³⁷. А вскоре и хлопок созрел, забелел на кусте. Опять прилетел воробушек, чирикает:

Собирай собирай
Поскорей мой урожай.
Не то дом твой подожгу,
Тебя по миру пушу.

Испугался дехканин, собрал урожай. Взял воробей хлопок, полетел к старухе. Прилетел, чирикает:

Чеши вату и взбивай,
Скорей пряжу мне давай.
Или я твой дом сожгу,
Тебя по миру пушу.

Подхватил воробей пряжу, полетел к мастеру. Прилетел, говорит:

Сшей мне тюбетейку,
Буду ждать неделку.
Не сошьёшь – дом подожгу,
Тебя по миру пушу.

Испугался мастер, сшил воробью тюбетейку, узорами украсил. Надел воробушек тюбетейку на голову, полетел во дворец падишаха. Прилетел в царский сад, прыгает с ветки на ветку: «У меня тюбетейка, у меня тюбетейка, а у царя нет, а у царя нет!» Разозлился падишах, велел слугам поймать птицу и обезглавить. А воробушек взлетел на самую высокую ветку – поди

³⁷ Курак – нераскрывшаяся коробочка хлопка.

поймай его – и чирикает оттуда: «У меня тубетейка есть, есть, а у царя нет, нет!» Говорят, с тех пор и порхает воробей с ветки на ветку и дразнится: «У меня есть, а у царя нет!»

Ну, теперь будете спать, дети?

Дети не ответили, потому что уже спали. Тётя Русская положила Амана рядом с Рабиёй. Тут мы и решились войти в дом.

– А мы слышали вашу сказку, – признались. – За окном стояли.

Карабай, который никогда не смотрит себе под ноги, опрокинул миску с Катыком³⁸, приготовленным Марией Павловной для мытья головы.

– Ничего, ничего, не расстраивайтесь, – поспешила тётя Русская успокоить нас, – остатков вполне хватит. Волос у меня немного. А вы, мальчики, впредь не стойте под окнами, заходите в дом без всяких, ладно?

– Ладно, – кивнули мы.

– У вас ко мне дело?

– Мы пришли за суюнчи.

– Суюнчи? – удивилась Мария Павловна.

– Да. Сегодня ваш Многодетный... простите, Ариф получил пятёрку, – пояснил Самовар.

– Пятёрку! – воскликнула тётя Русская.

– По родному языку, – добавил Карабай. Мария Павловна так обрадовалась, что крепко

³⁸ Катык – кислое молоко, творог.

расцеловала нас. Мне она подарила неочиненный красный карандаш, Самовару – ластик, а Карабаю – два пера. И ещё она пообещала купить им рыболовные крючки, если они подтянут меня и по другим предметам.

Больше мы не стали задерживаться. Попрощались и ушли. Пусть директор спокойно помоеет голову.

Ночные стенания сирот

Говорил я уже или нет, Зулейха наша стала в последнее время чересчур суеверной. Верит в разных чертей и дьяволов, дивов и пэри. К сожалению, она сдружилась с девочкой Дильбар, во всём похожей на неё. Вот они и взбаламутили своих подружек: «Если в полночь подойти к печной трубе и устроить плач по брату или отцу, который на фронте, то плач этот дойдет до ушей всевышнего и аллах обязательно вернёт их домой». Девчонки вначале не поверили, но потом сдались. Сами знаете, у каждого кто-нибудь да на фронте и, конечно, каждому хочется, чтоб тот быстрее вернулся. Ладно, решили девочки, попробовать-то можно. Ну и собрались в полночь, устроили стенания. И что вы думаете? То ли случайность, то ли их жалобный вой дошёл до фронтов Ленинграда, во всяком случае, когда девочка по имени Абидахон утром вышла умываться, она увидела отца в длинной шинели, растерянно озиравшегося во дворе. Через час после него появился отец Сони, девочки-татарки...

Поверите ли, после этого в нашем детдоме началось повальное увлечение стенаниями. Всё происходило, конечно, в строгой тайне, когда воспитатели засыпали. Сегодня очередь дошла и до нашей комнаты. Шермат у нас считается ночным директором. Никто перечить ему не смеет. Вот этот-то «директор» вначале ни в какую не соглашался, когда ребята хотели провести стенания, а сегодня сам велел. Да такую начал подготовку, точно мы собирались давать представление.

Дежурной в тот вечер была воспитательница Донохон-апа Ойумереть. Обычно она не торчит в детдоме, пока все уснут: даёт какое-нибудь задание или прочитает коротенькое сообщение из газеты и, пожелав спокойной ночи, спешит домой. Сегодня же поставила посреди спальни табуретку с расшатавшимися ножками, уселась, точно собиралась остаться здесь на всю ночь. Может, она слышала, что мы сегодня собираемся стенать? Или получила нагоняй от Марии Павловны за то, что рано уходит домой?

Мы молча переглядывались, не зная, как быть.

– Домашние задания сделали? – спросила Ойумереть.

– Сделали! – закричали мы хором.

– Ко мне вопросы есть?

– Вопросов нет!

– Тогда начнём занятие.

– Апа, мы сегодня очень устали, может, ляжем пораньше? – попросил Самовар.

– Нет, хоть немного ещё позанимаемся. Время раннее.

– А мы хотели завтра пораньше встать и сделать уборку.

Но Ойумереть была непреклонна.

– Сегодня будем отгадывать загадки, – заявила она. – Кто быстрее и больше всех отгадает, тот получит премию, шесть штук карандашей для рисования. Ну, начали, дети?

– Начали! – согласились мы в надежде, что чем быстрее начнём, тем быстрее кончим.

Ойумереть раскрыла толстую тетрадь, куда она, видно, ещё дома выписала загадки, и начала читать, водя пальцем по строчкам:

– 3-3-3 летит туда, 3-3-3 летит сюда. Больно кусает, Сладко угощает. Что это?

- Пчела! – первым закричал Карабай.
- Правильно, – кивнула воспитательница. – Высокий ствол, полый изнутри. Кто отгадает?
- Камыш, – сказал наш Усман.
- Верно, угадал.

Короче говоря, Ойумереть задержала нас своими загадками допоздна, и мы изрядно попотели, отгадывая их. Наконец воспитательница начала зевать и захлопнула тетрадь.

– Премия досталась Карабаю, – объявила она, вручив моему другу карандаши, и, наскоро попрощавшись, ушла.

- Многодетный, выйди проверь, все ли уснули, – приказал Шермат.

Я проверил. Не все ещё спали. В доме тёти Русской и в караулке у ворот горел свет.

- Ничего, – сказал Ислам. – Начнём пока стенать про себя.

- Всем рассестись по кроватям, – приказал Шермат. – Сядьте лицом к кибле³⁹, на колени.

- Шермат, – позвал кто-то.

- Ну чего?

- А бог русский или узбек?

– Бог-то?.. – переспросил Шермат и призадумался. – По-моему, он понимает немного и по-русски.

- А вот Васька говорит, что аллах русский. Он его и фотокарточку видел.

- Неправда! – взвился мальчик по прозвищу Газы-абзий, что спит у окна. – Бог – татарин...

Мы почти полчаса спорили, но так и не выяснили, к какой национальности принадлежит всевышний. Наконец Шермат вытянул руки вперёд и приказал:

- Пусть каждый стенает на своём языке. Поехали!

- О аллах, верни поскорее моего папочку! – начал умолять бога наш Усман.

- Пусть мамочка оживёт и будет с нами! – высоко воздел руки Султан.

- О боже, пусть сдохнет Гитлер!

- О аллах, быстрее закончи войну!

- Дедушка бог, я соскучился по брату!

- Отец, когда ты вернёшься?!

Крики эти раздавались вперемешку со стонами и всхлипываниями. Я огляделся. Все ребята сидели на коленях лицом к восходу, молитвенно воздев руки. У одного отец на войне, у другого брат, один лишился матери, другой – родственников. Все они истосковались, соскучились по родным. Ребята нуждались в ласке, в тёплом слове и участии близких. Это плакали, стенали истосковавшиеся по любви и ласке души. Детишки, лишённые родительских объятий. Я понял, что кто-то из моих товарищей в мыслях сидит сейчас на коленях папы, гладит его по щекам, любовно поддёргивает колючие усы. Другой уже давным-давно с мамой, прижался лицом к её лицу, гладит её волосы, тепло материнской души переливается в детское сердце лечащим бальзамом, заставляя забыть о бедах и горестях, даруя счастье... Но – увы! – всё это в мыслях... Мамочка умерла давным-давно, не оживёт она никогда. Отец же где-то далеко-далеко.

Самоварджан не мог сдержаться, плакал навзрыд, раскачиваясь из стороны в сторону. Я подошёл к нему, положил руку на плечо:

- Не надо, дружище, успокойся...

– Если бы ты знал, как я соскучился по папе... – проговорил Самовар, давясь слезами. – Три года уже, как я его не видел...

- Зато у тебя мама жива.

- Она не родная мне.

³⁹ Кибла – сторона, в которую обращаются мусульмане во время молитвы.

– А где родная?

– Умерла. Когда меня рожала... Я по ней тоже истосковался, очень, очень истосковался... Не надо, оставь меня, дай выплакаться, тогда, быть может, мне станет легче... Садись, поплачем вместе...

Я тихо вернулся на свою кровать. Ребята продолжали лить слёзы, покачивая головой, размазывая слёзы по лицу:

– Папочка, хоть безногим, но только вернись!

– Мамочка, я нахожусь в сиротском доме! Я считал Куршермата злым, недобрым мальчиком, потому что он всех бил, отбирал хлеб. А сейчас я даже пожалел его, увидев, как горько он плакал. Да, нелегко парню. Он не знает, живы у него родители или нет. Три годика ему было, когда потерялся на базаре.

Вдруг в глубине палаты возникла какая-то возня. Гляжу – Алим Чапаев из первого класса дерётся со своим соседом по кличке Мастер. Алим учится вместе с нашим Усманом. Он попал в детдом четырёхлетним, очень любил ездить верхом на палочке, говоря, что он Чапаев. Когда он пришёл в школу, учитель спросил фамилию, Алим не знал. Ребята сказали, что его фамилия Чапаев. Учитель так и записал в журнале.

– Почему ты так громко кричишь? – Алим Чапаев тряс Мастера за грудки.

– Я папу зову, вот и кричу, чтоб он услышал, понял?

– Но ты так кричишь, что аллах не услышит моего голоса!

– Отпусти, говорят!

– Не отпущу.

– Ты хочешь, чтоб твой отец вернулся, а мой нет, да? Буду кричать!

Шермат приблизился к ссорящимся, так посмотрел на них, что те сразу приумолкли, разошлись по своим местам. Стенания продолжались с удвоенной силой. Мы плакали и жаловались на свою судьбу с таким жаром, с такой верой, точно всевышний спустился в нашу спальню и записывал теперь в толстую тетрадь все наши жалобы и пожелания. Время давно перевалило за полночь. Многие уже устали от плача, прилегли на подушку и уснули не раздеваясь. Я тоже, обессилев, растянулся на койке. И вдруг увидел... папу. Он будто бы вместо матери стал трактористом. Но трактор его был маленький, не больше одноведёрного самовара. Но вот этот тракторчик начал расти, раздуваться. Отец исчез за облаками, до которых разросся трактор. «Папочка!» – закричал я в ужасе и проснулся от своего крика. Гляжу – многие ребята не спят: кто сидит на койке, кто ходит по проходу между кроватей, кто торчит во дворе. Все ждут своих родных. Я тоже присоединился к ним.

Ничей отец не вернулся в тот день, и ничей брат не вернулся, и мёртвые не ожили. И на другой день не было признаков, что наши просьбы услышаны и исполнены, на третий тоже. И мы разуверились во всемогуществе всевышнего. А тут случилось такое, что мы позабыли о своём великом стенании.

Хвостатые клоуны

Вообще, чудной этот парень Куршермат, вечно придумывает что-нибудь странное. А когда не фантазирует, глядишь, в спальне грандиозная драка. Не раз он клялся-божился воспитателю, что это в последний раз, а через день-другой опять выкидывал коленце.

В субботу вечером они с Исламом принесли кипу старых газет. Когда ночная воспитательница ушла, Шермат закрыл спальню изнутри.

– Я придумал потрясную игру, – заявил он. – Кто хочет участвовать?

– Какую игру? – загалдели ребята.

– Завтра на базаре дадим представление.

– Какое представление? – решил уточнить я.

– Ты, Многодетный, в это дело не лезь.

– Это почему же?

– Потому что ты трус.

– Ты сам трус!

– Замолчи, а то шкуру спущу!

– Хочешь один на один выйти? – разозлился я. Верно, вид мой не обещал ничего хорошего, или Шермат решил, что лишняя ссора только делу помешает, – пошёл на попятную.

– Эх ты, Многодетный! Я ведь только пошутил!.. – Положил он руку мне на плечо. Потом бросил клич всем храбрым выйти в середину комнаты. Оказалось, что все обитатели комнаты исключительные герои.

Шермат поделился своим замыслом: мы должны наделать себе длинные острые колпаки из газеты, раздобыть старые тряпки и соорудить длинные хвосты, на лица должны наклеить четыре или пять полосок белой бумаги, чтобы стать похожими на клоунов, развлекающих людей. В базарный день, то есть завтра, когда барабанный бой возвестит о начале представления, мы все выскочим и пустимся в пляс.

– Ну как, нравится? – перевёл дух Куршермат.

– Интересно-то интересно, – с сомнением проговорил Самовар. – А что скажет Мария Павловна?

– Мария Павловна завтра уезжает в Коканд за продуктами.

– А вахтёр ведь не выпустит нас с территории, – сказал какой-то мальчик.

– Перелезем через дувал в конце сада. Там есть удобное место.

Мы приступили к работе. Не всем хватило тряпья для хвостов, так некоторые пустили на это дело старые свои рубахи и штаны, даже наволочки и красные повязки дежурных пошли в ход. К полуночи всё было готово. Шермат выстроил своё войско в проходе между койками и произвёл смотр.

– Неплохо! – произнёс он, довольный. – А теперь спать, а то не выспитесь и завтра не сможете выступить как следует. Карабай, твоя очередь тушить лампу!

В воскресенье примерно в полдень, когда торговля на базаре была в самом разгаре, мы собрались на пустыре за рынком. Сочинитель повесил свой барабан на шею. Он его принёс, завернув в простыню.

– Все собрались? – спросил он.

– Самовар не пришёл, – ответил кто-то. – Сказал, что не любит кривляться.

– Ничего! – махнул рукой Шермат. – Ночью мы проучим этого предателя. Ну, к делу!

Мы моментально напялили на головы газетные шапки, прицепили хвосты, облепили лица бумажными полосками и, как договаривались, под звуки барабана ринулись в гущу базара, пританцовывая и трясясь, вихляясь и кланяясь. Люди обалдело уставились на нас:

– О всевышний, это ещё что такое?

– Ё товба!

– Уж не конец ли света наступил?

– Сроду не видал зараз столько клоунов! Иные испуганно плевались за воротник:

«Тьфу-тьфу, пронеси!», иные вставали на цыпочки и вытягивали шею, стараясь получше рассмотреть нас. Со всех рядов – и мясного, и хлебного, и овощного – стали сбегаться люди, привлечённые шумом. А барабан гремит всё громче и громче, и мы, артисты, вдохновенно пляшем. Вон, вижу, Султан, не зная, что уж дальше делать, непрерывно бьёт поклоны, а Усман, точно заводной шайтанёнок, прыгает и прыгает на месте.

- Держи вора! – пронеслось вдруг над зрителями.
- Вай, у меня карман вырезали!
- Стой, пострел!

Гляжу, в толпе что-то непонятное происходит. Куршермат зигзагами бежит меж людей, точно в лесу, от кого-то прячется. Ислам-курбаши с полосатым хурджином на плече пулей пронёсся мимо меня. Вечноголодный стоит в сторонке, озирается. В его руке ведро, из которого поднимается пар. Мне показалось даже, что слышу душистый запах шурпы... И вдруг у меня в голове точно молния сверкнула, по телу побежали мурашки. Видно, здорово надули нас Куршермат с Исламомкурбаши. Да, это точно, облапошили! Они заставили нас кривляться клоунами, а сами в это время обчищали карманы зазевавшихся!..

– Бей их по шапкам! – заорал кто-то дико, саданув меня по плечу. Я полетел вперёд и врезался лбом в землю. Тут же вскочил, чтоб бежать, бежать без оглядки, но вдруг увидел, что за Усманом гонится длинный усатый дядя. Братик мой летит как затравленный заяц, кричит прерывающимся от ужаса голосом. Я со всех ног припустил за усатым, нагнал и по-волчьи прыгнул ему на плечо. Мы оба полетели на землю, но я вскочил первым и, на ходу отрывая проклятый позорный хвост, кинулся за Усманом.

Базар походил на клопочущий котёл. Кто-то кого-то бьёт наотмашь, кто-то куда-то тащит за уши визжащего хвостатого пацана, кто-то испуганно озирается, прижимает к груди своё барахло, не зная, то ли погнаться за кем-нибудь, то ли самому бежать...

За воротами рынка я догнал Усмана, взял его за руку, и мы понеслись дальше. Я успел на ходу стащить с его головы шапку и оторвать хвост.

– Султана не видел? – спросил я, еле переводя дух.

– Он побежал в скотный ряд.

– Как бы не поймали его!..

– Нет, я видел, как он вскочил на дувал... Ушёл. Давай быстрее, не то поймают – избьют до смерти.

Мы помчались дальше. Запыхавшиеся, гонимые ужасом, влетаем в общежитие, глядим, Куршермат, Ислам-курбаши да и все остальные из их шайки преспокойно возлежат на своих койках. Сон это или явь?

– Ты чего разлѣгся? – подошёл я к Куршермату.

– Не мешай, я сплю, – спокойно пробасил он.

– Кто будет спасать ребят?

– Каких ещё ребят?

– Так ведь... многих там наших схватили!..

– Не ори... чего раскричался?

– Ты вор! – заорал я, весь дрожа.

– Че-ево-о?

– Карманщик!..

Кушермат вскочил, зажал мне рот рукой, а сзади Ислам накинул на меня одеяло. Мне, верно, пришлось бы туго, но в этот момент в комнату вошла Мария Павловна.

– Что тут происходит?

– Да так, ничего... – огрызнулся Ислам, стаскивая с меня одеяло. – Просто баловались...

– Неправда! – зашумели ребята.

– Самарджан, расскажи-ка мне, что тут произошло? – обратилась Мария Павловна к Самовару. – Вас всех словно через жернова пропустили...

– Я ничего не знаю, – пробормотал Самовар, направляясь к двери.

Боже, что с ребятами? Почему они не расскажут, в какую историю мы влипли? Боятся «дешевить», как говорят эти мерзавцы? Неужто эта кучка подлецов так запугала всех? Нет, выложу всё как есть. Какое же это предательство, если выведешь на чистую воду негодяев?! Если сейчас не сказать, то они придумают что-нибудь ещё пострашнее! Мои друзья, и Султан, и Усман могут стать воришками!

– Мария Павловна... – несмело поднял я голову.

– Слава богу, хоть у одного есть язык...

– Шермат сегодня воровал.

– Что? – вздрогнула Мария Павловна.

– По карманам лазил на базаре.

– По карманам лазил?!

– Да. А Ислам увёл чей-то хурджин. Там, на базаре, многих ребят поймали... Не знаю, что с ними...

– На базаре? – Мария Павловна выскочила вон.

Склад «разбойников»

Всех нас выгнали во двор, построили в ряд. С нами и те, кого Мария Павловна спасла от рук толпы на базаре. Мы окружены насмерть перепуганными воспитателями, поварами и вахтѣрами. Все молчат, понутив головы, будто объявлен траурный час. Только Мария Павловна

носится по двору, точно укушенная осой. На её пути оказалось пустое ведро – она так шарахнула его о камень, что в лепёшку превратила. Пробегая мимо столба, увидела топор, схватила его да как швырнёт, что он взлетел под самые небеса... Вай-буй, я-то считал, что Мария Павловна всегда спокойная, весёлая, сыплющая шутками-прибаутками женщина, а она...

Так вот, слушайте дальше.

Мария Павловна подскочила к редкобородому старичку:

– А у тебя что они стащили?

– Хур... хурд... джин... – пролепетал старик испуганно.

Тётя Русская опять стала носиться вдоль строя. Ясно, что она вне себя от ярости, но никто не знает, как успокоить её, утихомирить. Все молчат...

Мне было очень жалко Марию Павловну, очень. Знал бы я, что всё так обернётся, ни в жизнь не впутался бы в это дело. Чтоб они сдохли со своими колпаками и хвостами! Поверите ли, так мне было худо, так обидно, что еле удерживал себя, чтобы не подскочить к мерзкому Шермату, исцарапать, искусать всего. Кулаки сжимал, аж пальцам больно стало.

Тётя Русская перестала бегать, но не совсем ещё успокоилась.

– Так кто же всё это затеял? Удивительно, все молчат, хотя прекрасно знают, кто был зачинщиком.

– Ну-ка посмотрим, кто заговорит первый: раз, два, три...

Молчание. Почему, почему они молчат?! Поднимаю руку, мнусь.

– Это дело Шермата... – начинаю я, но встречаюсь глазами с проклятым зачинщиком, осекаюсь и замолкаю. Испугался ли, пожалел ли, не знаю. А Куршермат уставился нагло, на губах издевательская ухмылка.

– Дурак, ты же сам всё придумал! – крикнул он вдруг. – Ариф зачинщик, кто же ещё?! Говорят, в тихом омуте черти водятся.

Ия, вот тебе раз! Как говорится, с больной головы на здоровую. Во сне это или наяву? Неужто можно так лгать и не краснеть? А ребята молчат как всегда, молча-ат, они ведь, они...

– Можно скажу? – неожиданно поднял руку Карабай.

– Говори.

– Сказать-то я могу, но если они потом сдерут с меня шкуру и соломой набьют?

– Руки короткие!

Карабай начал рассказывать, что Шермат с Исламом сколотили шайку, что они нападают на свою жертву, нацепив чёрные маски, что вооружены пиками и жестяными саблями, но те не дали ему договорить. Закричали, начали клясться и божиться, что шайку сколотил я да сам Карабай. Мария Павловна стояла, не зная, кому верить. Наконец она выставила перед строем Ислама и Куршермата направо, меня с Карабаем – налево и обратилась к ребятам:

– Вот теперь вы мне скажите, кто из них говорит правду?

Все молчат, опустив головы. Шермат с Исламом стоят, выпятив грудь, вроде бы добродушно поглядывают по сторонам, но во взглядах их угроза. Страх парализовал ребят, сделал глухими и немыми.

Вдруг из строя с поднятой рукой выкатился Алим Чапаев, но, не произнеся ни слова, так же с поднятой рукой закатился обратно. И тихо, шмыгая носом, заплакал.

– Ну, что там ещё? – спросила, еле сдерживаясь, тётя Русская.

– Я бы сказал, но мне язык вырвут!

– Кто вырвет, кто?

– Куршермат. Видите, какие у него кулаки?! – заплакал Алим Чапаев. Мария Павловна подошла, взяла его на руки. – Он у нас и хлеб отбирает... – плакал Чапаев.

– Кто, Шермат?

– Куршермат и Ислам Курбаши. Каждый день по три куска отбирают... И сахара половину отбирают. А не дашь, ночью выводят в сад и колотят...

– Почему же ты молчал?

– Он сказал, что, если только пикну, язык вырвет с корнем.

Тётя Русская не очень-то поразилась, будто обо всём этом она и раньше догадывалась. Недобро улыбаясь, она покачала головой, потом обернулась к строю:

– Правду говорит Алим Чапаев, ребята?

– Верно!

– У всех они отбирают?

– А хлеб продают сторожу!

– Отберут хлеб да ещё по макушке кулаком саданут! – доносилось со всех сторон. Плохо чувствовали себя и воспитатели с поварами, окружавшие нас, они были насмерть перепуганы случившимся.

Мария Павловна пообещала простить того, кто признается, что украл стариковский хурджин. Никто не откликнулся. Минута прошла в молчании. Неожиданно руку поднял Вечноголодный. У него невероятно большая голова и тонюсенькая шея.

– Можно сказать?

– Говори.

– Я у какой-то старухи увёл ведро супу.

– Где суп?

– Половину я съел.

– А другая половина?

– В саду. Ведро я повесил на урючину.

– Поди принеси... Ну, дети, так и не скажете, кто утащил дедушкин хурджин?

– Ислам утащил, Ислам! – загалдели ребята помладше.

А Ислам как ни в чём не бывало ухмылялся. Кто-то видел, что хурджин спрятан на крыше столовки. Так что через пять минут он был вручён хозяину. Когда старик ушёл, рассыпаясь в благодарностях, Мария Павловна опять взорвалась. На этот раз попало воспитателям. Потом завела всех старшеклассников и Алима Чапаева к себе в комнату и продолжала выяснять, как было дело. Куршермат с Исламом Курбаши помалкивали, словно их это вовсе и не касалось.

– Я знаю, где их склад! – вдруг опять проявил храбрость Алим Чапаев.

– Ты сказал «склад»? – удивилась директор.

– Да, склад! – радостно воскликнул Алим Чапаев.

Мне показалось, что Ислам с Шерматом едва не вскочили с мест, однако взяли себя в руки. Шермат хрипло кашлянул.

– Не кашляй – не испугаешь! – заорал вдруг Алим Чапаев, точно глухие сидели кругом. – Я Чапаев, понял? А ты басмач, понял?! Чапаев басмачей не боялся и не боится, понял!

– Что же у них на складе, Алимджан? – ласково спросила Мария Павловна.

– Сабли.

– Настоящие сабли?

– Лучше настоящих!

– Ещё что?

– Копья. Хлеба много, хлеб там прямо гниёт.

– Ещё?

– Колотого сахару полно, деньги в медной чашке... И ещё... папиросы, кажется, были, спички тоже...

Тут, видно, терпение тёти Русской лопнуло – она изо всей силы трахнула кулаком по столу,

вскочила с места.

Заперев Куршермата и Ислама Курбаши в комнате, мы все понеслись в дальний угол сада. Склад располагался в яме из-под пня. «Разбойники» просто малость расширили её и углубили, а сверху прикрыли ветками, забросали землёй – получилась крыша. Кроме вещей, о которых говорил Алим Чапаев, здесь были ещё четыре новенькие простыни, две пары ненадёванных ботинок, медный самовар. С этими трофеями мы вернулись обратно. Мария Павловна выглядела очень странно. Трудно было понять, плакать ли она сейчас станет, смеяться или сердиться пуще прежнего. Но ничего такого не случилось. Она долго сидела на диване, обхватив обеими руками голову, потом встрепенулась и тихо позвала:

– Ислам, иди-ка сядь рядышком. И ты, Шерджан, садись, вот так, молодец. Вы ведь оба обещали мне исправиться... Исламджан, ты ведь стал было уже неузнаваемым, сынок. Кто вас сбивал с пути? Вы у всех отбирали хлеб?

– Почти у всех мальчишек, – ответил Ислам, закашлявшись.

– И сколько вы набрали хлеба?

– Около ста пятидесяти кусков.

– Зачем вам столько хлеба?

Ислам взглянул на напарника и словно одеревенел. Мария Павловна поняла, что больше ни слова не вытянет из него, повернулась к Шермату и начала расспрашивать его таким же мягким, вкрадчивым голосом.

– Вы нас не прогоните? – вскинулся вдруг Шермат.

– Но тебя ведь это не пугает!.. – горько усмехнулась тётя Русская.

– Вы меня не выдадите?

– Нет, ты же знаешь, что нет.

Вот тогда-то Шермат с Исламом заговорили, перебивая друг друга. Выяснилось, что на это дело подбил их одноглазый вахтёр, который сидит у ворот. Он же и помог оборудовать склад в углу сада. Он каждый день забирал собранный хлеб, а взамен давал им наконецники для пик, жезь для сабель, папиросы. Иногда платил деньгами.

– Что вы ему ещё давали, кроме хлеба и сахара?

– Много чего.

– Например?

– Вчера вечером, например... – Шермат кинул взгляд в окно и продолжал приглушённым голосом: – Мы ему отдали десять пар ботинок, макароны и рис.

– Откуда вы всё это взяли?

– Со склада.

– Но ключи ведь у меня?

– А мы спускались по дымоходу.

– Значит, платья тоже взяли вы?

– Да.

– И всё отдали вахтёру?

– Да.

– А если он скажет, что ничего у вас не брал?

– Надо устроить у него обыск, – сразу предложил Куршермат. – Если хотите, я сам могу проводить вас к нему. Все вещи он прячет под сеном на крыше.

– Нет, сынок, остальное вас не касается! – поднялась Мария Павловна. – Спасибо вам, что честно признались... но... дети, прошу вас помалкивать об этой истории. Ведь это позор на нашу голову, верно? Живите теперь дружно и мирно. Чапаев, ну-ка помирись с Шерматом, вот так, молодцом! Карабай, а ты чего смотришь? Обнимись-ка с Исламом! Вот это другое дело!

Значит, всё забыто-перечёркнуто?

– Забыто! Можете нам поверить! – зашумели ребята.

– Думаю, больше такое не повторится, а?

– Никогда... – виновато опустили головы два бывших разбойника. Они едва сдерживали слёзы...

Мария Павловна поспешно вышла из дома.

Вахтёра арестовали в тот же день. Через десять дней в клубе хлопкосдаточного пункта состоялся суд. Преступника осудили на восемь лет. Суд вынес постановление отправить в детколонию Ислама с Шерматом. Когда ребят уводили, Мария Павловна поцеловала их и заплакала:

– Простите меня, дети мои. Не уберегла я вас...

Вкусные слоёные лепёшки тётушки Тухты

Подошли каникулы, мы начали собираться в пионерский лагерь. Он был расположен у самых гор, возле бурной прозрачной речки. Лагерь к лету подготовили рабочие хлопкопункта. Но наш отъезд почему-то всё откладывался. Нам объявили, что директор поехала в областной центр, потом пронёсся слух, что она укатила куда-то ещё дальше, и неизвестно зачем. Мы ходили, не зная, что и думать. В один из таких дней Карабай прибежал с улицы запыхавшись.

– Многодетный!..

– Чего тебе?

– Никому не скажешь?

– Нет.

– Говорят, детдом наш закрывается. Мы подчинились Коканду. До кокандского начальства дошла история с Исламом и Шерматом. Шум был большой. Директор Кокандского детдома решил половину наших забрать к себе, половину разместить по другим приютам.

Поползли самые невероятные слухи. Сколько детишек в детдоме, столько и предположений. Одни говорят, что старших заберут в солдаты, другие утверждают, что возьмут и младших, только их отдадут в школу, где готовят разведчиков. Третьи испуганным шёпотом сообщают, что Марию Павловну посадят в тюрьму из-за растраты, четвёртые считают, что наша территория понадобилась кондитерской фабрике. Мол, свёклы не хватает, наш детдом снесут и будут выращивать свёклу для фабрики.

Я был в саду, когда меня кто-то окликнул.

– Иди быстрее, там твой дед на осле приехал!

Дедушка Парпи! Я вылетел на улицу. И правда, Парпи-бобо на осле, рядом с ним тётушка Тухта со свёртком в руке. Стоят, озираются по сторонам.

– Тётушка, дедушка!

Я прижался лицом к тёплой груди Тухтыхалы, разрыдался.

– Жеребёночек мой миленький!.. – заплакала тётушка тоже.

Потом я поздоровался с дедом. У него всё ещё болела нога, потому он еле сполз с осла.

– Не надо плакать, сын мой! – сказал дед, целуя меня в лоб.

– Дедушка, мы очень соскучились по вас!

– Где младшенькие?

– Их повели на экскурсию к реке. Скоро придут!

– Вон они! – вскричала тётушка Тухта, увидев в конце улицы шагающих строем ребят. Султан уже бежал к нам, оставив далеко позади своих товарищей. Он не плакал, не жаловался, молча поздоровался и хмуро спросил:

– За всё время-то один раз и надумали навестить? Других уже тысячу раз навестили!

– Мы с дедушкой были больны, сынок, – сказала тётушка.

– И дядюшка Разык ни разу не приехал... – задрожал голос Султана. На глазах выступили слёзы.

– Не плачь, мой верблюжонок, не надо, – начал успокаивать его дедушка. – Разык три месяца тому назад повёз фронтовикам фрукты и одежду, до сих пор не вернулся. А вы выглядите молодцом, тьфу-тьфу, не сглазить, кругленькие, чистенькие... Вроде вовсе и не сиротки... Как вас тут кормят?

– Неплохо, – ответил Султан.

– Но ты-то наедаешься хоть?

– Мне по две порции дают.

– Выходит дело, ты им понравился?

– Я на кухне помогаю. Таскаю воду, колю дрова.

– Молодец, сынок, будешь трудиться, никогда голодным не останешься. И на душе всегда будет светло.

Новый вахтёр разрешил нам расположиться в саду. Мы провели дедушку под руки в сад, усадили на попону, а ослика привязали поодаль к дереву. В этот момент появились наши остальные братики и сестрицы. Ах, вы б видели, сколько было радости! Аман прыгал, как

чертёнок, не зная, куда себя деть, Рабия всё хвасталась своим платицем и обнимала то дедушку, то бабушку. Усман занялся слоёными лепёшками, Султан урюком. А я... а я хотел задать сто вопросов и немедля получить ответы.

Дедушка привёз на своём ослике два ведра урюка и алычи, целый узелок недавно испечённых, ещё горячих лепёшек, сметаны в глиняном горшке и мешочек сюзьмы⁴⁰. Когда нас окружили товарищи по детдому, я раздал всем по горсточке урюка и по пол-лепёшки.

– Моя мама тоже пекла такие вкусные лепёшки, – вздохнул Карабай.

– В нашем саду тоже рос такой ранний урюк, – сказал Самоварджан.

– Можно ещё немного алычи? – попросил Алим Чапаев, облизываясь.

От отца, оказывается, пришло два письма. Но одно из них написано по-русски, а другое на таджикском языке. Я поспешно прочитал оба, но ровным счётом ничего не понял. Был у нас мальчик-таджик по имени Абидджан, он днями и ночами валялся в спальне, читал толстые книги. А по-русски хорошо понимал Газы-абзий, хоть и был татарин. Мои друзья мигом приволокли их обоих. Вначале сделали перевод с русского письма, потом – с таджикского... Бедный мой папа... Он был ранен в плечо. Лежал в лазарете. Рана оказалась нестрашной, пуля кости не задела. Отец ещё не знал, что мама погибла, а мы попали в детдом. Он наказывал, чтоб нас, детей, берегли, от школы не" отрывали, советовал продать клевер, заготовленный в прошлом году, и купить нам одежду. Ещё он велел все лишние кетмени и серпы хорошенько вымыть, насухо вытереть, чтоб не ржавели, и спрятать в сарае. «Папочка!..» – заплакал Аман, не дослушав письма. «Мы поедem к отцу!» – засобиралась Рабия. Вмиг, словно небо затянуло тучами, от прежней радости не осталось и следа. Аман принялся кататься по земле, причитать, что он не хочет оставаться здесь, а поедет к папочке. Рабия начала требовать немедленно, сию же минуту, доставить ей маму. Видя, что здесь радости мало, разбрелись окружавшие нас ребята. Мы остались одни.

– Одежда на вас чистенькая. Сами стираете? – спросила бабушка у Зулейхи, видно, чтоб разрядить атмосферу.

– Нет, в прачечной стирают.

– А зачем ты волосы обрезала?

– Здесь так положено.

– Ну ничего, лишь бы живы-здоровы были... Как поживает ваша тётушка Русская?

– Мария Павловна очень любит нас, Рабию и Амана поселила с собой. Когда бывает в городе, привозит им в подарок игрушки и конфеты.

– Дай ей, аллах, счастья!..

– Каждую субботу водит их в баню.

– Ты слышишь, отец? – легонько толкнула тётушка локтем в бок Парпи-бобо, который сидел, выставив вперёд бороду, чтоб Аману сподручнее было её расчёсывать. – Сама вроде кяфир, а добра делает больше, чем иной мусульманин!

– А ты как думала? Я по её глазам понял, что это благочестивейшая женщина...

Когда мы провожали тётушку и Парпи-бобо, у ворот нас опять окружила толпа ребят.

– Дедушка, вы почаще привозите урюк и алычу, – попросил Самоварджан.

– Если для сметаны не найдёте посуды, привозите прямо в ведре, – хитро посоветовал Карабай, смеясь.

Парпи-бобо отъехал шагов сто, повернулся к нам и крикнул:

– Бог даст, в следующее воскресенье я опять приеду!

Дедушка, наверное, сдержал слово. Приехал, увидел опустевший детдом и ничего не понял.

⁴⁰ Сюзьма – кислое молоко, из которого отцежена вода.

Потому что в тот же день вечером многих наших в сопровождении четырёх руководителей отправили в Коканд, а остальных повезли на вокзал. Среди них был и я с младшенькими.

В чужой город

Поезд наш летит в какие-то неведомые, чужие края. «Пити-киш, пити-киш», – пыхтит он. «Так-так-тук», – стучит на стыках рельсов и натужно ревет, как ишак в полуденный зной.

Мы, тридцать сирот, бледные, напуганные, жмёмся к Марии Павловне. Тётя Русская – это уже не прежняя весёлая, шутливая, уверенная в себе директор. Она осунулась, постарела: спина сгорбилась, на лицо набежало множество морщин, глаза провалились. Мария Павловна стала печальной, рассеянной...

– Вы нас не оставите? – испуганно допытываются девочки.

– Нет, конечно, нет.

– А почему тогда нас увозят?

– До начала занятий в школе вы поживёте там.

Вагон наш набит битком: мужчины, женщины, дети.

Были здесь старик с мешком, старуха в парандже⁴¹, солдат с шинелью, надетой через плечо как лошадиный хомут, младенцы, сосущие из бутылки молоко, паренёк, который вёз четырёх связанных кур, обросшие дяди, что всё время резались в карты, и ещё бог весть какие люди. В одном конце вагона смеются, в другом – плачут, а в середине – поют. Воздух спёртый, как бы протухший, дышать невозможно.

А поезд всё летит и точно сам рад, что так быстро несётся, нет-нет да закричит: «Пу-пуу-у-уп!»

К нам протиснулся солдат с большим чемоданом в руке и с вещмешком за плечами. Он был небольшого росточка, но удлинённым широким лицом напоминал отца. Солдат обратился к дремавшей Марии Павловне.

– Можно к вам в соседи?

– Пожалуйста, – ответила тётя Русская. Солдат осторожненько опустил на чемодан.

– Детдомовские?

– Да, – ответил за всех Карабай.

– На экскурсию едете?

– Да.

– Кто из вас отличник?

Вечноголодный, которому удалось отвоевать себе местечко на самой верхней полке, высунулся, как птенчик из своего гнезда:

– Я отличник!

– Ого, гвардейцы-то вон где, оказывается! – засмеялся солдат. – А не врешь?

– Сдохнуть на месте! – поклялся Вечноголодный. – Каждый день во сне пятёрки получаю.

Солдат раскатисто захохотал. Засмеялись и мы с Марией Павловной.

– Вы его не слушайте, это болтун первой марки, – сказал Карабай, когда смех стих. – Он и во сне с двойками дружит. Если кто и отличник у нас, так это Самоварджан.

– А где же сей отличник?

– Я тут! – свесился с другой верхней полки Самар.

– О, почему такого джигита назвали Самоваром?

– Потому что внутри у этого джигита вечно кипит вода, – вставил я со стороны.

⁴¹ Паранджа – балахон, накидываемый на голову с сеткой из чёрных конских волос.

– Да неужто?

– Верно, верно! – продолжал я торопливо, чтоб кто-то не перебил меня. – Бросьте ему в рот щепотку заварки, потрясите за уши – из носа выльется семь чайников чая.

Все кругом засмеялись, Мария Павловна тоже. Вот уже сколько дней мы не видели на её лице даже подобия улыбки, и теперь, когда наша тётя Русская засмеялась весело и звонко, мы были вне себя от радости.

– Оббо, мальчик, молодец! – потрепал меня по плечу солдат. – Да ты острослов настоящий!

– Дядя, знаете, он ещё мастер анекдоты рассказывать, – сообщил Самовар.

– Серьёзно?

– Правда. Если не верите, спросите вон у Марии Павловны. До того как попасть в детдом, младшеньких своих он кормил одними анекдотами.

– Разве анекдотами сыт будешь? – засомневался солдат.

– Ещё как! Анекдоты ведь разные бывают. Одни смешат, другие задуматься заставляют, третьи... Многодетный, расскажи лучше сам...

– Ну давай начинай, – подбодрил меня солдат.

– Жил-был афанди, – начал я посмеиваясь, точь-в-точь дядюшка Разык, – взяли его в армию, назначили командиром. Однажды, когда они лежали в окопе, их атаковали враги. Афанди решил перейти в контратаку. Выскочил из окопа, но вместо «вперёд!» закричал «мама!».

– Хе-хе-хе, – посмеялся солдат. – Выходит, твой афанди был трусоват? Не на ходу ли ты сочиняешь? А то, смотри, афанди твой такой же простенький, как ты сам.

Солдат оказался душевным, разговорчивым человеком. С нами, с детьми, он держался как с равными. Рассказал, что в одном бою подорвал три фашистских танка, за что командование дало ему отпуск и разрешило съездить повидаться с семьёй. Сейчас он возвращался на фронт. Потом он раскрыл свой громадный чемодан и, несмотря на наши протесты, дал каждому по пол-лепёшки и горсточке слегка поджаренного миндаля.

– А чаю вам пусть вскипятит Самовар, – добавил он, усмехнувшись.

Дядя солдат рассказал нам столько интересного, что мы и не заметили, как доехали до места. Поезд несколько раз подряд дёрнулся, устало вздохнул и остановился. Вагон тотчас загудел, как встревоженный улей.

– Всем оставаться на местах! – приказала Мария Павловна.

Всегда живите с улыбкой

Из вагона мы вышли последними. Кругом было столько народу, что мы долго стояли, растерянно глядя по сторонам. Кто бежит с мешком, кто – с чемоданами, кто тащит детишек за руку; там стоят группками красноармейцы, а там какие-то старухи плачут, аж голова кругом пошла.

– Ариф, чего рот разинул! – раздался сердитый окрик. Я поспешно встал в строй, мы сомкнулись поплотнее, чтоб не потерять друг друга, и тронулись в путь. Мария Павловна вышагивала впереди. Она, то и дело оглядываясь назад, пересчитывала нас:

– Никто не отстал?

Кое-как пробившись через людской водоворот, мы пересекли площадь и подошли к красному поезду с небольшими вагончиками. Я спустил с плеч Амана.

– Самовар, а где у этого поезда топка?

– Откуда я знаю?! – пожал плечами Самар.

– Это не поезд, а трамвай, – с видом знатока выступил Вечноголодный. – Топка у него в заднем вагоне.

– А вот и нет! – заспорил Карабай. – Трамвай бывает без топки. Во всяком случае, их не углем топят.

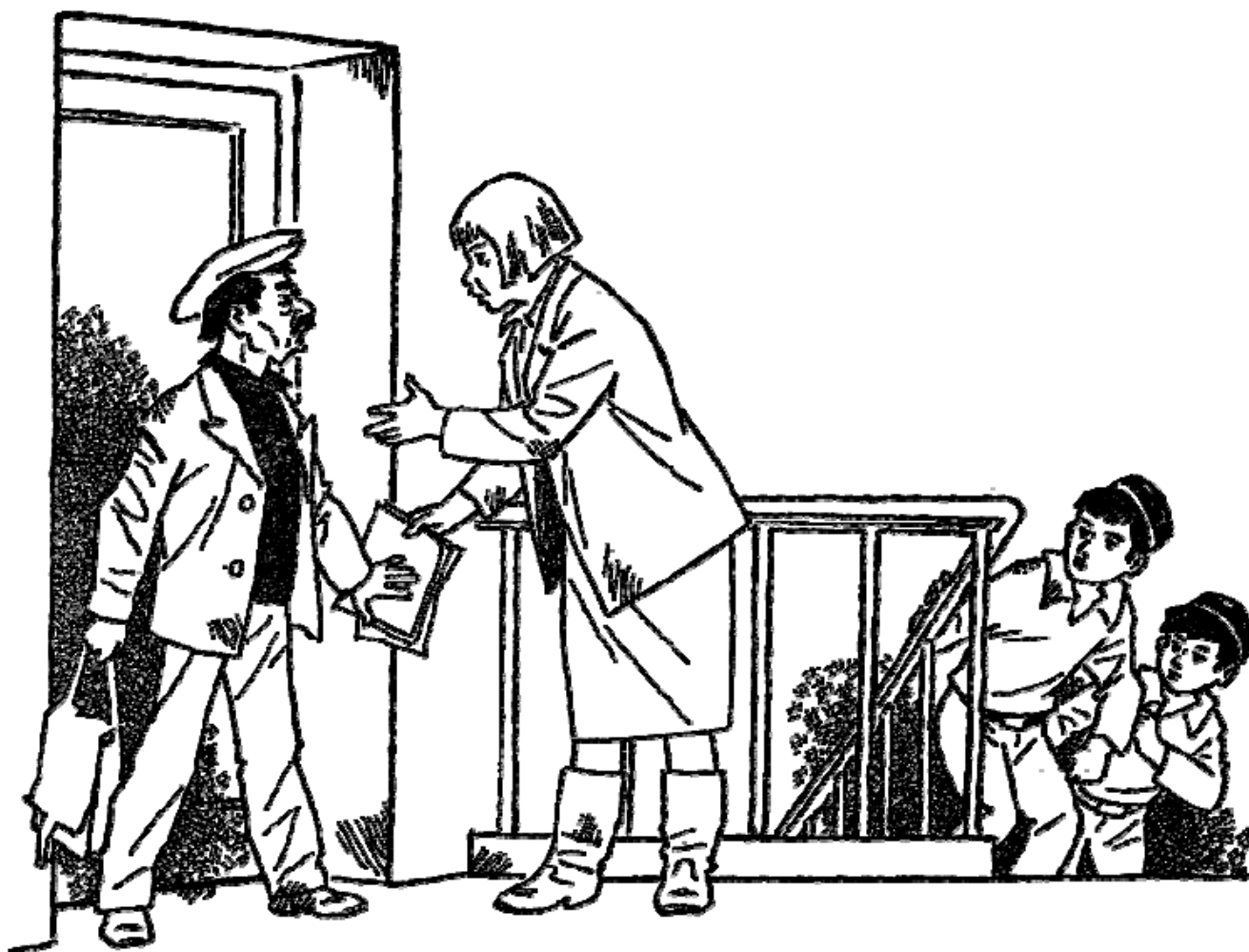
– А чем же?

– Может, щепками...

Никому не хотелось первым влезать в эту штуку, но нас поторопила молодая женщина, обутая в валенки, хотя на дворе стояло лето.

– Давайте быстрее, а то уеду! – закричала она. Мы все разом облепили вагон. Шум поднялся, визг. Наконец все сели. Женщина в валенках обходила вагон, продавая билеты. С нас она денег не спросила, но и билетов не дала. Она объяснила, где нам выходить и в какую сторону потом идти.

– Сначала прямо, а потом налево, налево! – всё кричала она, высунувшись из окна, когда мы сошли с трамвая.

Не знаю я, какое учреждение мы разыскивали, но расположено оно было в доме с множеством этажей (сосчитать не догадался), в таком высоком, что, если захочешь увидеть крышу, тубетейка слетит с головы. Таких домов я ещё не видывал, думал, в него надо забираться по лесенке, но оказалось, что внутри есть ступеньки, ведущие вверх. Мария Павловна оставила нас на улице, сама поднялась наверх. Мы прождали полчаса, час, почитай, целую вечность, а директора нашего всё не было.

– А вдруг она нас здесь бросила? – с ужасом спросил Вечноголодный, чуть не плача. У меня сжалось сердце: я вспомнил, как совсем недавно какая-то женщина бросила своих детей возле нашего детдома.

– Пойдём поищем её там, – предложил я. Вечноголодный согласился. Мы бегом помчались по ступенькам вверх и вскоре увидели нашу Марию Павловну. Она спорила с каким-то маленьким, тщедушным человечком. У него был громкий, грубый голос.

– Да что они там, в области, совсем голову потеряли?! – кричал он. – Своих сирот не знаем куда девать, а они!.. Ну, я с ними ещё поговорю! Где ваши дети?

– Внизу ждут.

Мы бросились вниз, чтобы не столкнуться с этим крикуном. Следом за нами выскочил тщедушный человечек. Он некоторое время пристально разглядывал нас.

– Добро пожаловать, дорогие гости! – произнёс потом вроде как бы с ехидством.

«Дорогие гости» не ответили, стояли хмурые, печальные.

– Устали, видать, с дороги, а? – спросил человечек.

Он исчез за высоким домом. Немного погодя из-за дома выехала полуторка. «Садитесь», – сделал знак наш знакомый, восседая на мягком сиденье и не открывая дверцу, видно, боялся, как бы кто-нибудь не занял его место.

После встречи с весёлым дядей-солдатом мы позабыли было о своих горестях и печалях, готовы были даже запеть. А теперь, увидев, как неприветливо встретили нас здесь, мы опять почувствовали себя очень худо. Будто на свете хороших людей нету, неужто Мария Павловна оставит нас у такого противного человека?

– Карабай, это не ты говорил, что нас будут встречать с музыкой? – толкнул я тихонько друга в бок.

– Инструменты у них, видно, на ремонте, – нехотя отозвался Карабай.

Машина долго петляла по кривым улочкам, наконец остановилась у ворот, возле которых рос громадный тутовник. Человечек и Мария Павловна вошли в ворота, из-за которых доносились звонкие девчачьи голоса. Немного спустя одна створка медленно отошла, и её место целиком заняла женщина. Живот её был как бочка, голова не меньше ведра, ноги и руки точно колодки. Ходила она переваливаясь, как гусыня. Следом появилась расстроенная Мария Павловна.

– Девочки, сходите, – сказала она дрожащим голосом.

Рабия спала у меня на коленях, проснувшись, она громко заплакала. К ней присоединились другие девочки. Мы все уже поняли, что нам придётся расстаться, хотя об этом никто ничего нам не говорил. Мальчишки-то держались, крепко стиснув зубы, но вот девчонки... Мы, лишившиеся своих родителей и близких, настолько свыклись друг с другом, служили опорой друг другу, что уже много дней наши сердца грыз ужас разлуки, и вот теперь вся эта боль пробилась наружу горькими слезами, окрестности потрясали рыдания, каких ещё не слыхивали человеческие уши.

– Акаджан! – рвала на себе волосы Зулейха.

– Не бросайте нас, брат! – кричала Дильбар.

– Самарджан!

– Прощай, Карабай!

– Не забывайте нас, проведывайте, Арифджан-ака! – плакали на девять ладов девять девочек, которые должны были остаться здесь. Мария Павловна тоже не выдержала, из глаз её брызнули слёзы...

С тех самых пор, как мы попали в детдом, я такого горя не видал. Что верно, то верно, иногда мы ссорились, ругались, девчонки ябедничали, а ребята дёргали их за волосы, отбирали мячи, доводя до слёз. Но, оказывается, сами того не зная, мы успели полюбить друг друга как родные. Какие-то незримые нити накрепко связали нас воедино.

Плакали мы, плакали горько...

Из ворот вышел, прихрамывая, человек в старой шинели, в старой будёновке, сунул что-то в рот и залиvisto засвистел.

– Прекратить ор, не то всех посажу в темницу! – закричал он, топая хромою ногой. Точно шлюзом перекрыли воды анхора, слёзы иссякли вмиг.

Когда девочек увели за ворота, мы отправились дальше. Мальчиков до двенадцати лет выгрузили ещё в одном детдоме. Видно, оставляя сестёр, мы все слёзы израсходовали: прощаясь с нами, ни Султан, ни Усман, ни Аман не плакали. Только глядели на нас провалившимися, печальными глазами... Я уж было обрадовался, но, лишь только полуторка тронулась, Аман вырвался из рук воспитательницы и побежал за машиной:

– Акаджан!!

Бедный мой братик так пронзительно кричал, так горько, с такой болью, что казалось, сердце у меня разорвётся, а он всё бежал за машиной, бежал, ах, если б она остановилась и я прижал к груди бедного Амана!

– Акаджан, стойте! – крикнул он ещё раз, споткнулся и врезался лицом в землю... К нему подбежала запыхавшаяся воспитательница, подняла на руки. Аман вырывался, дрыгал ногами, царапался.

– Не плачь, – повернул меня к себе Карабай, – постепенно он свыкнется.

Через полчаса меня, Самара, Карабая, Вечноголодного и ещё троих ребят сдали в ремесленное училище при городской железнодорожной станции.

Мария Павловна вечером навестила нас. Принесла шесть свежееиспечённых лепёшек, полную до краёв банку сметаны, килограмма два зрелого-презрелого урюка. Мы все расселись на травке в саду училища. Глаза нашего директора распухли, покраснели, ей, бедняжке, видно, не раз пришлось сегодня поплакать.

– Ну как, познакомились с ребятами? – тихо спросила тётя Русская.

– Все похожи на дикарей, – сморщился Карабай, точно съел что-то кислое.

– Это вам только показалось. Вы с ними ещё подружитесь.

– Вы останетесь здесь? – спросил я.

– Нет, наверное, нет. Но я буду часто навещать вас. Только, дети мои, об одном хочу просить: учитесь хорошо. Если постараетесь, то станете машинистами, будете водить поезда. Или мастерами в цеху... В общем, старайтесь, чтоб мне за вас не, было стыдно. Будьте дружны... Слушайтесь воспитателей...

Каждую неделю навещайте наших младших, ладно?

– Хорошо, – пообещали мы.

– Держитесь всегда вместе. В город тоже ходите вместе. Самарджан, я тебя назначаю старшим среди ребят.

– Нет, пусть будет Арифджан.

– Арифджан, сдаю тогда ребят тебе.

– Ладно.

– Ну-ка давайте вставайте, попрощаемся. – Мария Павловна обняла каждого, поцеловала в лоб. – Вытрите слёзы, улыбнитесь, ну-ка, ну-ка, вот так, молодцы! Живите всегда с улыбкой на лице, весело и радостно. Арифджан, почаще рассказывай товарищам афанди, смехи их... Прощайте, дети... На меня не обижайтесь, я буду навещать вас...

Султан потерялся

Всё шло хорошо, всё было как надо, и вдруг... это свалилось неожиданно на голову. Как и наказывала директор, мы каждую неделю навещали младших. Они уже свыклись с новой

обстановкой, сдружились с ребятами. В училище тоже дела шли неплохо. Мы ходили по цехам, учились держать инструменты. Дважды проехали на паровозе до ближайшей станции. Да, всё шло нормально, как вдруг...

Навстречу мне с плачем выбежали Усман с Аманом.

– Кто вас обидел?

– Нет, ака, никто нас не обижал. Султан пропал!

Услышав эту весть, я стремглав бросился к директору. Это был человек неопределенного возраста: он выглядел то глубоким стариком, то по-молодецки подтянутым джигитом. К счастью, он был один и не удивился моему появлению.

– А, это ты, кокандец, – сказал он.

– Где мой брат? – Голос мой хрипел, дрожал. – Ведь мама... что я скажу отцу?

– Послушай, а не рванул ли твой братец на фронт, к отцу? Такое ведь бывает...

– Нет, не рванул.

– Послушай меня, кокандец. Брат твой бежал не один, а с Сашей Петриченко. Ребята слышали, что они собирались на фронт. Мы три дня уже разыскиваем их... Отец на фронте?

– Да.

– Брат знает его адрес?

– Да.

– Послушай, кокандец, перестань хныкать. Братец твой далеко не убежит. Есть хочешь?

– Нет.

– Не ври. Ну-ка марш за мной. Старец джигит велел следовать за собой также Усману и Аману, поджидавшим меня у двери, привёл нас в столовку. Молча взял у повара десятку пирожков, по одному вручил Усману с Аманом, остальные отдал мне, опять похлопал по плечу, слегка подталкивая к воротам: иди, иди, мол, без тебя разберёмся. Придя в общежитие, я рассказал ребятам, что случилось. «Дурак ты, – возмутились они. – Ты думаешь, у директора есть время разыскивать каждого сбежавшего из детдома пацана? Да им ещё лучше, когда побольше таких сбежит. Им же больше пирожков достанется. Тебе надо в милицию пойти, больницы обойти».

Я побежал в милицию. Бегу и бесконечно твержу сам себе как сумасшедший: «Никогда больше не буду ругать тебя, Султанджан, никогда больше не обижу!» «А вдруг я его сейчас встречу», – мелькает мысль, останавливаюсь, тяжело дыша, оглядываюсь вокруг – пусто, никого, несусь дальше. Вот и милиция. Вошёл в комнату, над дверью которой висела табличка с надписью: «Дежурный». Вначале мне показалось, что тут никого нет, но, осмотревшись, я обнаружил за барьером человека. Он мирно похрапывал, положив на огромные кулаки голову, лишённую какой бы то ни было растительности. Десятку волосинок на висках были белы и нежны, как пух цыплёнка. Красная милицейская фуражка покоилась на столе.

Я негромко кашлянул, возвещая о своём появлении. Человек не шевельнулся, видать, любит поспать, как наш Султан.

– Дядя! – позвал я, приблизившись к милиционеру.

– Говори, что надо, – приказал человек, не поднимая головы.

– Я брата потерял.

В ответ милиционер только всхрапнул.

– Дядя, я брата потерял, – повторил я. – А папа у нас на фронте. И мамы нету.

Никакого ответа.

– Дядя, ну дядя! – завопил я, топая ногами, как всегда делал, когда сестрёнки отказывались вымыть посуду.

– О, ну и голосище у тебя, мальй! – поднял милиционер наконец голову, принялся тереть

глаза кулаками – каждый с лошадиную голову! Потом так провёл ладонью по носу, что мне показалось, сейчас он его сотрёт начисто с лица.

– Три дня глаз не смыкал. Что у тебя там?

– Я же сказал.

– А что ты сказал? – пошире раскрыл дядя слипающиеся глаза.

– Братик у меня потерялся.

– Надо было покрепче за руку держать.

– Нет, он убежал из детдома.

– Ну и дурак! – широко зевнул милиционер, опёрся обеими руками о стол, опять закрыл глаза. – Дармовая еда, одет-обут, каждую неделю кино показывают... дурак он, так и передай ему.

– Я передам, если вы найдёте его мне.

– Найти его мы найдём, – опять потеревил свой нос милиционер. – Как там его звали?

– Султан.

Милиционер вытащил из ящика стола толстую тетрадь, полистал её:

– Султан, Султан... Мирзаев, что ли? Тут написано, что, возможно, бежал на фронт.

– Нет, – покачал я головой. – Скорее всего он еду пошёл искать, повкуснее да пожирнее. Может, стащил чего и попался...

– Если б попался, он был бы у нас.

– Что ж мне теперь делать?

– Ждать. Если он на фронт подался, его снимут с поезда. В два счёта. Если воровать начнёт, опять-таки никуда не денется. Сцапают. Так что иди домой, спи спокойно. – Милиционер поглядел на меня долгим взглядом, потом бессильно уронил голову на стол.

В тот же день, по идее Карабая, мы организовали поисковую группу в составе пяти человек. Поскольку Самоварджан находчивый и расторопный малый, мы избрали его руководителем группы. Вечноголодный стал заместителем. Поисковая группа не спала всю ночь, написала около двухсот штук объявлений, а наутро расклеила их по всему городу на стенах и столбах. Когда всё было сделано, Самовар вдруг хлопнул себя по лбу:

– Эх, дураки мы... Ошибку допустили. Мы заинтересовались, в чём дело. Самоварджан вслух прочитал:

– «Объявление. Пропал мальчик по имени Султан Мирзаев, прибывший недавно из Коканда. Ему двенадцать лет, чернявый, большая голова, широкие плечи, словом, богатырского сложения. Кто видел этого мальчика или знает, где он находится, просим сообщить нам. Поисковая группа».

– Всё верно, какая же тут ошибка? – удивился Вечноголодный.

– Но мы адреса своего не указали! Кому они сообщат, если даже найдут Султана?..

Да-а, дело было плохо...

Мы целую неделю разыскивали Султана, пропавшего без вести. Впятером несколько раз ходили в милицию, побывали в больницах, моргах – Султана нигде не было ни живого, ни мёртвого.

Я был готов продолжать розыски, пока не упаду где-нибудь на улице, пока ноги не отвалятся, но тут на мою голову свалилось ещё одно несчастье.

Сестрѐнка заболела

Понимаете, занятый поисками Султана, я совсем забыл о сестрѐнках. Вспомнил, когда увидел их во сне. Наши ребята собрались за город на рыбалку, я сказал старосте, что пойду

проведать сестрёнок, и остался в общежитии. Быстренько собрался и, хотя в кармане не имел даже завалящего пятака, влез в трамвай и расселся на мягком сиденье, точно человек, купивший за один проезд шесть билетов. Вообще, как мы попали в этот город, я ни копейки не держал в руке. Езжу на трамваях, в троллейбусах, так сказать, в долг. Отдам, если когда-нибудь разбогатею. Чтоб кондукторши не разоблачили, встаю у окна и усиленно разглядываю людей на улице, будто кого-то ищу. Иногда они подходят ко мне:

– Мальчик, а кто возьмёт билет?

– Сейчас, – говорю и начинаю не спеша в карманах ковыряться. А карманов у меня дай боже! – двенадцать штук, пока я их все перерою, кондукторша теряет терпение, машет рукой и оставляет меня в покое.

Сегодня тоже всё сошло благополучно.

Сторож не пропустил меня за ворота детдома, сказал, что сам вызовет сестрёнок. Пошёл и вместо них привёл чёрную, как грачонок, Дильбар, тоже кокандскую.

– А где Зулейха? – спросил я, чувствуя недоброе.

– В больнице, – тихо ответила Дильбар. Выяснилось, что неделю тому назад маленькая Рабия тяжело заболела, ей очень плохо, часто теряет сознание. Зулейха сидит при ней. Она даже не смогла поговорить с девочками, когда те пришли их проведать, только плакала навзрыд, и всё...

– А далеко та больница? – нетерпеливо спросил я.

– На этой же улице. Я сама вас провожу, – сказала Дильбар.

Мы тотчас отправились в путь. «Ё товба, товба, – бормочу я сам себе. – Мало, что брат потерялся, теперь этого не хватало на мою голову. А вдруг... нет-нет, мы все будем живы-здоровы, пока папа не вернётся с войны...»

– Дильбар... – зову я, чтобы отвлечься от чёрных мыслей.

Девочка едва догоняет меня.

– Хороший у вас детдом? Или наш был лучше?

– Здесь лучше.

– А кормят как?

– Четыре раза. И ещё на экскурсии водят, бывают встречи с фронтовиками...

Дильбар очень хорошая девочка, Зулейха любит её. Рабия тоже сильно привязалась к ней, называет сестричкой.

– Дильбар...

– Да?

– Ты очень умная девочка...

– Так уж и умная...

– Да. Вот когда ты вырастешь... – Я нарочно замолкаю.

– Что будет, когда вырасту?

– Я женю на тебе Султана, – улыбнулся я. Дильбар заалелась, засмушалась, что-то пробормотала и бросилась бежать. Я кинулся следом.

На сей раз мне повезло. Было воскресенье – вход к больным свободный. Большие красные покосившиеся ворота широко распахнуты. Сад переполнен больными и пришедшими их навестить родными.

– Ака! – раздался откуда-то голос. Вздвогнув, я оглянулся. Наша Зулейха! Она быстро шла навстречу нам, держа Рабию на руках. На голове белый платок, одета в длинный больничный халат. Ни дать ни взять взрослая девушка. О боже, до чего она на маму похожа! Будто мама и не умерла и сейчас вот бежит ко мне навстречу! Только молодая...

Когда между нами осталось несколько шагов, лицо Зулейхи вдруг сморщилось, из глаз

брызнули слёзы.

– Не надо, брось ты, – проговорил я.

– Почему вы не приходили к нам?

– Я не знал, что вы в больницу попали.

– Рабия чуть не умерла.

– Ей теперь лучше?

– Ночью температура спала и она открыла глаза. – Зулейха сглотнула, смахнула ладонью слёзы. – Всю ночь она плакала, всё вас звала: «Ака, когда придёте, ака?»

– Дай её мне, – я взял сестру на руки, и – поверите ли? – всё у меня внутри перевернулось. Девчонка, которой вот-вот исполнится три годика, была легка, как шестимесячный ребёнок. До того похудела. Лицо жёлтое, шея тонюсенькая, на лбу морщиночки...

Мы присели на свободную скамейку, долго сидели, молча вздыхая. Дильбар чертила носком ботинка на земле, видно, вспоминала мою давешнюю шутку: глянет на меня искоса и улыбнётся, таинственно так. Зулейха смотрит на группу людей, которые что-то едят, не то дыню, не то виноград.

– Как там Султан? – поинтересовалась она.

– Ничего, – сказал я с деланным равнодушием, чтоб сестрёнка не узнала о его пропаже.

– А Усман? Опять небось похудел?

– Нет, он неплохо выглядит.

– Аман всё плачет?

– Он всё ещё верит, что тётя Русская скоро приедет и заберёт его.

– Ака... – сказала Зулейха виноватым голосом, – вы не принесёте что-нибудь поесть?

– Что тебе хочется?

– Хоть что... Всем что-нибудь тащат, глядеть не могу, как они едят... Рабия утром дыньки просила, потом ей захотелось персиков...

Рабия, оказывается, давно не спит, глядит на меня. Заметив, что я смотрю на неё, она тихо прошептала:

– Брат пришёл... брат...

Я ласково поцеловал её в щёчки, в потный лобик, она крепко обхватила ручонками мою шею.

– Ака, вы принесли мне винограду?

– Сейчас принесу. Тебе винограду хочется?

– И персиков принесите. Вот столько. – Рабия растопырила тоненькие пальчики.

– Хорошо, вот столько принесу! – Я тоже растопырил пальцы. Рабия до того обрадовалась, будто уже вдоволь наелась персиков, как-то свысока поглядела на Зулейху, знай, мол, наших.

Я молча поднялся со скамейки, вручил Рабию девочкам и направился к воротам. Сейчас же принесу сестрёнке кучу сладостей, и винограду, и персиков...

На толкучке

Только выйдя на улицу, я вспомнил, что в кармане у меня нет даже позеленевшего пятака. «Эх, дурак я, дурак, бегу, словно на базаре всё приготовили для меня, так и ждут, что я приду и заберу! Как бы не так. Что ж делать? Не у кого подзанять немного денег. Ни знакомых в этом городе, ни родных. Все чужие. Быть может, продать одежду? Вот это идея! Дни стоят жаркие, можно обойтись и без рубахи. Главное, обрадовать сестрёнку. Ей сейчас ох как нужно побольше есть винограду, дынь... Побыстрее встанет на ноги. Однако нет, рубаху продавать нельзя. У меня нет майки, а ходить по пояс гольшом неприлично. Штаны тоже не продашь. Лучше всего, конечно, сплавить ботинки. Спокойно обойдусь без них, потому что я привычный. В кишлаке с весны до поздней осени ходил босиком».

Базар был в самом разгаре. Столько народу, что ни вперёд, ни назад не протолкнуться. Я снял свои ботинки, обтёр подолом рубахи, связал шнурки, закинул за плечо. Выбрал местечко попросторнее, стал, слегка приподняв плечо, чтоб получше был виден товар. Базар шумит, бурлит, тысячи людей заняты покупкой или продажей. Девочка чуть побольше Рабии требует от отца купить маленькие ичиги. Паренёк моего возраста расхваливает айран, черпает его ковшом и льёт узкой полоской обратно в ведро:

Это жизни начало.

Не пей что попало,

А только айран, айран, айран!

Жарко, я давно мучаюсь жаждой. Подошёл к пареньку, попросил тихонько:

– Дай стаканчик.

– Гони денежки, – протянул ладонь айранщик. Я порылся в карманах, будто бы ища деньги.

– А если рассчитаюсь после войны? – осторожно поинтересовался я.

– И айрану попьёшь после войны, – ответил паренёк и пошёл опять орать во всё горло.

– Очень нужен мне твой тухлый айран! – пробурчал я, возвращаясь на своё место. Где ж интересно, пропадает мой покупатель? Может, плохо виден товар? Я поднял ботинки над головой, простоял с полчаса – никакого толку.

– Дядя, вам ботинки не нужны? – схватил я за рукав человека, который присматривался ко всякому старью.

– Они у тебя сношенные, – сморщился человек.

– Они только на вид такие, – заговорил я поспешно. – Вот посмотрите, какая подошва, звенит, слышите?!

– А они не ворованные?

– Свои, ей-богу... хочу сестрёнке в больницу дыню принести.

– Но мне нужны побольше размером, дружок.

– Они только кажутся маленькими, на любую ногу налезут, посмотрите, дяденька!

– Не подойдут, дружок.

Вижу, уйдёт мой покупатель, ни с чем останусь. Я повис на его руке:

– Ну, дяденька, прошу вас!..

– Пошёл вон, шпана! – вырвался человек. «Ну и оставайся без ботинок, несчастный», – подумал я и опять принялся ждать. Попробовал даже на манер айранщика расхваливать в голос свой товар:

Это жизни начало.
Без ботинок счастья мало –
Коль нужны ботинки вам,
Я недорого продам.

Бесполезно. Солнце пошло на убыль, народ рассосался, на широкой площади остался почти я один. Ноги устали, во рту пересохло.

Я обул свои несчастные ботинки, пошёл с базара. Что же делать? Воровать? Попрошайничать? Нет, не годится.

Навстречу мне попался старец с большим мешком за плечом, в руке громаднейший чемодан. Идёт, стонет, едва передвигает дрожащие ноги. Меня осенило. Подбежал, взялся за чемодан:

– Дедушка, дайте помогу донести.

– Убери руку, – попросил старик, задыхаясь.

– Не отказывайтесь, дедушка, я много не возьму за труд.

– Сам я нанятый, понял? Убери руку. Я остался стоять на месте, как столб. На скамейке невдалеке какой-то парень читал газету. Одет франтовато, на ногах туфли сверкают что солнце, чубчик аккуратно расчёсан. Сразу видно, богатый человек. Я несмело приблизился к нему.

– Дядя, вы не дадите мне немного денег?

– Денег? А зачем вам деньги, молодой человек?

– Нужны.

– И сколько вы хотите?

– Сколько дадите... – обрадовался я, сам не веря в свою удачу.

– Тысячи рублей хватит?

– Да что вы... – неудобно стало мне. – Это очень много.

– А если пятьсот?

– Ладно, я вам их верну, когда отец вернётся. Обязательно верну, – я протянул было руку, как щёголь вдруг заорал:

– Не подходи! Нету денег!

– Дяденька...

– Пошёл вон!

Нет, никуда я не уйду. У такого франта, туфли которого блестят ярче самого солнца, не

может не быть денег. Вот они, деньги, аж карман оттопырили... Я должен из него как угодно выманить немного денег.

– Дядя, хотите афанди послушать? – оживился я.

– Что ещё за афанди?

– Ну такие, смешные.

– Ладно. Только стой там подальше. – Щёголь сложил газету, положил на колени.

– Пошёл однажды афанди... – начал я поспешно, боясь, что парень раздумает слушать, и осекся. Бывает же так: в этот миг я не мог вспомнить ни один анекдот. Я стал лихорадочно рыться в памяти. Слава богу, вспомнил: – Шёл однажды афанди по улице и нашёл зеркало. Взглянул в него, увидел себя: «Извините, я не знал, что это ваше зеркало!» – бросил находку и пошёл восвояси.

– И всё? – поморщился щёголь.

– Хотите, ещё расскажу?

– Давай.

– Афанди залез однажды в чей-то сад и попался. Хозяин у него спрашивает, как он здесь оказался. А Ходжа Насреддин вместо ответа кричит, почему тот не купил своей жене галоши. Хозяин удивился, говорит: «Ты чего это, я об одном, а ты о другом». – «В том-то и дело, – отвечает афанди, – только начни, а о чём спросить всегда найдётся».

Щёголь не засмеялся, даже не улыбнулся. Огляделся по сторонам, собрался вставать, но я поспешно начал другой анекдот, не давая ему уйти:

– Совершил как-то афанди преступление, падишах велел его повесить. Перед повешением у Ходжи спросили, какое у него последнее желание, обещали выполнить. «Повесьте меня через живот», – попросил афанди. Палачи удивились, спрашивают, почему через живот. Мол, шея не любит щекотки, отвечает Ходжа.

– И это всё? – встал щёголь с места, взяв газету.

– А денег не дадите? – пошёл я за ним.

– Каких ещё денег?

– Вы же обещали...

– Ах, вот как! На! – И щёголь бросил к моим ногам пятикопеечную монету. Пять копеек! А одна дыня стоит самое меньшее десять рублей! Чтобы купить одну дыньку, нужно собрать ещё двести таких потёртых монет... Что он мне подал, когда у самого карманы полны денег? Не нуждаюсь я в твоей подачке, понял, умру – не возьму!..

Я еле сдерживался, чтоб не разрыдаться. Поднял с земли медяк и изо всей силы швырнул его вслед за щёголем, и – надо же! – пятак звезданул его по уху!

– Держи шпану! – заорал щёголь, но меня уже и след простыл.

Не сажайте меня, дяденька!

Избавившись от погони, я пошёл в овощной рынок. Как угодно, а я должен раздобыть дыню или несколько кистей винограда, сестрёнки мои, наверно, стоят возле красных ворот, глядя на дорогу, ждут, когда я покажусь. Умру, но раздобуду, это уж точно. Что я, так уж и стану вором, если стащу одну несчастную дыньку? Как вспомню бедняжку Рабию, прямо сердце разрывается... Увидев дыню, знаю, она скажет: «Это мне?» Потом я протяну ей виноград. «И это мне?» – спросит моя маленькая. Глядя на её радость, и Зулейхе станет легче, она поймёт, что не одна на свете, что у неё есть брат, который заботится о них.

Базар до краёв переполнен дынями и арбузами, разными фруктами. Чувствуется конец дня – торговля в самом разгаре.

Я бродил по дынному ряду, не зная, что предпринять, как вдруг услышал крики:

– Держи, держи вора!

Мимо меня пронеслись два паренька, прижимая к груди по дыне. Пожилая женщина, торгующая дынями, не решалась оставить свой товар, чтоб преследовать похитителей, и потому с места взывала истошным криком:

– Ах, мусульмане, хватайте же их, мусульмане, хватайте!

Поскольку мусульмане не спешили кого-либо хватать, да и не знали вроде, кого именно, женщина приподняла подол и припустилась за ворами. Большая куча дынь осталась без присмотра. Она манила меня, призывала к себе: бери сколько хочешь, какую хочешь. Взять или не взять? Я решился, схватил одну, но дыня эта показалась мне большой раскалённой головнёй – я швырнул её обратно в кучу. Но почему я, дурак, убегаю? Я же не взял ничего!

За мучным рядом я остановился, перевёл дух. С чего бы это, дрожу весь, точно из ледяной воды вылез. Вот-вот брызнут слёзы. Нет, нельзя так распускаться. Ведь ничего страшного не случилось... вот скоро вернётся отец, мы дадим нищим подаяние, искупим свой грех...

Базар переполнен спелыми-преспелыми виноградом, персиками, яблоками, сливами.

– Тётенька, – обратился я к женщине в парандже, – дайте гроздь винограду.

Женщина взглянула на меня, потом на ведро, полное винограда, оторвала кисточку, протянула мне. На кисточке было три виноградины. Представляете, три виноградины! Да ещё какие? Раздавленные, расплюснутые! На кой мне такие сдались?..

– Я у вас просил гроздь, а не кисточку, поняли? – обозлился я почему-то, швырнул кисточку в ведро.

– О-о, да мы, оказывается, ещё с претензиями?! – воскликнула женщина, поближе придвинула к себе ведро, что-то прошептала на ухо соседке. Та испуганно ощупала свои карманы, оглянулась по сторонам...

Чуть поодаль торговали глубокий старец и паренёк старше меня года на два. Паренёк возился с весами. «Возьму у старика, – решил я, – пока он очухается, заковыляет за мной, я буду далеко». А вот и подходящий момент: старик отвернулся, высматривая, куда бы выплюнуть насвай⁴². Я подхватил ведро – оно было лёгкое, старик, видать, почти весь виноград распродал – рванул куда глаза глядят. Лечу, перепрыгивая через какие-то мешки, корзины, огибаю людей, раскинувших руки, чтобы поймать меня. За теми пацанами, что своровали дыню, никто не гнался, а за мной в погоню бросился вроде весь базар.

– Держи вора!

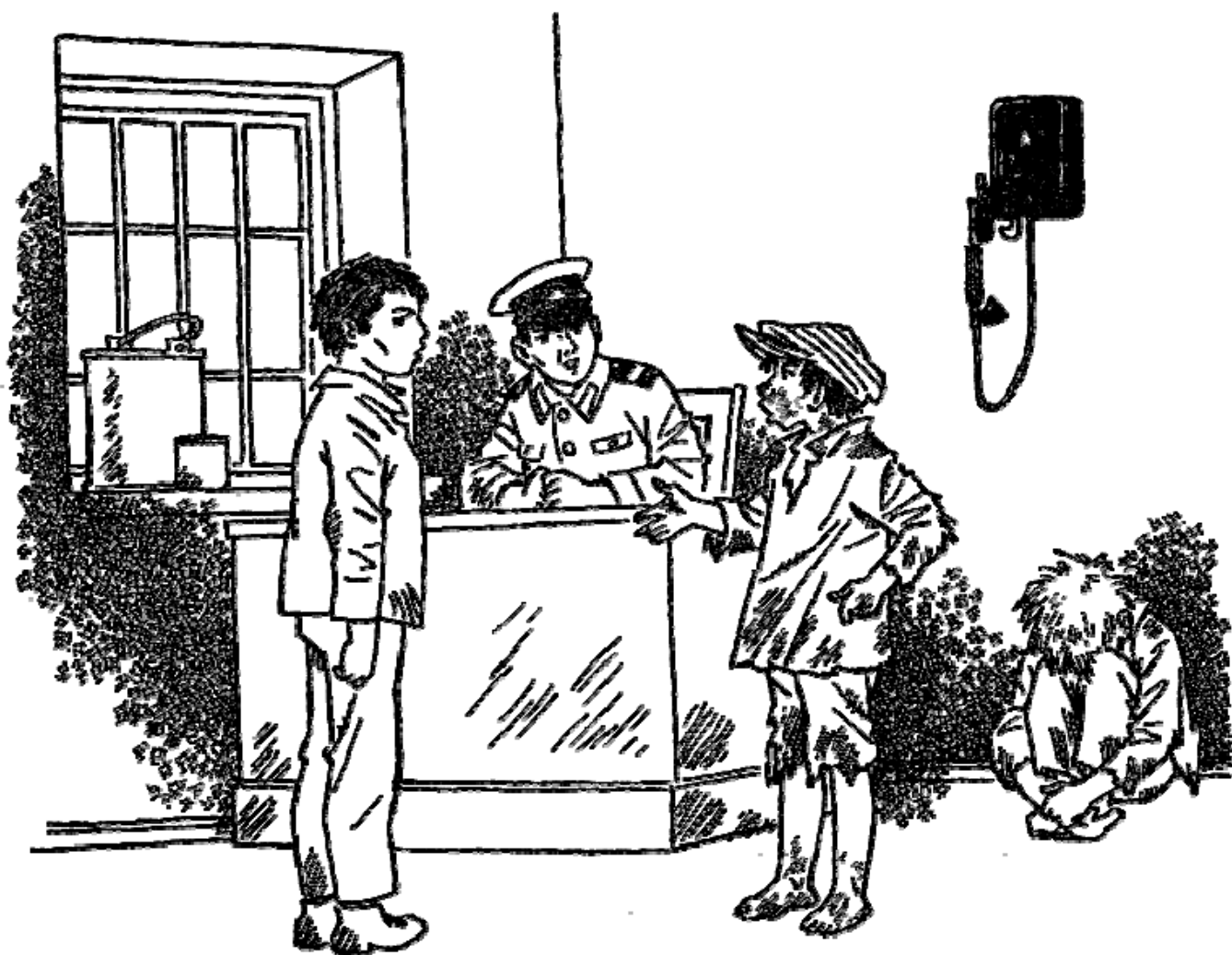
– Хватай шпану!

Куда бежать, где спрятаться? И слева, и справа, и сзади, и спереди – кругом люди. Я кинулся назад, сбил с ног того паренька, соседа старца, по пятам преследовавшего меня. Я запыхался, сердце готово выскочить из груди. Может, бросить ведро? Нет, ни за что!

Чуррр! – заверещал милицейский свисток. Я оглянулся, чтобы определить, откуда свистят, но тут чья-то могучая рука взяла меня за шиворот... Я очутился перед высоким худощавым милиционером с крупным удлинённым лицом.

– Проклятый, не мог попросить по-хорошему, коли винограду захотел?! – воскликнул старик, бросая под язык насвай. – Я б тебе и так дал.

⁴² Насвай, нас – особо приготовленный табак, который кладут под язык.

Старик сунул мне в руку гроздь битого винограда, собрался уходить, подхватив ведро, но его остановил милиционер.

– Стойте, не уходите. Вы должны подписать акт.

Милиционер заставил меня взять ведро и, держа за плечо, точно беркут зайчонка, повёл в свою контору. Мы вошли в маленькую комнатку, единственное окошко которой было забрано решёткой. Милиционер что-то начеркал на листке бумаги, дал подписать старцу и тому пареньку, которого я сбил с ног. Уходя, старик обратился к милиционеру:

– Отпустите вы бедного мальчика, сынок. Он больше не будет.

– Дело не в винограде, – хмуро ответил милиционер. – Правительство дало приказ переловить всех таких вот беспризорников.

Только теперь я заметил, что в уголке забились ещё два пацана. Один был босой, короткие штаны превратились в лохмотья, лицо такое грязное, словно от самого рождения хозяина не знало воды. На голове блином сидела огромная, видно отцовская, полосатая кепка с длинным козырьком. Другой мальчик спал, сидя на полу, положив голову на колени. Не узнать, узбек ли, русский, разросшиеся рыжие волосы закрыли лицо.

– Как тебя зовут? – спросил милиционер.

– Арифджан.

– Прозвище имеешь?

– Да, Многодетный.

– Зафар! – повернулся милиционер в угол. Мальчик в кепке с готовностью вскочил на

ноги. – Ты этого знаешь?

Зафар пристально всмотрелся в меня.

– Да, – кивнул головой.

– Знаешь, из чьей он шайки?

– Знаю, – шагнул в мою сторону Зафар. – Он из шайки Сороки. Фруктами промышляют. По карманам лазить трусят, драться не умеют. Щенки, одним словом.

Милиционер поглядел на меня, потом на Зафара.

– Хочешь попить? – подошёл к окну, зачерпнул кружкой без ручки воды из ведра, стоявшего на подоконнике.

– Хочу, – сказал я, хотя не до воды было мне.

Когда я напился, милиционер вернулся на место, опять принялся писать:

– Родители есть?

– Нет. Отец на фронте. На 2-м Украинском.

– А мать?

– Погибла.

– Один, значит?

Сказать, что есть у меня сестрёнки? Тогда ведь милиционер может пойти к ним и рассказать о том, что я сотворил. Ославлюсь как вор перед своими младшенькими, которых мне было поручено беречь как зеницу ока.

– Нет, – сказал я, – никого у меня нет. Был братишка, Султан Мирзаев, так он без вести пропал. Он вам не встречался? – О Султানে я мог спрашивать, потому что, найдись Султан, его таким поступком не удивишь.

– Нет, не встречался, – ответил милиционер, подумав.

– Он потерялся. Пятнадцать дней уже. Дядя, я вас очень прошу, отпустите меня. Я должен его найти. С ним мы и остались вдвоём на всём белом свете. А украл я всего один раз. Вот это самое ведро с виноградом. Смотрите, уже темнеет, отпустите меня, пока не поздно. А то я заблужусь. Я ведь приезжий. Если хотите, могу анекдот рассказать.

– Анекдот, говоришь? Ну-ка послушаем... – Милиционер перестал писать, уставился на меня.

– Однажды сосед говорит Ходже Насреддину: «Всё ли у вас в порядке, а то утром слышал, будто что-то упало с грохотом». – «Это мой халат упал», – отвечает афанди. «Но разве может халат упасть с таким грохотом?» – удивился сосед. «Так в халате был я сам», – ответил Ходжа Насреддин.

– Ха-ха-ха! – засмеялся милиционер. – Чудак он, твой Насреддин.

– Хотите ещё? – обрадовался я.

– Ну-ка, ну-ка? – подвинулся со стулом вместе ко мне милиционер.

– Как-то собираясь на базар, афанди всё высчитывал, что он там купит да сколько. «Нельзя так, – говорит ему жена, – добавляйте: «Если бог даст», а то не повезёт». – «Даст бог или не даст – всё равно куплю», – заявил Насреддин. Вот пришёл он на базар, а у него денежки-то тютю, стащили. Вернулся Ходжа домой ни с чем, стучится в дверь. Жена кричит: «Кто там?» – «Бог даст, твой муж», – отвечает Насреддин.

Странно, на сей раз милиционер даже не улыбнулся. Наоборот, по лицу его пробежали чёрные тени. Тяжело подошёл ко мне, поднял мою голову за подбородок ладонью широкой, как лезвие кетменя моего отца, и проговорил печально:

– Да, сынок, парень-то ты, видать, неплохой, да соскользнул уже на плохую дорожку. Таким мы обязаны вовремя помочь. Потому я не могу, сынок, отпустить тебя...

Часть третья НАШИ МЫТАРСТВА

В детколонии

Через неделю меня отправили вместе с разной шпаной в детскую колонию, расположенную за городом. Занимала она площадь примерно в пятьдесят гектаров. Здесь было много ребят, похожих на меня, но ещё больше командиров с повязкой на рукаве, пухленьких женщин в белых халатах, вечно хмурых начальников, которые каждый разговор начинали со слов: «Вы должны...», «Вы обязаны...».

Как только привезли, нас тотчас погнали в баню, потом наголо обрили, дали грубые ботинки с высокими голенищами, на резиновой подошве, мешковатый трикотажный костюм. Здесь пятьдесят отрядов. У каждого отряда свой командир, свой барак. Члены отряда все вместе, строем ходят и в столовую, и на работу, и с работы.

Воспитанники детколонии изготавливают столы и стулья, картонные коробки для обуви, большие и маленькие деревянные ящики, вяют верёвки, короче, цехов столько, что и не перечить.

Отряды соревнуются с отрядами, а члены отрядов – между собой. Победители в соревновании за отличную учёбу, хорошую работу и примерное поведение обедают в специально отведённой столовой. Иногда их всех сажают в машину «студебеккер», у которой десять колёс, и везут на экскурсию в город или в горы. Тот, кто в течение всего года держит первенство, получает свободу. Хочет – уезжает домой, не хочет – остаётся в колонии: учится, работает. На волю выходит когда вздумается.

Закончив эти объяснения, наш командир Гого вскинул голову: «Всё понятно?»

Трудно понять, кто он по национальности, узбек или русский. Он говорит то по-узбекски, то по-русски.

Всё тело его разрисовано: и руки, и грудь, и спина, и ноги. Тут тебе и парящий орёл, и свернувшаяся в клубок змея, и парень, замахнувшийся кинжалом, и даже паровоз с дымящей трубой.

– Если кто будет замечен с папиросой, получит сутки гауптвахты, понятно? – продолжал Гого.

– Понятно, – хором подтвердили мы, новички детколони.

– Кто украдёт что-нибудь у товарищей – трое суток, ясно?

– Ясно.

– А теперь шагом арш!

Место нашей работы находилось за баней. Здесь, на пустыре, мы должны были вытаскивать гвозди из разбитых ящиков. Заготовим кубометр досок, вот и наша дневная норма.

Схватили мы щипцы и молотки, включились в работу.

– Эй, Многодетный! – донеслось до меня вдруг. Я вздрогнул, поднял голову: кто мог меня позвать? Вокруг никого. Наверное, слышалось, решил я и опять принялся вытаскивать из досок гвозди.

– Ариф!

Оглядываюсь... и застываю истуканом. Передо мной стоит...

– Шермат! – заорал я что есть мочи.

– Это ты, Ариф?

– Ты ли это, дружище?! – Мы бросились с Шерматом обниматься. Мои товарищи стояли с разинутыми ртами.

– Товарищ командир, – обратился Куршермат к Гого, когда мы немного успокоились, – вот земляка своего встретил. Разрешите ему отлучиться на пять минут побеседовать.

– Даю вам час, – сказал Гого. – Идите куда-нибудь в сторонку. Если хотите, можете даже облизать друг друга.

Мы подошли к старой яблоне, готовой вот-вот свалиться. Куршермат бросил на землю моток верёвки, опустился на него, пригласил меня:

– Садись, брат. Ты как сюда попал?

– Соскучился по вас, – улыбнулся я. – Где Ислам Курбаши?

– Вечером увидишь... Давай рассказывай.

– Что рассказывать?

– Как там в детдоме?

– Наш детдом распустили.

– А Мария Павловна?

– А что Мария Павловна! И плакала и ругалась... Пятнадцать дней по разным учреждениям бегала... а толку никакого. Под конец привезла нас в Ташкент, сдала с рук на руки и уехала, вся в слезах.

– Всех в Ташкент привезли?

– Нет, только тридцать человек. Остальные в Коканде.

– А Карабай, Самовар?

– Они в Ташкенте, в железнодорожном училище.

– А ты сам как сюда попал?

– Виноград украл.

– И это ты-то? Ну и ну!.. Знаешь, Многодетный, это хорошо, что ты попал сюда. – И

Куршермат принялся так расхваливать детколонию, что можно было подумать – он за это деньги получает. По его словам выходило, что детколония эта в тысячу раз лучше любого детдома в мире, а ребята тут какие! Не ребята, а богатыри! Если дерутся, то по-настоящему, по-мужски, а коли запоют марш «Шагай вперёд, шагай!», земля и небо содрогаются...

Однако Куршермат враз расстроился, когда я рассказал ему, что Султан пропал без вести, а самая младшенькая лежит в больнице. Он долго сидел молча, уставившись в одну точку, потом вдруг встрепенулся:

– Небось сердце ноет, как посыпанное солью, а?

– Да, – кивнул я, едва сдерживая слёзы.

– Не расстраивайся. Увидимся вечером с Курбаши, решим, как быть. Тебе бежать надо отсюда, вот что.

– Что-о ты! – кинул я испуганный взгляд на Гого.

– Не бойся, – сказал Шермат. – Ты убежишь дней на десять – пятнадцать, и всего-то дел. Соберёшь всех своих братьев и сестёр, отвезёшь в кишлак и вернёшься обратно. А не вернёшься – тоже плакать не будут. Здесь ведь совсем неплохо. Но вот в чём беда... Разбредутся твои по миру – пиши тогда пропало. Есть у нас мальчишка по имени Данко. До войны их было семеро братьев и сестёр, а сейчас один остался как перст...

– Эй, ваше время истекло! – крикнул Гого и по-командирски засвистел в свисток. – Мирзаев, займи рабочее место!

Вечером я встретился со своими старыми друзьями. И вот что насоветовали Ислам с Шерматом: мне сейчас надо работать за десятерых, выбиться в передовики, трижды попасть на красную доску, заслужить благодарность на линейке. После этого мне дадут увольнительную в город. Выйду я на свободу, а там поминай как звали.

– А если попадусь? – засомневался я.

– Говорят же тебе, не бойся, – подбодрил Куршермат. – Если разобраться, никому ты тут не нужен. Мы с Исламом соберём тебе немного денег. Доберётесь как-нибудь до Коканда, а там легче будет. Правильно я говорю, Ислам?

– Конечно, – согласился Курбаши. – Мы продадим немного верёвок. Вон люди каждый день через щели в заборе пристают, говорят, продайте верёвок. И даже деньги суют.

С того дня меня будто подменили. К тому же здорово, оказывается, соскучился я по работе. По три нормы выполняю в день, и поведение наипримернейшее, и учёба хорошая, но прошло уже почти два месяца, а ничего из того, что наобещал Шермат, не случилось. Имя моё на красной доске не написали, на линейке не хвалили. В воспитательный час ни о чём другом не говорят, кроме как о положении на фронтах...

Последнее время я до того часто вспоминал своих младшеньких, просто сил нет. Как лягу в постель, закрою глаза, передо мной появляется мама.

– Почему ты бросил наш дом? Почему погас огонь в нашем очаге? – вопрошает она укоризненно.

Просыпаюсь весь в поту, оглядываюсь вокруг – никого. Все сладко спят. Ложусь на правый бок – тут как тут отец.

– Султан в реке утонул, почему ты допустил это?! – говорит он.

– Султан, братик мой! – просыпаюсь с криком.

В один из таких дней, когда я не знал, куда от тоски деться, нас послали на картошку. Шермат, Ислам и я попали в одну бригаду.

– Самый раз смываться, – шепнул мне Шермат. – Я с тобой.

– Зачем тебе бежать? – удивился я.

– Я вернусь, когда посажу вас в поезд.

У Ислама были с собой деньги. Сто пятьдесят рублей. Он вручил их мне, попросил, чтоб я проведаль его старую тётушку в Айымкишлаке, отвернулся. На глаза Ислама навернулись слёзы.

Помощь Шермата

Примерно полчаса шли мы с Шерматом по яблоневому саду, потом вышли на запылённую дорогу, ведущую в город. Прицепились сзади к арбе, что везла кукурузные початки, и добрались до Ташкента. Время близилось к вечеру. У ворот детдома я попросил вахтёра вызвать Зулейху.

– Ты её брат, что ли? – уставился на меня старик.

– Да, брат.

– Да чтоб ты сдох, такой брат! – накинулся на меня вахтёр. – Два месяца твоя сестрёнка на дорогу глядит, тебя ждёт, а ты где пропадаешь, несчастный? Извелась ведь бедная девчонка!

– Я был на практике, – соврал я, боясь сказать правду.

– На практике! Ещё врать умеет! – старик, ругаясь, как вздорная старуха, исчез за воротами и вскоре вернулся с моими сестрёнками.

Не совру, если скажу, что целый час убили мы, пока толком слово вымолвили. Раскроем рот, и тут же слёзы сами собой набегают. Плачем и плачем. Сестрёнки мои давно знали, и куда я попал, и что Султан исчез. Всё это сообщили им Самовар с Карабаем, которые не забывали хоть изредка навещать девочек. Что самое плохое, наших, детдомовских, девочек здесь осталось всего трое: Зулейха с Рабиёй да Дильбар (помните, я ещё пообещал сосватать её Султану?). Многих удочерили добрые люди, а татарочку и Хакиму забрали родственники.

– Акаджан, давайте мы тоже уйдём отсюда, – просила Зулейха сквозь слёзы. – У нас ведь есть Парпи-бобо и тётушка Тухта, ну, пожалуйста!

– А где Дильбар? – поинтересовался вдруг Шермат.

– Она спит.

– Иди зови её, уходим! – приказал Куршермат.

Когда и Дильбар оказалась на улице, мы упросили вахтёра отпустить нас прогуляться по городу. Старик не отказал нам, наоборот, хотел всучить рубль, чтоб мы на обратном пути купили ему насвая.

– Не надо, – заявил Шермат, – у нас деньги есть.

В мальчишеском детдоме чуть всё дело не провалилось. Тот самый директор, Старец джигит, с газетой в руке стоял у карты военных действий, помечал флажками только что освобождённые города и сёла. Он даже не обернулся к нам, пока не кончил своё занятие, потом снял очки и авторитетно заявил:

– Не пройдёт и шести месяцев, все наши города и сёла будут освобождены. Так, что у вас, молодые люди?

– Пришли повидаться с братьями.

– Как их зовут?

– Усман и Аман Мирзаевы.

– А-а, кокандские... ну-ка, ну-ка, садитесь.

– Нет, мы постоим.

– Кому говорят сесть? – сказал директор таким тоном, что мы с Шерматом поспешно опустили на стулья.

– Есть хотите?

– Мы сыты.

– Неправда, по глазам вижу, что голодны, – выбежал из кабинета и через минуту вернулся с

подносом в руках, на котором лежали четыре пирожка и стояли две кружки с молоком. – Ну-ка уничтожить всё это! Вот так, молодцы. Ну, совсем другое дело... Приятель тоже кокандский? – кивнул директор на Куршермата.

– Да.

– Где вы сейчас обитаете?

– В железнодорожном училище.

– А почему на вас форма детколони?

– Вчера только поменялись с ребятами, – нашёлся я. У меня чуть не выплеснулось из кружки всё молоко. Шермат побледнел как полотно.

Директор не спеша поведал нам о своих заботах и бедах. В последнее время в детдом ежедневно поступало человек пятнадцать, а детдом, понятное дело, не резиновый. Негде стало размещать ребятшек. Дирекция была вынуждена искать выход из положения: часть детей отдала на воспитание в хорошие семьи.

Усмана с Аманом усыновила учительница. Их брат, то есть я, оказывается, не имеет права беспокоить малышкой да и уважаемую учительницу тоже. Не то он, директор, долго думать не будет, а возьмёт да оторвёт кокандцу, то есть мне, голову.

Выйдя во двор, мы разузнали адрес моих братишек и напрямиком направились в дом уважаемой учительницы. К счастью, она жила недалеко, всего лишь в часе ходьбы от детдома. И вот я тихонько отворяю зелёную калитку, заглядываю во двор. Под навесом в жестяном корыте сидит весь намыленный Аман. И конечно, ничего не видит. Усман лежит на сури, листает большую книжку с рисунками. Когда я его тихонько окликнул, мне показалось, что он взлетел над сури, навстречу мне. Подбежал к нам и стоит, озирается, не зная, к кому на грудь броситься. Выскочил из корыта и Аман, голенький, как есть, брызгая мыльной пеной:

– Акаджан!

Подробно расспрашивать о житье-бытье, сами понимаете, время не позволяло. А когда я спросил их: «Хотите домой или нет?» – они запрыгали, завопили, что хотят. Я наскоро нацарапал уважаемой учительнице записку, где благодарил её за доброту, обещал возратить долг, когда вернётся отец, просил не обижаться, что увёл братишек. Потом мы всей толпой припустились к вокзалу.

С билетами дело обстояло неважно. Мы видели людей, которые стояли за билетами вот уже неделю, даже десять дней.

Придётся ехать зайцем: другого выхода не было. Нечего расстраиваться, успокоил нас Куршермат.

– С начала войны тамбуры, крыши всех поездов в распоряжении беспризорников, – заявил он. – Это их дом родной. Так что езжайте, не стесняйтесь.

Когда мы все протиснулись в тамбур кокандского поезда, Шермат окликнул меня:

– Послушай, Многодетный. Ты вернёшься назад?

– Не знаю.

– Но ты обязательно напиши. Ты тоже, Дильбар, ладно?

Паровоз вскричал несколько раз, состав тихонечко тронулся. Куршермат пошёл рядом, давая последние наставления:

– Вы никого не бойтесь! Если поймают ревизор, скажите, что отец на фронте, а маму задавил трактор!

– Ладно, скажем! – кричим мы в ответ.

– Если нужно будет, плачьте все вместе, хором!

– Ладно!

– На, Многодетный, возьми мой пиджак. Когда вечером похолодает, завернёшь сестрёнку.

– Спасибо.

– Увидите Марию Павловну, – Шермат уже бежал, чтобы не отстать от поезда, – передайте привет!..

Он ещё что-то кричал, но мы не слышали. Поезд набирал скорость. Мы не смогли даже помахать ему рукой. Так было тесно в тамбуре.

Тридцать рублей дяди милиционера

Мы проехали одну станцию, остановились. Поезд тотчас окружило множество милиционеров и людей с красными повязками на рукаве. Всех безбилетных детей, ехавших в тамбуре, в вагоне или на крыше, они выводили из поезда. Визг, крики, плач. Вопросов, куда едешь, зачем, никто не задаёт. Всего лишь: «Покажи билет!» – «Нету» – «Ну-ка марш со мной!»

Путешествовавших без билета ребят, вроде нас, набралось около тридцати. Всех заперли в узкую, длинную комнату при вокзале, похожую на вагон трамвая. Большинство пленников, выяснилось, были карманниками, хулиганами. Они кричали, свистели, колотили в окна и двери – мои младшенькие чуть с ума не сошли от страха.

Два парня с повязками на руках провели нас в милицейскую комнату. Начальником оказался молодой человек с расстёгнутым воротом гимнастёрки, рукава закатаны до локтей, точно приготовился к драке.

– Ну, молодые граждане, – оглядел он всех нас с головы до ног, остановил взгляд на мне. – Ты, видать, старший? Как зовут?

– Арифджан.

– Фамилия?

– Мирзаев.

– Куда вы ехали?

– Никуда. Мы уже доехали.

– Ах, так вы из Ковунчи? Зачем ездили в город?

Терять мне нечего, буду врать, что придётся, решил я. Будь что будет.

– Маму ездили проведать.

– Постой, постой... – Дядя милиционер подался вперёд, разглядывая меня. – Ты не Мирзы-аки сын?

– А чей же ещё?

– Вот тебе на! А ты меня не узнал?

– Нет... хотя кого-то напоминаете...

– До войны я у вас частенько бывал.

– К нам многие ходили...

– Что верно, то верно. Для гостей ваши двери всегда были открыты. Как себя чувствует мама?

Значит, так: этот человек или принимает нас за кого-то другого, или подыгрывает мне. «Игру надо поддержать, – решил я. – Авось повезёт».

– Неплохо, – суксился я. «Надо бы заплакать», – мелькнуло в голове.

– Известно хоть, когда на ноги встанет?

– До скончания веков, говорят, не покинет постели.

– Не расстраивайся, Арифджан, – подбодрил меня дядя милиционер. – Это такая болезнь... сразу не излечивается... Алим, ты не узнал этих ребят?

– Нет, – покачал головой вошедший в комнату парень.

– Это дети Мирзы-аки. Помнишь, до войны работал председателем райисполкома?

Прекрасный человек, я у него три месяца в секретарях ходил. Сейчас он на фронте. Проводи ребят. Арифджан, деньги хоть есть у тебя? На тебе, тридцатки хватит?

– Хватит! – вскричал я.

Таким образом, детей бывшего председателя райисполкома со всеми предосторожностями перевели через железнодорожную линию, пожелали доброго пути и всяческих благ. Оставшись одни, мы от души посмеялись над своим приключением. Давно мы так не хохотали. Ещё совсем недавно мои младшенькие испуганно жались друг к дружке, как птенчики, попавшие в закрытую комнату, лица их посерели, точно помидоры, прихваченные морозом. А сейчас они разрумянились как розы, глаза сияли, будто вобрали в себя всю радость, какая только есть на свете. Эх, много ли человеку надо?!

Однако смех, весёлые вскрики, радость длились недолго, сверкнули, полыхнули, как молния на весеннем небе, исчезли... «Куда теперь идти?» – возник вопрос. Долго стояли мы в молчании, глядя друг на друга. На лицах наших были написаны страх, сомнение, растерянность. Как нам дальше быть? Может, поблизости есть чайхана, где удастся провести ночь, а завтра опять попытаться сесть в поезд? Нет, ни в чайхану, ни на вокзал соваться нечего. Сразу схватят. Одних отправят в детдом, других – в детколонию, и опять окажемся мы все врозь, когда с таким трудом собрались вместе.

– Зулейха, как нам дальше быть?

– Не знаю, ака...

– А ты что скажешь, Чернушка?

– Надо поскорее уходить отсюда, вот и всё.

– Усман, ты что предлагаешь?

– Пойдём пешочком.

– Ты в своём уме, это до Коканда-то пешочком?!

– А что тут такого? Рабию я возьму на руки.

Быстро опустилась темнота. На дороге обезлюдело. Хоть бы арба какая подвернулась или фургон, попроситься в пассажиры, – ничего нет. Будь что будет, решили мы разыскать чайхану.

Она находилась недалеко от милиции. В маленькой комнатке набилось человек сто, были здесь демобилизованные солдаты, мешочники, спящие в обнимку со своими пухлыми хурджинами. Пожилая женщина поит из стакана чаем четверых худеньких детишек, сбившихся в кучку, как напуганные цыплята. В углу обросшие дядьки рассуждают о войне...

На наше счастье, у самых дверей освободилось местечко. Я усадил своих, потом пошёл купил у чайханщика на милицейские деньги три лепёшки, горсточку конфет «печак», чайник чаю. Сидим ужинаем. Хромой чайханщик украдкой посматривает на нас. Уж не собирается ли он сдать нас милиции, забеспокоился я, но нет вроде, в глазах доброта светится, жалость... Я решился подойти к нему.

– Дядя, нельзя у вас переночевать? У нас деньги есть, заплатим.

– Откуда вы? – Чайханщик почему-то смотрел не на меня, а на моих младшеньких.

– Кокандские.

– Вас с поезда сняли?

– Да.

– Правительство издало приказ очистить поезда от беспризорников, мою чайхану тоже часто проверяют.

– Разрешите эту ночь провести у вас, дяденька, очень прошу.

– Тут рядышком милицейская контора, пойдя спроси разрешения. Разрешат переночевать, я вам атласные одеяла постелю, не пожалею.

К своим я вернулся, едва сдерживая слёзы. Рабия уснула на коленях Зулейхи с куском

лепёшки в руке. Аман ест, а у самого глаза слипаются, то и дело роняет голову. Чайханщик остановился над нами, держа в руках три чайника с латанными жёстью носиками. Оглядел нас жалостливо, покачал головой.

– Ну-ка топайте все за мной.

– Куда вы нас? – испуганно вскочил я на ноги.

– Я вам место покажу, где переночуете. А на рассвете чтоб вас тут не было. – Чайханщик почему-то ущипнул Усмана за нос. – Давайте, давайте пошевеливайтесь.

В тёмном и сыром, пропахшем мышами амбаре находилась сури со сломанной ножкой, там и постелил нам чайханщик несколько драных курпачи⁴³, под голову подложил скатанную шолчу⁴⁴, задул коптилку и ушёл, оставив нас в кромешной тьме.

Проснулся я оттого, что кто-то дёрнул меня за ногу. Надо мной возвышалась фигура чайханщика.

– Ну, дети, вставайте и двигайте отсюда поскорее, сейчас начнётся проверка.

Мы не заставили ждать. Мигом встали, собрались в дорогу. Чайханщик, не глядя в лицо, сунул мне вчерашние тридцать рублей.

– Держи, позавтракаете где-нибудь. На станцию не вздумайте соваться – сразу попадётесь. За ночь три машины детей отловили.

Надо ли говорить, как напугало нас это сообщение! Отойдя подальше от чайханы, мы опять начали совещаться. На станции так и так нам нечего появляться: наших несчастных денег не хватит даже на один билет, а нас сколько? И билетов не достать. Любой милиционер сразу сцапает нас без лишних разговоров. Может, лучше всем вернуться обратно, в Ташкент? А вдруг отец вернулся с войны, разыскивает своих детей, а дедушка Парпи и Тухта-хала льют по нас слёзы?..

– Будем пробираться домой, – твёрдо заявила Зулейха. – Вдоль линии и пойдём.

– А что будем есть по дороге?

– Как-нибудь доберёмся, если даже придётся побираться, – поддержала Зулейху Дильбар Чернушка.

– Не будете ныть да хныкать, что устали?

– Нет! – хором закричали все.

– Придётся спать прямо в поле, под открытым небом...

– Ну и что?!

– Мы можем нарваться на волков или стаю бешеных собак.

– Не испугаемся!

Прячась и озираясь, мы пробрались на рынок, купили на деньги, ссуженные Исламом и Куршерматом, старую кастрюлю, нож, четыре коробка спичек, соли, немного хлеба и тронулись в путь. Эх, где-то ты лежишь, далёкий желанный Коканд?!

Коль попадёшь на тот свет...

Идём вдоль железнодорожной линии. Идём-шагаем то по хорошо укатанному, прямому шоссе, то ныряем в колючие кустарники, продираемся через камышовые заросли. Травы, деревья золотистые. Иногда начинает казаться, что всё кругом пожелтело: и небо, и солнце, и земля, и птицы – всё-всё. Пожелтели лица моих спутников, да и сам я, наверное, жёлтый-прежёлтый, как перезрелая дыня.

⁴³ Курпача – стёганое ватное одеяло.

⁴⁴ Шолча – домотканый палас.

Нам неведомо, сколько мы уже прошли, неведомо, сколько ещё топтать. Желудки наши пусты, лица хмуры, ноги устали, перебираем ими, точно кого-то на кладбище провожаем. В наших маленьких сердцах боль и горечь...

Позавчера я выменял на Шерматов пиджак и свои ботинки с высокими голенищами четыре лепёшки и миску плохо засушенного изюма. Сегодня утром мы доели и лепёшки и изюм. В кастрюле ничего, кроме кипячёной воды.

Рабия у меня за плечами, я её завернул в пиджак, спит, посапывая, как котёнок, уснувший у тёпленького сандала. Аман плетётся рядом. Он ни на шаг не отходит от меня. Даже спит, крепко обхватив ручонками меня за шею.

Зулейха с Дильбар бодрятся, шагают впереди. Наше имущество они повесили на палку, концы которой покоятся на их плечах. Они о чём-то болтают без умолку, то и дело кого-то поругивая: «Чтоб он сдох, чтоб его аллах прибрал». Диву даёшься, как эти две Девчоночки любят друг дружку.

Усман похож на пастушонка, поздно вечером плетущегося за стадом, волочит за собой суковатую палку.

- Ака! – дёрнул меня за штаны Аман. – хлеба, я говорю!
- Нету же хлеба, Аман. Ты знаешь.
- Тогда давайте изюма.
- Изюм тоже кончился. Хочешь кипяточку, у нас ещё есть.
- Не хочу, у меня внутри и так всё гремит.

Аман растянулся прямо на земле, заявил, что и шагу не ступит, пока чего-нибудь не поест. Когда Аман упрётся, его упрямство можно сломить лишь куском хлеба или хорошей сказкой. Но, как вы знаете, хлеба у меня нет, а сказки все рассказаны-пересказаны.

– Будешь послушным мальчиком, я тебе новую сказку расскажу, – выручила меня тут Дильбар.

– Врёшь, – не поверил Аман. Передав Рабию Зулейхе, я усадил Амана на плечи, тронулись. Дильбар начала сказку:

– В некотором царстве, в некотором государстве жил-был жадный бай. И был в доме у того бая старый-престарый вол, до того стар, что с места уже подняться не мог. Вывел однажды злой бай вола на улицу и говорит: «Работать ты не можешь, мясо твоё твёрдое, как дерево, – на пищу не годится, чего мне зря кормить тебя?!» Побил бедное животное палкой и прогнал прочь. Пошёл вол куда глаза глядят, печальный, не знает, куда приткнётся, как будет кормиться. Глядит, а навстречу ему, откуда ни возьмись, старая лошадь. Идёт она, еле ноги передвигает, плачет. «А, лошадь, ты чего это слёзы льёшь?» – поинтересовался вол. «Э, и не спрашивай, дружище вол, – отвечает лошадь. – Дела мои никудышные. Много лет я работала на жестокого ростовщика, а когда состарилась, выгнал меня из дому». – «Не расстраивайся, – успокоил лошадь вол. – Пойдём к реке, трава там высокая и сочная, будем жить и горя не знать».

Пошли они дальше. Смотрят, в арыке лежит собака, жалобно скулит. Спросили у неё, что случилось. Пуще прежнего заскулила собака и сказала: «Всю жизнь служила мулле верой и правдой, а когда состарилась, выгнал меня хозяин. Говорит, дом сторожить ты не можешь, волков боишься, зачем ты мне такая». – «Не расстраивайся, – успокоил собаку вол. – Пошли лучше с нами, будем жить у реки. Авось как-нибудь проживём».

И зашагали они – впереди вол, за ним лошадь, потом собака. Долго шли, немалый путь прошли. Вдруг смотрят, дом стоит у реки. Внутри тепло, уютно. Только расположились друзья отдохнуть, как откуда-то послышались страшный львиный рык, волчий лай и лисий плач. Все задрожали от страха. «Не бойтесь, – сказал вол, – силёнок у меня ещё на одного льва хватит». Только сунулся было лев в дверь, вол так поддал рогами, что у льва живот лопнул, как перегретая дойра. Лошадь обеими ногами лягнула волка, а собака, собрав последние силы, ухватила зубами лису за хвост, покрутила над головой и вышвырнула в окно. Страшные звери больше не появлялись. И стали здесь жить-поживать вол, лошадь да собака. Трава у реки была густая и высокая, дичи полно – сама в зубы лезла.

– И сытые они стали? – тотчас вернулся к своему Аман.

– Да, больше они никогда не голодали.

– А мне всё ещё есть хочется, – захныкал Аман.

Я шагал, не обращая на него внимания, но он стал тащить меня за уши – я и шагу уже не мог ступить.

Впереди давно уже маячил расположившийся в низине кишлак.

Я решил сходить туда вместе с Усманом.

Это было небольшое селение: одна улочка и около тридцати дворов. Домишки низенькие, неказистые, точно их кто-то понарошку строил.

Подошли к домику с покосившейся калиткой. Мы впервые решились попрошайничать, даже не знаем, как начинать. Быть может, просто постучаться, попросить кусочек хлеба? А если не дадут? Надо спеть что-нибудь жалостливое, все так делают... Только вот что бы такое исполнить? Ничего на ум не приходит.

Я странник Машраб,

Нет у меня дела до всего мира...

Куда это годится? Чью жалость вызовут такие строки?!

Рамазан спеть решили мы вам,
Пусть сын родится у вас...

Нет, не пойдёт. И вообще, ничего я не спою. Будь оно проклято, попрошайничество! Лучите с голоду подохнуть. Мне уже казалось, что нас окружила ребятня, дразнится, высовывая языки: «Попрошайка, попрошайка!..» Стало так обидно, так горько... Из глаз брызнули слёзы. Нет, нет! Не надо, не надо!

Убежав на окраину кишлака, я бросился на землю, начал бить себя по голове и плакать. Почему? Сам не знаю. Быть может, потому, что замучил своих младшеньких, желая вернуться в родной кишлак и зажечь свет в отчем доме? Быть может, потому, что поступил опрометчиво, боясь, что братики и сёстры растеряются по свету, лишил их забот и доброты хороших людей? И вот теперь они голодные, холодные, полураздетые...

Через какое-то время мне полегчало, точно растаял кусок льда в груди. Я лежал, молча глядя в синее небо, на разбросанные по нему отары белых облаков... Небо такое бескрайнее, бездонное. Говорят, когда человек умирает, душа его улетает ввысь. Неужели это правда? Возможно, душа мамы тоже парит в этой безоглядной выси... Да, вон, какие-то точки летают в небесах. Быть может, это души умерших?..

Из груди моей вырвался стон, сердце больно защемило, и я начал шептать стихи, переиначивая песню, услышанную когда-то на празднике «Сумалаяк» от Саджиды-апа.

Кому суждено попасть на тот свет
И маму мою повстречать,
Передайте от Арифджана привет.

Скажите ещё, что привет передать
Велел другой её мальчик,
Её Усманджан-рисовальщик.

От вечноголодного птенца
Привет вам тоже, мама, –
От нашего Аманджана-мальца.

Привет и от доченьки Рабии,
Как птичка щебечущей песни свои, –
От маленькой самой.

И от Султанджана привет. Из нас
Он самым крепким был парнем –
Вот только куда-то пропал он сейчас.

И от Зулейхи привет. Она
Ночами лежит без сна:
Всё плачет, про вас вспоминая.

– Ака! – дёрнул меня за ногу Усман. – Вон там старуха стоит. На нас смотрит.

Я сел. И вправду какая-то старуха из-под ладони смотрела в нашу сторону. Только сейчас я заметил, что мы находимся посреди рисового поля. Кое-где урожай уже сняли, сложили в стога, кое-где высокие золотистые стебли кивали налитыми колосьями, будто виноватые в чём-то...

Мы осторожно подошли к старухе. Это была низенькая, как Тухта-хала, женщина, но худющая – страшно глядеть. В руке она держала серп на коротенькой ручке, пояс обвязала двумя кисейными платками. Она сжала небольшой пяточок земли, да и тот был больше похож не на сжатое, а потравленное поле. «Старуха не умеет даже серпа держать», – пронеслось в голове.

– Тётушка, хотите, я вам помогу?

– Ой, мёд твоему языку, ты чей-то будешь? – обрадовалась старуха, глядя то на меня, то на Усмана.

Выяснилось, что у старухи был сын, но парня призвали в армию. Поле осталось несжатым.

Я взял в руку серп с короткой ручкой и с остервенением набросился на перезревший рис.

Встреча с «дикими» коровами

Эту ночь мы провели у самой железной дороги, под старым засохшим тутовником, на мягкой и нежной траве. Мы стали большими мастерами строить шалаши: вбиваем в землю палки, набрасываем на них одеяло, которое подарила нам худющая старуха, края огораживаем камышом или колючкой, и, глядишь, получается сказочный шатёр, достойный прекрасной царевны.

Правда, иногда удаётся переночевать в чайхане, а то и в доме какой-нибудь сердобольной женщины. Но чаще всего устраиваемся как сегодня.

Я тихонько высунул голову из шалаша.

Со стороны Ташкента, окрасив небо в багровый цвет, наступал рассвет. На дереве над самой моей головой расщебеталась незнакомая птица. Со стороны Коканда пронёсся длиннющий пассажирский поезд. Там, видать, детей ещё не ловят: крыши вагонов, лестницы облеплены беспризорниками. Один из них, стоя на крыше, замахал мне старой драной шапкой:

– Привет цыганам!

– Ака, это поезд прошёл? – проснулась Зулейха.

– Да, – сказал я, занятый своими мыслями.

– Ака, о чём вы задумались?

– Ни о чём.

– Вам трудно приходится, я знаю. Вся тяжесть на вас лежит. Вы не переживайте, ака. Вернёмся вот в кишлак, все дела я сама буду делать: и двор подмету, и посуду вымою, и корову подою.

– У нас нет коровы.

– Колхоз даст нам на время. Я слышала, семьям фронтовиков корова положена. А вы начнёте работать в колхозе. А потом и я вступлю.

– Нет, тебе лучше заниматься хозяйством.

– Ака, Дильбар хочет остаться у нас. Вы же не будете против, правда? У неё, бедняжки, никого нет на всём белом свете, а дом их снесли... Она хочет, чтобы вы и ей братом стали. «Какой он у тебя добрый, заботливый, – говорит она, – если бы у меня был такой брат!» Она хочет остаться с нами и пойти работать в колхоз.

– Пусть остаётся, если хочет.

– Только она не желает, чтоб вы называли её Чернушкой.

– Но ведь она же чёрная!

– И вовсе не чёрная!

Мы разобрали свой королевский шатёр, съели на завтрак по горсточке джиды⁴⁵, попили кипятку, тронулись в путь.

Немного пройдя в низине, мы увидели мирно пасущихся коров. Интересно, откуда они появились в этом безлюдном месте? Может, это одичавшие коровы?

– Ака, смотрите, одна дойная! – обрадовалась Зулейха. – Вымя чуть не лопается!

И правда, чёрно-золотистая корова еле тащила своё вымя, в котором было не меньше ведра молока. Даст ли она себя поймать? Может, попробовать её подоить? Не успел я заикнуться, девочки сразу согласились. Они тоже, оказывается, как раз об этом думали.

Я приблизился к корове, протягивая пучок травы: корова пошла ко мне, лениво отмахиваясь хвостом от мух. Она сжевала траву, лизнула мою ладонь, словно спрашивая, нет ли ещё. Мы быстро нарвали охапку травы, бросили перед коровой, а я зашёл сзади, протянул руку к вымени. Корова не шелохнулась. Значит, её можно подоить!

– Чернушка, неси сюда кастрюлю.

Я зажал между коленей кастрюлю, как, бывало, делала мама, поплевал на пальцы и начал доить; вначале о дно кастрюли билась тоненькая, жидкая струйка, но потом молоко полилось толстой, с палец толщины, струёй. Кастрюля наша мгновенно наполнилась.

Девочки взяли кастрюлю и понеслись, хихикая, к железной дороге, где оставили Рабию и Амана. Они должны были принести ещё какую-нибудь посуду. Вот тут-то и раздался окрик:

– Эй, воры!

Мы были окружены четырьмя ребятами. Ко мне приблизился мальчишка с выдающимся вперёд, как капот машины, лбом, толкнул в грудь.

– Не толкайся, – сказал я, отведя его руку.

– Буду толкаться! – С этими словами Лоб левой рукой взял меня за грудки, а правой так заехал по уху, что из глаз моих посыпались искры.

Нет, от этих, видать, легко не отделаешься. Чуть спуску дашь, самого отлупят почём зря, а там и до остальных доберутся. Ещё в детдоме Куршермат научил меня драться головой. Целься в сердце, говорил он, и неожиданно с разбега бей головой, какой угодно силач скопытится, а там уж оседлай его, как необъезженного жеребца, и лупцуй, пока не устанешь.

Я вырвался из рук Лба, отступил шага на три-четыре, разбежался и... саданул головой. Правда, попал я не в грудь, где сердце, а прямо в лицо Лба.

– Ых! – выдохнул Лоб и упал навзничь. Я обернулся, чтоб боднуть и других, но куда там: они все повисли на мне, кто на шее, кто на ногах, кто на плече. Усман с криком кинулся было на помощь, но бедняга получил такого пинка, что отлетел далеко в сторону. В это время на помощь друзьям подоспел Лоб, общими усилиями они повалили меня на землю. Лоб сел мне на живот:

– Ну как теперь?

Боли я не почувствовал, потому что увидел: Усмана тоже оседлали два молодчика.

– Нет, нет! – заорал я и не знаю, откуда во мне столько сил появилось, раскидал ребят, как беспомощных щенков. В этот миг подоспели запыхавшиеся Зулейха с Дильбар. Нас стало один на одного.

Я ещё раз боднул Лба, оседлал его, как он меня, и лишь после этого поинтересовался:

– Ну каково самому теперь?

Видя, что главарь повержен, его аскеры бросились врассыпную.

⁴⁵ Джиды – лох восточный, разновидность фиников.

– Бежим скорее, – предложила Зулейха, – они могут привести родителей.

Премия Амана

Идём через какой-то большой кишлак. Говорят, у сироты семь желудков, и один из них постоянно пуст. Если это правда, то они у нас пусты все семь, да ещё такие концерты задают, хоть уши затыкай.

Неожиданно до нашего слуха донеслись ревушие голоса карная и сурная, грохот дойры. Где-то поблизости, видать, шла свадьба. Когда у нас в кишлаке играли свадьбу, я сажал на плечи младшенького и отправлялся на торжество. Оттуда мы возвращались, обычно угостившись пловом или шурпой. Повара не спрашивали, кто ты, откуда, рассаживали всех вокруг врытых в землю громадных котлов, раздавали по несколько штук лепёшек, по чашке плова или шурпы. Быть может, и здесь такие же обычаи, решили мы. Если каждый получит по две лепёшки, у нас будет целая куча хлеба...

Наши приятные мысли прервал мальчишка, который выехал из калитки верхом на чёрном козле. Завидя нас, испугались и мальчик и козёл.

– Эй, парень, а где тут свадьба? – спросил я.

– За железной дорогой.

– А что за свадьба?

– Сын героем с войны вернулся, вот и справляют свадьбу. – Мальчик соскочил с козла, взял его за бороду и стал втаскивать в калитку.

Обрадованные, мы пошли дальше. И представляете, когда мы были почти у цели, чуть всё дело не рухнуло. Обычно на свадьбе собираются почти все детишки кишлака. Так было, конечно, и здесь. И вся беда в том, что ребята играли на пустыре, неподалёку от дома, где играли свадьбу. Сорванцов здесь было столько, что я подумал ненароком, уж не одни ли дети обитают в этом кишлаке.

– Цыгане пришли! – разнеслось среди них.

Нас тотчас окружили плотным кольцом.

– Эй, цыганочка, – дёрнул мальчишка в новой тюбетейке за рукав Дильбар, – гадать умеешь?

– Нет, – отрезала Чернушка.

– А что умеешь?

– Бить по головам палкой!

– Ишь ты, какая языкастая! – удивился Новая Тюбетейка и дёрнул Зулейху за подол: – Эй, девочка, спляши нам!

– Не умею я.

– Вай, а что же умеешь?

– Отрывать длинные языки!

Ребята заржали, потом твёрдо пообещали не выпустить нас, бродячих цыган, пока чем-нибудь да не ублажим их. Пробриться сквозь строй нечего и помышлять, среди ребятни были такие, хоть завтра бери в армию.

– Хотите афанди расскажу? – сдался я.

– Что ещё за афанди?

– Ну, смешные такие анекдоты.

– Давай, давай!

– Только отойдите немножко, а то мои младшенькие боятся. Если рассмешу, хлеба дадите?

– Ты рассмеша вначале.

– Жил-был афанди. «Год твоего рождения?» – спросили у него однажды. «Дракон», – ответил Насреддин. «Как так, – удивились люди, – а раньше ты говорил, что Змей». – «Так он был змеем, когда я родился. Неужели вы думаете, что он не вырос за пятьдесят лет, сколько я живу на свете».

Я поглядел на ребят, ожидая взрыва смеха. Куда там, даже не улыгнулись, а некоторые поморщились, словно съели кислый плод.

«Попробую-ка что-нибудь другое», – решил я.

– Напился однажды афанди пьяным, заявил, что он лев, и стал дебоширить на улице. Прослышал об этом падишах, разгневался, велел привести Насреддина. Когда Ходжу доставили во дворец, падишах сказал, что львом сего государства является он, падишах, что двум львам тут нечего делать. Афанди-льва придётся повесить. Вскочил при этом Ходжа Насреддин, обе руки приложил к груди: «Но я не лев, ваша милость, а львёнок только!»

Товба, придурки, что ли, эти дети, опять ни один не засмеялся. Стоят с кислыми лицами, и всё тут! Не тронул их и третий анекдот, и четвёртый, хотя под конец сам я хохотал до упаду.

– Нет, – заявили они, – ты лучше спляши.

«Ну, – думаю, – всё. Не видать нам ни жирного плова, ни шурпы, обжигающей губы, ни ароматных лепёшек...» Тут вдруг толкает меня в бок Аман и спрашивает тихонько так:

– А может, стихи им почитать? А ведь и правда!

Аман какое-то время стоял, подняв к небу глаза, потом вдруг начал декламировать, красиво размахивая руками и кивая головой:

У вас голодная пчела
От истощенья умерла.
Всегда ли так с гостями
В цветущем Маргелане?

Неужто могут здесь расти
Одни лишь горькие цветы
И от создання мира
Здесь не было инжира?

На узкой улочке живёт
Торговец красной тканью.
Скупцы торгуют, но весь год
В отрепьях ходят сами.

– Фи! – фыркнула толстененькая, как колобок, девочка, стоявшая напротив Амана. – Какое же это стихотворение, и дурак так может...

Слова девочки здорово задела Амана. А когда он злится, у него взбухают вены на шее, глаза начинают метать молнии. А сейчас он разозлился в тысячу раз больше, чем когда-либо. Теперь не успокоится, пока не сквитается с Колобком.

Голубок в небе стайка
Весёлая летит.
А толстая лентяйка,
Как хрюшка, вечно спит.

На сей раз зрители оживились, раздались жиденькие хлопки. А подружка Колобка всю заколотила в ладошки, Аман обернулся к ней:

А рядом с ней девчушка
Красива и стройна.
Не то что эта чушка –
Ну как газель она!

На этот раз успех свалился на Амана в виде бури аплодисментов. Поражали не столько стихи, как умение брата их читать.

– Эй, цыганёнок, почитай-ка ещё! – попросил парнишка в новой тюбетейке. Аман послушно повернулся к нему, сглотнул по своему обыкновению:

Ты молодцом назвался?
Видали молодца:
На яблоню забрался,
А снять просил отца!

– Молодец!
– Давай ещё, цыганёнок!

Ты бы лучше не играл,
А отца и мать позвал –
Самовар давно кипит...
Ахмаджан, ты будешь бит.

– Во здорово! И имя ведь отгадал!
– Давай ещё!
– Сочини стих об этой девочке, две лепёшки дам!
Твоя мамочка ушла – Ты белиться начала.
Не жалея же и румян – Скоро будешь как тюльпан.

Видно, шум, поднятый вокруг нас, привлёк к себе внимание взрослых, они группками покидали свадебный двор, подходили к кругу и, вытянув шеи, пытались рассмотреть, что тут происходит. Какой-то высоченный, худой до ужаса дядька с тыквоподобным носом и широкими, как стол, ушами, вытащил из кармана красненькую десятирублёвку, поднял над головой:

– Малыш, почитай ещё, вот эту получишь!
Аман задумался и выпалил:

«Джура-Джура-Джурабай,
За дровами поезжай!»
В лес поехал – там лишь пни,
А вернулся – нет жены.

– Ну и удал, молодец, цыганёнок! – смеялись взрослые. Отодвигая ребят, в круг вошёл человек среднего роста, круглолицый, в хромовых сапогах. На груди его сверкала Золотая Звезда Героя. Он подхватил Амана под мышки, поднял, поцеловал в лоб:

- Как тебя зовут, мальчик?
- Аман.
- Ещё стихи знаешь?
- Ещё много знаю.
- Ну тогда читай, громко читай.
- А хлеба дадите?
- Да. И мяса, и ещё кое-что. Читай.

Бака-бака-бака-бал,
Ты канатоходцем стал –
Значит, боль подальше прячь:
Упадёшь – вставай, не плачь.

- Ещё знаешь?
- Знаю.
- Тогда вот что! Посвяти-ка один стих вон той тётушке. Она у нас завскладом на свадьбе.

Как-то с Лолой я сидел,
Хоть не пил, а захмелел.
А потом не раз она
Говорила про меня
На собрании дехкан,
Что, мол, я бываю пьян.

- Молодец, батыр, давай дальше.

Воробей зерно склевал.
«Завтра возвращу», – сказал.
Папа вечность на войне,
А сказал: «Приду к весне».

Дядя Герой был вне себя от восхищения: он крепко прижал моего брата к груди, расцеловал в невымытые щёки, потом увлёк с собой во двор, где шла свадьба.

- Эй, люди, послушайте этого чудо-мальца! Такие стихи закатывает!
- Аман не заставил себя упрашивать.

У меня письмо в руке.
Поезд мчится вдалеке:
Это едет старший брат –
Грудь сияет от наград.

Дядя Герой не отпустил от себя Амана даже тогда, когда он кончил читать стихи, долго прижимал к себе, потом так и унёс его на руках в амбар, где, видно, находился свадебный «склад». Немного спустя Аманджан вышел оттуда принаряженный, словно женишок – в бекасамовом чапане, подпоясанном шёлковым бельбагом, на голове бархатная тюбетейка.

– А ну-ка, гости, пошли все в амбар, – пригласил дядя Герой остальных, – я сам буду угощать вас.

Встреча с разбойником

- Ака, – зовёт Усман.
- Чего тебе?
- Давайте немного отдохнём.
- Надо ещё малость пройти.
- У меня ноги заплетаются.
- А ты посмотри на Амана, вон он как бодро топает!
- У вашего любимчика нет груза.

– Дойдём вон до того сада, тогда и отдохнём. – Я взглянул на Усмана, и сердце полоснула боль. Трудно ему, бедняге, груз у него на плечах тяжёлый. Да и остальные тоже притомились. Идём с тех пор, как покинули свадебный двор. Немало отмахали. Если после драки с мальчишками мы здорово шагали, боясь погони, то сегодня прошли длинный путь благодаря радости и сытости.

В яблонево́м саду решили сделать привал. Сад этот до войны, видать, был ухоженным, плодоносящим. А теперь одичал, деревья засохли, очервивели. Не сад, а жалкое подобие сада.

Через яблоневый сад протекал ручеёк с чистой, как слеза, прозрачной водой.

Ребята разбрелись по саду в надежде собрать яблок. К их приходу я успел соорудить шалаш, вскипятить воду.

– Дорогие гости, прошу к столу. Уселись на густую травку. Несмотря на усталость, все бодры и веселы.

На свадьбе нам дали два узла: один с лепёшками, другой с разными сушёными фруктами. Спасибо дяде Герою, тысячу раз спасибо!

– Оббо, Аманбай, – обнял я брата за плечи, – будешь ещё читать стихи, если опять встретим свадьбу?

- А дадут опять еды?
- А то нет?!
- Тогда я могу и сплясать.
- О, да ты разве умеешь плясать?
- Умею, – поднялся Аман, раскинув руки, – давайте.
- Чего давать-то?
- Хлопайте в ладоши, все разом.

– Ага, правда, давайте повеселимся, – предложила Зулейха. Мне показалось, что повеселиться сейчас хотели все. Такого желанья не было у нас с момента бегства из детдома: каждый день заботы, каждый час тревоги, волнения, страх. Надоело!

Решили, все спляшем по очереди. Начинает наша самая маленькая – Рабия. Вы не знаете, какая она сладкая девочка, а говорит, точно птичка щебечет. Только, поверите ли, очень уж похудела она, стала не больше куклы...

Мы захлопали в ладоши. Рабия постояла, раскинув руки, словно вот-вот запляшет, потом вдруг рванулась с места, подбежала к Зулейхе, спрятала лицо в её подоле. Оробела.

– Номер за Аманом Мирзаевым! – торжественно объявил я.

Этот мой братик ещё то-от!

Вы только посмотрите, как он плывёт по кругу, поводит плечами, щёлкает пальцами, кланяется зрителям, нет, этот парень обязательно должен учиться, и учиться на артиста!

Усманджан даже руки постеснялся раскинуть, стоял посреди круга, мялся, краснел, бледнел. Нечего и просить, этот не спляшет. Его дело: лечь животом на землю, положить на опрокинутое

блюдо бумагу и рисовать себе, рисовать.

Зулейха... у неё чересчур длинные руки, она старалась рассмешить нас – ходила по кругу, переваливаясь, как аист.

– А теперь выступит Дильбар-ханум! Дильбар смело вышла вперёд, поглядела на меня, потом на Зулейху.

– Я спляшу, если сделаете круг пошире. Мы исполнили её желание.

– Я буду плясать с Аманом на пару. Мы выдвинули Амана вперёд.

– А теперь исполните «Вахай бала», – потребовала Дильбар-ханум.

Зулейха взяла крышку от кастрюли, начала играть на ней, как на дойре. Мы хлопали ей в такт. Наше веселье и радость, громкие вскрики и смех словно объяли всю землю, устремились в небеса. Казалось, птицы, порхающие вокруг, вторят нашему веселью, приветственно гудят поезда...

Да, Дильбар оказалась настоящей танцовщицей. И голос что надо. Если хотите, могу поклясться, нет на свете такой мастерицы петь и танцевать...

Что повисли стремена?
Вахай-бала.
Это я упал с коня.
Вахай-бала.
Чем позор мне смыть, когда?
Вахай-бала.
Мать рыдает от стыда.
Вахай-бала.
Я бревно? Я старый плуг?
Вахай-бала.
Не зовите меня в круг.
Вахай-бала.
Как мне жить? Чем мне дышать?
Вахай-бала.
Не тяните танцевать.
Вахай-бала.
С кем я за руки возьмусь?
Вахай-бала.
Ведь в глазах друзей я трус.
Вахай-бала.
Нету сердца у меня?
Вахай-бала.
Дайте снова мне коня!
Вахай-бала.

Странно, жутковато мне: сам подпеваю «вахай-вахай», аплодирую, смеюсь, а мысли не знаю где витают. Дильбар – круглая сирота. Отца она вообще не помнит, мать умерла, когда девочке исполнилось пять лет. Удочерила её тетя, мамина сестра, но вскоре и она скончалась.

До войны Дильбар немало поскиталась по людям: сторожила дом, стряпала, подметала, стирала, у лепёшечника продавала лепёшки, прислуживала поварихе. Однажды она забыла залить в самовар воды, разожгла огонь. Самовар и расплавился. Повариха избила Дильбар. Убежав из проклятого дома, стала слоняться по свету, ночуя в чайханах, выпрашивая подаяние,

пока не повстречалась с Марией Павловной...

Бедная Дильбар... нет у неё никого на всём белом свете. Пусть остаётся с нами, будет работать в колхозе, пока не вернётся отец. Потом пойдёт учиться. На танцовщицу. А сам я – на учителя...

Веселье наше всё разгорается, нашим крикам будто вторят даже деревья и травы. Бесконечная степь, раскинувшаяся перед нами, яблоневый сад, шумные поезда, то и дело грохочущие на линии, – всё это принадлежало нам, а мы вовсе не сироты, сирые, – мы озорные, весёлые, счастливые дети...

Отцы ушли воевать.
Вахай-бала.
Знать, врагу несдобровать.
Вахай-бала.
Гитлер смотрит как слепец.
Вахай-бала.
Скоро Гитлеру конец.
Вахай-бала!
Говорят, что Гитлер глух.
Вахай-бала.
Что он ест солёных мух.
Вахай-бала.
И что вместо головы.
Вахай-бала.
У него мешок травы.
Вахай-бала.

Дильбар вдруг остановилась как вкопанная, вглядываясь в глубину сада.

– Кто-то идёт!

И правда, к нам приближался грязный, оборванный, обросший человек. На поясе висит длинный нож, за плечом – винтовка. Сторож, что ли? Непохоже. Кто же поставит такое страшилище сторожем? А может, грабитель? Маловероятно. На десятки километров вокруг ни души – кого же ему грабить?! А не дезертир ли он?

– Чего остановились? – поинтересовался Оборванец, подойдя к нам. – Продолжайте. Давненько не видал веселья. Я спал в зарослях, когда услышал пение. Подумал, уж не патефон ли.

Мы сбились в кучку, как ягнята, встретившиеся с волком.

– Что у вас в том узле? – Глаза Оборванца загорелись жадным огнём.

– Лепёшки, – поспешил Аман.

– Ну-ка принеси свёрток сюда. Глупый мой братик, он был готов, ничего не подозревая, дать весь свёрток хлеба этому вонючему дезертиру. Хорошо, я вовремя вырвал свёрток из рук Амана, прижал к груди.

– Давай сюда, тебе говорят!

– Нет, не дам!

Оборванец двинулся на меня.

– Дяденька, это моим младшеньким... мы идём очень далеко... Побираемся, чтоб прокормиться...

– Дай сюда свёрток!

– Прошу вас, дяденька, пожалейте малышей!..

Оборванец шумно сглотнул слюну, уставился на меня жадными, как у голодного волка, глазами, схватился за свёрток. Все мои завизжали от ужаса, заплакали в голос.

– Отдай, говорю, по-хорошему, я голоден!

– Мы тоже голодные, не отдам.

– Не отдашь?

– Нет!

Помню, как он размахнулся огромным кулачищем, двинул меня по голове: небо перевернулось, и наступила тишина... Не знаю, сколько я валялся без памяти. Когда открыл глаза, уже стемнело. Все мои окружили меня, плача.

– Ака, акаджан, – прижимался головой к моей груди Аман, – вставайте, не пугайте нас... Мне очень страшно, я боюсь...

– Унёс он хлеб? – еле поднял я голову.

– Чтоб подавился, – причитала Зулейха. Ночевать здесь было страшно. Мы решили, пока совсем не стемнело, добраться до какого-либо жилья, попроситься на ночлег.

– Вот приедет отец, он тебе покажет, бродяга! – ругался по пути Аман. – Как миленький вернёшь наши лепёшки...

В доме железнодорожного сторожа

Когда мы дошли до какой-то маленькой железнодорожной станции, все падали от усталости. У Зулейхи поднялась температура, и Рабия хрипит, кашляет, Усман стёр ногу. У меня у самого ноги тоже стёрты до крови. Болит голова, стучит в висках, одолевает насморк... Позавчера мы попали под дождь, тогда-то, видно, нас всех и прохватило. Одна Дильбар здорова, но она такая подавленная, будто все мы вот-вот умрём и она останется одна-одинёшенька посреди бесплодной пустыни.

Я постелил два одеяла на дне высохшего арыка, уложил всех больных, потом сходил на станцию, принёс кастрюлю воды, вскипятил чаю. Мои младшенькие отказались и от хлеба, и от чая. В их глазах таилось столько страха, усталости и печали, что я не мог взглянуть им в лица.

Я долго сидел, обняв колени и подставив спину лучам тёплого осеннего солнца...

Странно, о чём бы я ни начинал думать, тотчас на ум приходит папа. У всех отцы приезжают в отпуск повидаться с детьми, а наш так и не приехал... Быть может, не следовало убежать из детколонии? Ведь был одет, сыт... И младшенькие тоже, хоть в сиротском приюте, да горя не знали: им и книжки с рисунками, и купались в больших корытах, и постель мягкая. Во всём виноваты Ислам с Куршерматом. Это они прожужжали мне все уши, что, мол, братья и сёстры разбредутся по свету, а потом их и за тысячу лет не соберёшь. Если бы не они, я на этот отчаянный шаг и не решился бы. Мы, мальчишки, ладно, но почему я, дурак, Зулейху с Рабиёй-то потревожил? Коли соскучился, повидался бы, и дело с концом! Так нет, потащил за собой. Если очень нужно было поддерживать огонь в родном очаге, следовало ехать самому и поддерживать сколько душе угодно!

Девчачий детдом был очень хорошим. Сколько вокруг добрых людей! Мои сестрёнки горя не знали, не были сиротами! Сиротами они стали теперь. Это я сделал их сиротами! И вот они полуживые лежат на дне арыка, как в могиле, хоть сейчас засыпай землёй.

О-о, что я наделал?

Эй, поезда, несущиеся мимо, дайте мне совет!

Эй, птицы, так весело щебечущие на ветках, скажите, что ж дальше делать Арифджану?!

Нет, я сейчас же пойду в милицию и всё расскажу. Пусть отправляют всех по своим местам,

а коли отец будет обижаться, когда вернётся, что ж, ничего не поделаешь.

– Ариф-ака, – тихо окликнула Дильбар, – вы плачете?

– Нет.

– Но у вас на глазах слёзы!

– Я думаю, не вернуться ли уж нам в Ташкент?..

– Это когда так мало осталось до Коканда?

– Ты думаешь, мало осталось?

– Конечно, мало.

– Что ж нам сейчас делать?

– На станции должен быть доктор.

– А вдруг нету?

– Тогда надо попросить помощи у какого-нибудь доброго человека. А теперь бегите, вон Рабия опять начала хрипеть.

Станция – если её можно назвать станцией – состояла всего из четырёх ветхих домишек. Какой-то человек, тихонько напевая, подметал перрон метлой. У человека были такие громадные усы, что их свившиеся в жгут кончики уходили за уши. Я несмело приблизился, поздоровался. Человек не ответил. Промолчал он и во второй раз. Тогда я дёрнул его за рубаху и проговорил, едва сдерживая слёзы:

– У меня сестрёнка заболела, помогите...

– Говори громче, я плохо слышу! – прокричал Усач, поворачиваясь ко мне ухом. Я повторил

свою просьбу.

– Поезд давно ушёл...

– Я говорю, у меня сестрёнка больна! – Я заорал, наверно, громче гудка самого паровоза.

– Больна?

– Да.

– Кто?

– Сестрёнка.

– Сестрёнка?

– Да. Мы сироты.

– Откуда идёте?

– Из Ташкента.

– Согнали с поезда?

– Нет, мы идём пешком.

– Пешко-ом?!

На этом наш ор закончился. Сторож внимательно оглядел меня: вначале босые опухшие ноги, потом отрешья, в которые я был облачён, и лишь затем уставился в лицо. Закусил губу, покачал головой.

– Где сестрёнка?

– Недалеко отсюда, в арыке лежит.

– А ну пошли.

Кроме Дильбар, все мои по-прежнему были на дне арыка. Кто-то спал, кто-то лежал с открытыми глазами. Станционный сторож долго смотрел на них, покачивая головой. Потом осторожно взял на руки Рабию. Мы собрали свои пожитки.

От станции убегала вдаль узенькая дорожка. Пройдя по ней с полкилометра, мы увидели селение с прижатыми к земле пятью-шестью домишками. Вошли в дом с камышовым забором и камышовой же калиткой.

– Арофат! – позвал сторож.

Из внутренней комнаты выкатилась кругленькая, низенькая женщина. Руки её по локоть были в муке.

– О боже ты мой, что случилось? – прошептала она.

– Сиротки... заболели вот, – объяснил сторож. Нас провели в комнату, пол которой был устлан толстым слоем соломы и сверху покрыт цветной кошмой. Сторож вывел из хлева неказистую лошадку, взгромоздился на неё.

– Ты присмотри за ними, я сейчас старика привезу, – наказал он жене.

Как я понял, тётушка Колобок ничего другого говорить не умела, кроме «о боже ты мой!..». Она это твердила и когда укладывала Зулейху с Рабиёй в постель, и когда поила их молоком с мёдом, и когда кормила нас ужином, и даже когда куры набросились на сушившийся во дворе рис. С ушей её свисали громадные жестяные серьги в виде полумесяца, а вся грудь была покрыта позванивающими медяками.

– Хотите ещё молока?

– Налейте, – согласился я.

– Откуда вы?

– Кокандцы.

– О, боже ты мой!..

– Простудились вот в дороге, всю ночь под дождём были.

– О, боже ты мой!..

Тётушка Колобок выскочила из комнаты и через минуту вернулась с небольшим казаном.

Поставила казан на очаг, подкинула дров. Комната наполнилась запахом растапливаемого сала. Очень уж запах этот был острый.

– Все вы простывшие, – успокаивала нас тётушка Колобок. – Вон как носами шмыгаете! Сейчас я натру вас барсучьим жиром, за ночь пропотеете, а утром хвори как не бывало!

Потом она намазала нас этим жиром, с головой укрыла несколькими одеялами, сама присела у изголовья, вывалила из квашни тесто на клеёнчатую скатерть и стала лепить громаднейшие лепёшки.

– Как тебя зовут, сынок? – спрашивала она между делом. – Вы все от одних родителей?

– Да.

– О боже ты мой! А где они, родители-то?

– Отец на войне, мать померла.

– О боже ты мой!.. Вы ни о чём не беспокойтесь, дети, мой старик очень любит сироток. Он частенько приводит домой таких, как вы. Всем помогает, слава те господи...

С улицы донеслось ржание коня, голос: «Тпрр-у!» Немного погодя в комнату вошёл сторож, а за ним сухонький русский старичок с бородкой клинышком. Руки у него и голова тряслись без остановки.

– Э, да я вижу, у тебя тут настоящий сиротский приют, – сказал старичок, мешая русские и узбекские слова. Сторож не расслышал.

– Под дождём они остались, – ответил он.

Старичок вначале осмотрел Рабию с Зулейхой, лежавших в отдельной постели в глубине комнаты, измерил температуру. Послушав пульс, покачал головой. Потом приник ухом к груди Рабии, надолго притих.

– Кизимка⁴⁶ плоха! – обронил наконец.

– Выживет? – спросил сторож. Старичок ничего не ответил. Покопавшись в чемоданчике, вытащил шприц. Сделал девочкам по уколу, угостил какими-то каплями. Рабия неожиданно открыла глаза и позвала меня:

– Ака, а ака!

Услышав её голосок, старичок обрадовался больше моего.

– Кизимка хороша! – сообщил он ликуя.

Подошла наша очередь. Аман и тут показал свой норв: ни капель не принял, ни укол не дал сделать.

– Не подходите, укушу, – пригрозил старичку, и тот оставил его в покое.

Осмотрев нас, доктор присел рядом, похвалил барсучий жир, которым тётушка Колобок растёрла нас, попросил сторожа пострелять барсуков и на его долю. Взамен обещал достать ему дробь.

– Кокандский поезд, говоришь? – не расслышал его сторож.

– Нет, барсучий жир! – сказал он погромче.

– Пассажир?

– Барсучий жир! – заорал доктор что есть мочи.

– Будут тебе барсуки, если вылечишь их!

– Вылечу, вылечу... – закивал головой старичок. – Кизимка скоро будет бегать как козочка.

Тётушка Колобок принесла в косушках шурпу. Мы никогда в жизни не едали такого странного на вкус супа: сам вроде вкусный, а почему-то отдаёт болотом. Но всё равно съели шурпу в охотку. Даже Рабия, сидя у меня на коленях, сделала пять-шесть глотков.

Перед уходом старичок доктор опять сделал ей укол.

⁴⁶ Кизимка – искажённое узбекское «кизим» – «дочка».

Девочка так кричала, что сердце моё разрывалось на части...

Хромые чудища, «ниспосланные» Аллахом

Мы жили у сторожа до тех пор, пока Рабия и Зулейха поправились, набрались сил. Чтобы не есть на дармовщину, я старался работать, хотя ноги мои всё ещё кровоточили. Мне помогал Усман. Двор сторожа не подметался, наверное, тысячу лет – мы расчищали его целый день, в хлеву не повернуться: кучи навоза выросли до самого потолка – корова и телёнок прямо утопали в навозе, да и стойло кобылицы оказалось не чище. Я здорово соскучился по такой работе – за три дня всё кругом вычистил. Покончив с этим, принялся за уборку кукурузных стеблей в палисаднике. Я косил, а Усман с Дильбар таскали снопы, укладывали во дворе под навесом. Я до того увлёкся работой, что и не заметил, как ко мне приблизился хозяин, не расслышал, что он сказал. Очнулся, когда он дёрнул меня за плечо:

– Не уставать тебе, говорю!

– Спасибо.

– Я погляжу, ты мастер косить. Хочешь, я тебя усыновлю?

– Спасибо! – прокричал я в ответ. – У меня есть отец! Бог даст, живой вернётся!

Видно, наше трудолюбие здорово понравилось сторожу: он пообещал посадить нас на кокандский поезд, как только вернётся. Он сказал, что уезжает в командировку. Однако домой не вернулся ни через день, ни через два. Покончив с кукурузными стеблями, мы вырыли картошку, которая росла за околлицей, у пруда. Пора было нам собираться в путь. Погостили – и хватит, надо и честь знать.

Тётушка Колобок дала нам на дорогу семь громаднейших лепёшек, полмешочка курта и жареную утку. Спасибо, тётушка, большое вам спасибо. И за жир вонючий, которым вы нас натирали, и за молоко кипячёное, которым поили дважды в день, и за примочки, которые прикладывали к нашим натруженным ногам, – за всё вам большое спасибо. До свидания. Счастливо вам оставаться.

На станции мы узнали, что дядю сторожа отправили на стройку дороги, что вернётся он лишь дней через пятнадцать.

– Ну, братцы и сестрицы, решайте, куда нам теперь двигать: обратно, в Ташкент, или в кишлак?

– Домой, в кишлак! – хором ответили все.

– Тогда, – повеселел я, – в сторону кишлака Большой Тагоб шаго-ом арш!

Часа через три-четыре мы сделали привал под деревцами дикой джиды, чудом выросшей в безжизненной степи. Когда уже доедали тётушкину утку, Аман вдруг закричал:

– Волк!

Все повскакали с мест, схватились за палки.

– Где волк?

– Во-он, к нам бежит!

– Дурак, это же осёл!

– И нет, ты погляди, какие у него уши! Волк ли, осёл ли, но в нашу сторону быстро приближалось какое-то животное. Когда оно подошло поближе, мы поняли, что это лохматый, зеленоватого цвета осёл. Он смело вступил на нашу стоянку, остановился с таким видом, словно наконец-то нашёл своих хозяев. Осмотрев осла, мы обнаружили, что одна нога у него хромая, а спина вся покрыта белёсыми язвами.

– Ака, так это ведь наш ишак! – запрыгал Аман.

Осёл и вправду очень походил на нашего, того самого, если помните, который покончил

самоубийством.

– Нет, это дикий осёл, – высказал своё мнение Усман с видом знатока.

Аман почему-то даже подёргал осла за шерсть. А бедный ишак стоял, покорно опустив голову, то ли не сознавая, что происходит, то ли говоря: делайте со мной что хотите, я в вашем распоряжении.

– Ака, молено я попробую сесть на него верхом? – спросил Аман.

Я посадил брата на осла, боясь, правда, как бы тот не выкинул какой-либо номер. Но ничего, ишак стоял, низко опустив голову, тихо шевеля ушами.

– А вдруг хозяин появится? – с опаской оглянулся Усман.

Тут на много километров вокруг никто не живёт, – заявили девочки с такой твёрдостью, что спорить с ними было бесполезно.

Мы набросили на спину осла вчетверо сложенное одеяло, взбирались по одному, потом по двое, а напоследок даже по трое – ишак шёл довольно прилично, только слегка хромал и так кивал головой, что едва не доставал ею до земли.

Поверите ли, на другой день к нам пристала и хромая собака.

Спали мы в заброшенном доме. Когда утром собрались в путь, перед нами появилась хмурая, со свалывшейся шерстью, хромящая на заднюю лапу собака. Она как ни в чём не бывало поплелась за нами. Я хотел было отогнать её, но Зулейха остановила меня.

– Пусть идёт, – сказала она. – Может, ей деваться некуда, и нам веселее будет.

Таким образом, мы вдруг стали хозяевами осла и собаки. Эти два существа словно были созданы для того, чтобы передразнивать друг друга. Если осёл хромал на переднюю левую ногу и при ходьбе чуть не доставал мордой земли, то собака хромала на левую заднюю и при каждом шаге приседала.

Где ты, ишачий базар?

Зря мы надеялись, что не сегодня завтра доберёмся до родного кишлака, мечтали на цыпочках войти во двор Парпи-бобо, закричав «вах!», и потом долго смеяться, глядя на испуганного дедушку. Старик со старухой, повстречавшиеся нам по дороге, сказали, что эге-гей сколько нам ещё топать. Шесть станций.

В тот день, кажется, было воскресенье, улицы кишлака, через который мы проходили, были полны народу: кто спешит куда-то с тяжёлым хурджином за плечами, кто-то подгоняет упирающуюся овцу. Старик со старухой, лишившие нас грёз, везли на арбе мешки с луком.

Шесть перегонов... Если каждый из них в тридцать километров, то всего сто восемьдесят километров пути. Легко сказать!.. А тут осень уж на исходе, ночами выпадает иней, заметно похолодало, спать в шалаше невозможно – зуб на зуб не попадает. Через день-другой задуют холодные ветры, пойдёт сыпать хлопьями снег... Вот если бы смогли мы продать своего ослика, купить билеты – нас бы никто не тронул. Об этом мы подумываем уже три дня. Мои-то согласны, да я сам никак не решаюсь. А вдруг осла продать мы продадим, а билетов не достанем? Тогда опять придётся пешочком топать. Пожитки на себе тащить, Амана с Рабиёй тоже. Нет у нас теперь прежних сил нести их на себе, похожи мы стали на побитые морозом стебли кукурузы, ломкие, хрупкие.

Скотный ряд находился примерно в километре от станции, прямо посреди открытого поля. Продавали здесь и овец, и коров, и лошадей, и верблюдов. Один верблюд, видно, взбесился, всё пытался порвать цепи, которыми был скован.

Прежде чем выводить ослика на продажу, мои младшенькие попрощались с ним. Даже пёс наш тихонько проскулил, будто хотел сказать: «Прощай, мой хромоногий друг!»

Ишаков на базаре было в десять раз больше, чем лошадей. Видно, в этих краях люди ездят только на ослах. Такая торговля идёт – пыль столбом: ослы громаднейшие, с тонкой спиной, с толстыми ногами; гривастые ослы с короткой спиной и длинной головой; ослики совсем недавно объезженные, накрытые любовно вышитыми попонами. Некоторые ослы так разукрашены, бай-бай, любо-дорого глядеть, словно и не на продажу их привели, а на выставку: уздечка усеяна блестящими пистонами, на лбу бусы, на шее треугольные талисманчики. Рядом с этими красавцами, признаться честно, наш ослик выглядел очень уж невзрачно.

– Приподними ему морду, – прошептал я Усману.

– У меня уже плечо болит подставлять ему под голову...

– Потряси ему тогда хвост.

– Он его прячет. Может, накрыть осла рубахой? Как увидят люди язвы, отворачиваются...

– Накрой, если хочешь, – сказал я, оглядываясь. Покупатели в основном бородатые старики, повязавшиеся зараз двумя бельбагами, в чалмах, да старухи беззубые, которые не говорят, а свистят только... Молодых почти нет, а какие есть – хромые, безрукие, инвалиды войны... «Отдам за столько, сколько дадут, – решил я про себя. – Торговаться не буду. Дадут шестьсот рублей – и ладно, рублей за триста купим билеты, а на остальное еду, гостинцев деду Парпи и Тухтехале...»

Вон какой-то белобородый с хурджином на плече осмотрел громадного осла, заявил, что тот больно прыткий с виду, а ему бы смирного ослика. Надо заманить старика, да поскорее!..

– Здравствуйте, дедушка! – приложил я руку к груди, демонстрируя воспитанность.

– Ваалейкум ассалом, верблюжонок мой, – откликнулся старик, перекладывая хурджин на другое плечо.

– Вам нужен смирный ослик?

– Да, мой сын.

– Идёмте, у нас как раз такой ослик.

– Посмотрим, посмотрим, верблюжонок мой.

Белобородый остановился поодаль от нашего ишака, точно боялся, что тот лягнёт его, долго из-под руки глядел на ослика.

– Бай-бай-бай! – весело воскликнул он потом. – Это осёл или крылатый скакун самого святого Хазрата Али Шера?

– Осёл, – сообщил я. – Очень смирный осёл, не лягается.

– Бай-бай-бай! – отступил чуть назад бобо. – Наверное, он не может ногу поднять, чтоб лягаться, а, верблюжонок мой?

– И не кусается, – добавил я.

– Кусался бы, будь в пасти зубы, верно, верблюжонок мой?

– Хоть и без зубов, он хорошо кушает, – не сдавался я. – Он очень молод ещё, вот поглядите, у него зубы только прорезаются.

– Бай-бай-бай! Живое или мёртвое это чудище?

– Живое, дедушка, ещё как живое! Вот сейчас оно пройдётся, сами увидите. Усман, подтолкни его сзади!

Нет, верблюжонок мой, это скорее всего привидение моего осла, сдохшего месяц тому назад.

– Нет, дедушка, это настоящий осёл. Берите его, уступим по дешёвке.

– Хорошо, я куплю твоего ослика, а кто заплатит мне за проезд?

– За какой проезд? – удивился я.

– Так ведь, верблюжонок мой, он до дома моего не дойдёт, придётся мне нанять арбу, чтоб довезти его.

– Дойдёт, убей меня бог, дойдёт. Скажи ты, Усман...

Я чуть не плакал от досады.

Усман проворно вылез из-под шеи осла и глядел то на белобородого, то на меня, не зная, что именно сказать.

– Берите, дедушка, отдаю вам осла за шестьсот рублей, – умолял я. – Берите, не пожалеете.

– Нет, сын мой, мне нужен верховой осёл...

– Так на ком же ездить, если не на этом?! – вскричал я. – Скажи ты, Усман.

– На нём три человека могут проехать, – подтвердил брат. – Здоровый очень...

Старик, видно, устал держать тяжёлый хурджин, переложил его на другое плечо и пошёл прочь, посмеиваясь и трясая бородой. Не хочешь – не надо, решили мы с братом, другой купит, у кого побольше денег...

Долго проторчали мы на базаре, но так и не дождалась ни денежного покупателя, ни победнее, хотя я пытался во всё горло расхваливать наш товар. Вначале я расстроился, но, когда в голове мелькнула одна мысль, сразу повеселел. Моя задумка понравилась и Усману, уставшему поддерживать голову ишака, и остальным, которые давно сидели, пуская слюнки, напротив торговли варёным горохом.

Погрузив пожитки на осла, мы отправились на станцию. Собака захромала вслед. Ребят я оставил на привокзальной площади, сам с Усманом повёл осла прямо к двери билетной кассы. На мой стук из окошечка выглянула пожилая женщина.

– Что вам угодно, молодой человек? – ласково поинтересовалась кассирша. У неё был приятный голос.

– Билеты до Коканда есть?

– На сегодня нет.

– А на завтра?

– На завтра найдутся.

– Мне нужны четыре билета.

– Давайте деньги, молодой человек.

– Денег у меня нету, возьмите вот моего осла, дети ваши будут кататься.

– Что-о-о? – ошалело глянула на меня кассирша.

– Не отказывайтесь, тётушка, прошу вас! Осёл, а очень умное животное. Посмотрите сами, видите, как уши наострил, всё понимает, что мы говорим!

Кассирша вышла из-за двери, увидела осла и давай хохотать. Напугала даже животное: оно чуть не вырвалось из рук Усмана.

Дедушка Карлик плачет

Когда мы вышли из Ташкента, солнце ласково грело нам спину, а теперь вот уже три дня оно светит нам прямо в лицо. Лучи его теперь тусклые, почти не греют. Беспреданно дует ветер. В этих краях он завывает, оказывается, как голодный волк, изо всей силы швыряет жёлтые листья на землю, потом, словно раздумав, подхватывает их вместе с пылью и уносит с собой, жутко свистя.

Сейчас сила ветра удвоилась. Из-за пыльных туч не видно солнца. Мы идём тесной кучкой, боясь, что ветер унесёт нас, цепляемся за осла, как пчёлы за свою королеву при перелёте из одного улья в другой. Рабия с Аманом едут верхом. Враз похолодало. Идём молча. Да и о чём говорить?! На душе ничего, кроме страха... Зима на носу, а мы полуголые, босые... Так ведь недолго и замёрзнуть!

– Ака, за нами кто-то едет! – дёрнула меня за рукав Зулейха.

Я обернулся. Нас и вправду догонял кто-то верхом на осле. То ли старик, то ли мальчик. Ростом-то с мальчика, не больше Амана, но с бородой. На голове огромнейшая чалма, руки короткие, едва достают узду. Товба, уж не дьявол ли, волшебник злой?! Я не раз слышал, что дивы отправляются в путь именно в такую погоду. Не хватало нам ещё с дьяволом повстречаться!

– Ака, он едет за нами! – прошептала Зулейха в ужасе.

– Не обращай внимания! – ответил я, боясь обернуться.

Старик поравнялся с нами. Осёл под ним был большущий, серый, с толстенными ногами.

– Куда вы в такую бурю, дети мои? – раздался обыкновенный человеческий голос... Слава тебе господи!..

– Ассалому алейкум, – поздоровался я, боязливо косясь на старика.

– Ваалейкум, дай бог тебе здоровья, – потянул осла за повод дед Карлик. – Как тебя зовут, светик?

– Арифджан.

– Хорошее имя, светик, куда путь держите?

– В Коканд.

– А?! – вытянул шею в нашу сторону дед Карлик. – Что ты сказал, мой светик?

– Я сказал, в Коканд, дедушка!

– Не может быть!

– Правда, дедушка, правда. Мы сиротки.

– Сиротки?

– Да.

– Бай-бай-бай! Откуда идёте?

– Из Ташкента.

– Из Ташкента? Бай-бай-бай! – Дедушка Карлик закивал головой. – Кто же это с тобой?

Я ответил. Тогда дед подробно расспросил, кого как зовут. Чтоб вызвать жалость старика, я старался выглядеть ещё более измученным, чем был.

– Все мои младшенькие больны, – сказал я чуть не плача. – Идти уже не можем.

– Светики мои, светики! – Дедушка Карлик закрыл глаза, закусил губу и начал качать головой, словно где-то у него сильно болело. Вдруг он вскинул голову и продекламировал:

Мир кипит, все уезжают, все спешат, как на вокзале. Всюду дети голодают, обливаются слезами. И куда ни глянешь, всюду стон и плач стоят сейчас, Будто ныне стал бездомным сиротой любой из нас, – и заплакал.

Вот те на! Мы все переглянулись. Если Аман заплачет, его можно успокоить, пообещав кусок хлеба. А как мы успокоим дедушку Карлика?

– Я тоже рос сиротой, – проговорил старик, глубоко вздохнув. – Домом мне служил хлев бая Миракылходжи. От работы тяжкой стал карликом.

– Не надо, дедушка, плакать!

– Он так меня колотил, что от жалости ко мне начинали реветь коровы. Вместо еды кормил помоями, – продолжал лить слёзы старик.

– О дедушка!.. – вздохнула Дильбар.

– Ни разу новой одежды не купил, справлял мне одежду из старых платьев жены.

– Жадный, значит, был очень... – вставил я.

– Ещё бы!..

Старика невозможно было остановить. Покончив с сиротским детством, принялся вспоминать родную жену, которая померла пять лет назад. Нынешняя жена – яд ядом, житья не даёт, злая, жадная, но он её всё равно не боится.

Наконец дедушка перестал плакать, простонал: «Эх, жизнь ты наша» – и начал сползать с осли.

– Как-то тебя звать? – обратился к Усману.

– Усман.

– Какое прекрасное имя: Ус-ман! Умеешь сидеть на осле? Вдень ногу в стремя, вот так, молодец, мой светик.

Дедушка посадил всех моих младшеньких на своего ишака. Потом снял с себя чапан (на нём их было надето два), накрыл посиневших от холода Амана с Рабиёй.

– Ну теперь поехали, светики.

– Куда же мы поедем, дедушка? – с беспокойством спросил я.

– Куда же поедешь-то? – рассердился вроде дедушка. – Сегодня у меня переночуете, наутро сам аллах путь укажет.

Дедушка Карлик в неволе

В предвечерние сумерки мы въехали в обширный урюковый сад.

Хозяйство дедушки состояло из дома, хлева и комнаты, пристроенной к дому сбоку. Дед Карлик провёл нас в эти «покои», сам куда-то убежал. Немного погодя вернулся запыхавшись. Приволок из дома громаднейшую кошму и опять исчез. На сей раз он притащил охапку урюковых поленьев, разжёг огонь в отсыревшем, давно не топленном очаге.

Мы расселись вокруг очага, держа озябшие руки над пламенем. Дедушка Карлик опять ушёл. Мы его прождали пять минут, десять, а его нет и нет.

– Может, он специально для нас готовит плов? – предположила несмело Дильбар. – Потому и задерживается?..

– Мы бы согласились и на огненно-горячую шурпу, – откликнулась Зулейха.

– А я знаете, ребята, люблю шавлю с урюком, – облизнулся Усман.

А вдруг и вправду принесут нам какое угощение? Мы расстелили кошму посреди просторной комнаты. На нише у очага обнаружили коптилку. Засветив её, мы огляделись: стены и потолок комнаты черны от копоти, как дымоход, ниши затянуты паутиной, заплесневели от сырости.

Приоткрыв окно, мы выглянули во двор. Ветер бесится, со свистом шатая голые ветви деревьев, земля покрыта палыми листьями, они с шелестом разлетаются по сторонам. Собачка наша лежит у самого порога, положив голову на вытянутые вперёд лапы, пристально глядит на нас, будто хочет предупредить, чтоб не забыли её, если перепадёт что-то поесть... А вдруг этот дедушка Карлик на самом деле див? Ведь в сказках всегда так бывает. Заводят дивы путников в одинокие дома, подносят им еду как еду, а протянешь руку, она вмиг превращается в кучу кизяка...

– Ака, водички хочу, – попросила Рабия.

– Сейчас, моя маленькая.

– Мне на двор хочется, – вдруг засучил ногами Аман.

– Потерпи малость.

– Сейчас намочу штаны, – пригрозил брат.

Я вывел его из комнаты. Только мы вернулись, на пороге появилась высокая статная женщина лет сорока, на ней было белое платье, на голове тоже белый шёлковый платок.

– Сидите, мои цыпляточки?

Мы поспешно вскочили на ноги, поздоровались. Не знаю, почему мы вскочили: поприветствовать хозяйку как полагается или чтоб получше рассмотреть, что она принесла на подносе.

– Чего вы стоите, садитесь. – Женщина положила поднос перед нами. На нём были две лепёшки, горсточка сушёного урюка, чайник чаю. «Чем-нибудь горяченьким, наверно, угостят потом», – подумал я.

– А где же наш бобо?

– Я его заперла, – пояснила хозяйка. – Как получил на сына похоронку, так стал немного не в себе. Наверное, и вам плакался, правда?

– Да нет, не очень, – потупился я.

– И меня небось хаял?

– Нет, не очень.

– Это ваша там собака у порога?

– Да, наша.

– Почему она такая страшная?

– Потому что голодная.

Лицо хозяйки точно из дерева вырезанное, ничего на нём не отражается, глаза застывшие. Оказывается, у неё и губы не шевелятся, когда говорит, ей-богу!

– Смотрите, собаку в комнату не впускайте.

– Ладно.

– Когда ляжете, коптилку погасите.

– Хорошо.

Разговор на этом кончился. Хозяйка повернулась и бесшумно скрылась за дверью.

– Огонь на лепёшки! – скомандовал Усман.

Две лепёшки из джугары мы поделили ровно на семь частей (собачка наша всегда получает равную с нами долю), выпили чаю и, распрощавшись с надеждой на что-нибудь более существенное, начали готовиться ко сну.

Я сходил в хлев, наполнил кормушку осла листьями, ввёл собаку в комнату, погасил коптилку. Сегодня очередь Зулейхи рассказывать сказку.

– В некотором царстве, некотором государстве жила-была злая колдунья...

– И носила она всегда белое платье и белый платок, – подхватила Дильбар. Все засмеялись.

– И был у неё поднос с двумя чёрствыми лепёшками, – продолжил Усман, приподнявшись на локте.

На этот раз мы хохотали до упаду. Когда отсмеялись, Аман вдруг сказал:

– Ака, я сочинил стих, почитать?

– Читай, давай читай! – загалдели все. Аман встал на ноги и, размахивая руками в тёмной комнате, начал громко декламировать:

Лишь водой и чёрствым хлебом нас хозяйка угостила,
Спать в каморке уложила, в дом собаку не пустила.
И дала своим цыплятам меру целую зерна,
А сама всю ночь плов ела, чай всю ночь пила одна.

Мы опять засмеялись, но на этот раз с грустью. Все вдруг вспомнили бедного дедушку

Карлика. Как бы освободить его из заточения?

Долго строили разные планы, но, так ни до чего не договорившись, уснули как мёртвые.

Подарки дедушки Карлика

Сквозь сон чувствую, кто-то дёргает меня за ногу. Еле продираю глаза: надо мной стоит, держа в руке дымящуюся коптилку, дедушка Карлик.

– Давай скорей, мой светик!

– Вы!.. Это вы?

– Давай скорее, тебе говорят, несчастный!

– А что давать-то?

– Буди остальных, бежим!

С места не сойти, я не понимал, что происходит, но всё же принялся будить своих.

Молча, объясняясь знаками, мы погрузили ребят на ослов, углубились в урюковый сад. Как и вчера, мы с дедушкой шли пешком.

Время было ещё раннее, самая яркая звезда только загорелась. Ветер стих, низкие чёрные тучи исчезли, небо усеяли звёзды. Воздух до того холоден, что зуб на зуб не попадает. Когда сад остался позади и нас опять обняла необъятная степь, я наконец поинтересовался:

– Дедушка, куда мы всё же идём?

– В Коканд, я отвезу вас.

– В Коканд? – не очень поверил я. – До Коканда ведь очень далеко?

– Вот потому-то я и решил отвезти вас, непонятливый ты сирота! – воскликнул дедушка, боязливо оглянувшись. – Если б близко было, то я бы и в ус не дул... Но, знаешь, светик, как здорово я её провёл?

– Кого?

– О жёнушке своей говорю, непонятливый ты сирота. Ха-ха-ха! – захохотал дед Карлик. – Она думала меня прижучить, а я сам её прижучил! Вечером она подхватила меня под мышки, как ягнёнка, потащила в амбар. Заперла. Думаю: «Сиротки остались голодными». Как по дойре колотил дверь, не помогло. «Ладно, – решил про себя, – я тебе ещё покажу, усни только!» Как только погасила свет, набил хурджин урюком, изюмом, орехами.

Взял и рису, по дороге сварим плова, попируем. Я знал, на дальней стене амбара была дыра, сам ещё заделывал, вылез через неё, прихожу, а вы спите. Вы, мои светики, во сне разговариваете, оказывается... О доме своём говорили, об отце, матери... Спрятал я хурджин в хлеву, поскакал на осле к сестре. Всё, всё ей рассказал. И про ваши слова во сне. «Не плачь, брат, – говорит сестра, – сироткам я сама лепёшек испеку». Вот этот хурджин с лепёшками она дала и яичек этих варёных. В Табашарской чайхане позавтракаем от души.

Дедушка обернулся к моим младшеньким.

– Рабия, доченька, хочешь яичка?

– Хочу, – протянула руку Рабия.

– Ой, доченька моя, сейчас очищу.

Дедушка остановил своего осла, запустил руку в хурджин. Дал всем по паре яичек, потом обернулся назад, погрозил кулаком.

– Ты погоди, Акайим, я тебя ещё не так проучу! Я тебе в постель ежа запущу, вот увидишь!

К восходу солнца мы достигли кишлака Табашар, где плотно позавтракали в чайхане, сплошь обвешанной клетками с перепёлками. Немного отдохнув, тронулись дальше.

Интересно, что за человек дедушка Карлик? Может, в самом деле, как сказала жена, немного тронутый? Но сумасшедших разве так встречают, как встретил дедушку табашарский

чайханщик? Прямо не знал, куда усадить, постелил под него несколько шёлковых одеял, чай подавал в новеньких чайниках, да как заваривал?! Такого доброго, скромного, отзывчивого человека, как дедушка Карлик, поискать!

– Таким образом, мои светики, – говорит дедушка Карлик, – хлеб всему голова, а хлеб даёт работа. От работы никогда не отлынивайте, понятно?

– Понятно.

– Не будьте жестокими.

– Ладно.

– Старших уважайте, а младших защищайте.

– Хорошо.

– Не будьте ленивыми, хвастливыми, лживыми. Перед едой обязательно мойте руки. Вот эта девочка мне очень понравилась. Как тебя звали-то, дочь моя?

– Зулейха.

– Зулейха, хочешь стать моей невесткой, когда вырастешь? У меня много племяншей, шесть их у меня. Вот одного из них и женю на тебе. И эта девочка станет моей невесткой. Как-то тебя звали, дочь моя?

– Дильбар.

Дочь моя, Дильбар, отчего ты такая чёрная? Быть может, мать родила тебя возле очага и опалила огнём? Или об казан тебя измазала? Ну как, Аман-батыр, не заболела спина, сидя на осле?

– Заболела, – захныкал Аман тотчас.

– Хочешь орешков?

– Хочу, если поколете.

– Конечно, поколю, светик мой, конечно... Тебе тоже, уважаемый Усман? Может, светик, тебе и не давать? У тебя у самого нос как орешек, можешь съесть его, если хочешь. Ха-ха-ха!

Дедушка Карлик смеётся так заразительно, от души, что мы не можем не присоединиться к нему.

Так, смеясь, пошучивая, мы шли до темноты. В кишлаке Нимчуша оказались дедушкины родичи, ночь провели у них, на рассвете двинулись дальше. На обед сделали привал под большой развесистой чинарой. Дедушка усадил на колени Амана с Рабиёй, долго гладил им головы, ласкал. Потом наполнил их карманы изюмом и орехами.

– Будете есть по дороге без меня.

– Дедушка! – опешил я. – Вы же обещали довести нас до Коканда?

– Нет, светик, я теперь должен вернуться, – сказал дед Карлик, чуть не плача. – Я пастухом в колхозе, ушёл не спросясь, не знаю, как там обошлись без меня... Дальше вам будет легче... До Ходжента немного осталось. А Ходжент – это значит Хубджам. А Хубджам значит, что в тех краях собрались все добрые люди... Добрых людей везде полно, но здесь их больше. Бог даст, на улице не останетесь. Ну-ка, светики, обнимемся да попрощаемся. Молодцы! Ия, дочь моя, почему у тебя на глазах слёзы? Если ты заплачешь, то и я заплачу.

Не успели мы пройти и двадцати метров, как раздался дедушкин окрик: «Стойте!» Подскакал к нам, снял с пояса платок, протянул мне:

– Погода что-то портится, кому-нибудь уши завяжешь...

Метров через двадцать опять раздалось:

– Стойте!

На сей раз дедушка снял с себя чапан, передал Аману.

– Ростом мы одинаковы, надень ты. Если братья попытаются выманить – не отдавай, хо-хо-хо! Ну, ладно, прощайте теперь, светики. Да убережёт вас аллах!

– Прощайте, дедушка! Мы никогда не забудем вас!

– Эй, подождите-ка, светики! На вашем осле далеко не уедешь, обменяемся ослими. Ссаживай своих, ссаживай, тебе говорят! – зачем-то топнул ногой дедушка Карлик.

– Дедушка, но ведь вы сами замучаетесь! – зашумели мы.

– Цыц! В амбаре у меня семь мешков сушёного урюка, если доживу до весны, четырёх таких лопоухих куплю!.. Ну-ка пересади своих голопузых, вот так, молодец!

Мы шли, всё оглядываясь назад. Будто душа наша осталась под развесистой чинарой, а вперёд плетутся только наши пустые тела. Пока мы ехали на нашем ослике, собачка ковыляла за нами, но, как только он отстал, пес, не раздумывая, кинулся обратно.

... Шли мы ещё то ли пять дней, то ли шесть, точно не помню. Была полночь, когда мы, едва передвигая ногами, полуживые, вступили в родной кишлак.

Тётушка Тухта долго не могла поверить своим глазам, щипала себя, мотала головой, чтоб избавиться от наваждения, потом вдруг закричала:

– А куда дели дедушку?

Оказывается, в кишлак приходил милиционер, приезжала та учительница, которая усыновила Усмана с Аманом. Три дня назад Парпи-бобо и дядюшка Разык уехали в Ташкент, полные решимости разыскать нас живых или мёртвых. А что касается нашего без вести пропавшего Султанбая, то он давным-давно прибыл в кишлак.

– Разбудить его? – спросила Тухта-хала.

– Нет, сам разбужу! – Я вскочил, позабыв обо всех своих горестях и усталости. – Я его буду дубасить, пока не вымещу всю досаду, потом разбужу! Нет, разбужу, потом буду дубасить, пока не вымещу досаду.

Часть четвёртая **РОДНОЙ КИШЛАК**

Как меня побили

Кишлак наш был всё тот же: рано утром освещался солнцем, ночью погружался во мрак, женщины судачили, ребятня дралась из-за ашичков. А самой большой и приятной новостью оказалось то, что тётя Русская работала теперь в нашей школе. Заведовала учебной частью и преподавала русский язык. Она привезла с собой из детдома двух детей: Закира по прозвищу Тыква и Розу по прозвищу Паникёрша. Мария Павловна отремонтировала заброшенный домик и поселилась там с детьми.

Парпи-бобо так и не смог покрыть долг, пришлось ему уступить Мели-ака внутреннюю часть своего дома и виноградник. В дом дедушки вселился сын ростовщика Джамал. Когда обворовали амбар, который сторожил ростовщик, все думали, что Мели-ака посадят. Потому что воры унесли много чаю, мыла, риса, четырнадцать мешков кукурузы. Но его никто не тронул.

Дядюшка Разык всё тот же – смешит всех анекдотами, а дома рваное одеяло да треснутый казан. Всё, что зарабатывает, отдаёт таким сиротам, как мы.

Мой самый близкий друг, Махмудхан, очень похудел, выглядел не лучше нас. Да и другие ребята тоже.

Отец через кого-то прослышал о смерти мамы, прислал пять писем подряд. Он писал, чтоб я до его возвращения держал в руках младшеньких, слушался советов дедушки Парпи, за помощью обращался к дядюшке Разыку.

Я думал, что после того, как мы перенесли столько страданий, прошли длинный путь и живыми-невредимыми вернулись домой, односельчане будут принимать меня как героя. Да куда там! Иные даже ругали, чего, мол, нам не хватало в детдоме: бесплатная еда, одежда, развлечения всякие, нет, чтобы жить да поживать! Были даже такие, которые хотели отвезти нас обратно, да, слава богу, Тухта-хала воспротивилась.

Осла дедушки Карлика мы обменяли на пуд пшеницы. К ней примешали три чаши проса и помололи. Думали, теперь горя знать не будем, глядь, муки-то этой на полмесяца едва хватило.

Прослышали, что Хашиму-ака с Речной улицы нужны балки. А хлев у нас построен совсем недавно, балки у него толстые, крепкие. Пересчитал, их оказалось ровно пятьдесят штук. Пошёл к дедушке за советом: «Продавать их или нет?» – «Делай как хочешь, своевольный ты мальчишка!» – заорал он на меня.

Совсем я перестал понимать дедушку Парпи. Поначалу он бил себя в грудь, говоря, что умрёт, а не отдаст нас в приют, а теперь только и знает, что корит меня да шпыняет: «Ну чего вы притащились, думали, бобо сам ест, вам жалеет давать! Что-то теперь, интересно, будете делать?!» Раньше он только и звал меня Верблюжонком и Жеребёнком, а теперь ничего, кроме Своевольного...

Хашим-ака оказался похитрее даже Мелиака. Он так надул нас, что я чуть не плакал от досады. Хлев он заставил разобрать нас самих. Пока мы не трогали хлев, он обещал за каждую балку дать по килограмму пшеницы. А когда дело было сделано, вдруг заявил, что мы зря старались, балки-то, дескать, подгнившие, зачем ему такие? Он, конечно, может купить, но за кило ячменя попросит по две балки. Что поделаешь, пришлось соглашаться.

Ячменная мука, оказывается, совсем непитательная. Испечём лепёшки, сварим похлёбку, съедим, а через полчаса опять голодные, как были. Через неделю мучной мешок был опять пуст. Хорошо хоть, дядюшка Разык с Марией Павловной сходили в военкомат, принесли бумажку, по которой из колхозного амбара стали отпускать нам по два килограмма кукурузы в неделю. Иначе, не знаю, что бы с нами было.

Наверное, голод озлобил моих младшеньких. Особенно неистовствовал Султан. Из Ташкента-то он, оказывается, бежал с тонким расчётом: на иждивении у дедушки Парпи и Тухты-халы будет жить он один. А тут заявили мы, и его паёк резко уменьшился, вот он и взбеленился. И Усмана с Аманом стал настраивать против меня.

Как-то сидел я возле очага, погружённый в раздумья. Размышлял я, если честно, над тем, что сытнее и на что уйдёт поменьше муки: на болтушку или пресные лепёшки. Смотрю, вдруг появляется Султан в сопровождении Усмана и Амана, подходит ко мне и грубо дёргает за плечо.

– Вставай и отвечай!

– Что отвечать-то?! – растерялся я.

– Когда отвезёшь нас обратно в детдом?

– Никогда! – резко бросил я. – Можешь ты понять или нет, мы должны поддерживать огонь в очаге отчего дома!

– Если нужен тебе этот огонь... то сам его и поддерживай. А нас отвези в детдом!

– Мама завещала, чтоб мы до возвращения отца все были вместе!

– Отвезёшь или нет? – наступал на меня Султан.

– Нет, нет, нет! – заорал я что есть силы. Не знаю, то ли им не понравился мой ответ, то ли они договорились заранее, во всяком случае, повалили они меня на землю и Давай колотить. Был я в те дни слаб, слабее любого из них, потому что меньше всех ел, чтоб им больше досталось, вот я и не мог оказать никакого сопротивления. И обиднее всего было то, что я несколько дней носился по улицам большого города, разыскивая этого неблагодарного брата. А

Усман с Аманом?! Мало ли я натерпелся, пока довёл их до дома?..

– Ой, брата бьют!.. – донёлся голос Зулейхи.

Они с Дильбар ходили собирать ежевник на рисовых полях, сегодня, видно, вернулись раньше обычного... Увидя их, Султан кинулся в открытое окно, следом за ним бросились Усман с Аманом.

– Ой, ака, акаджан!.. – плакала сестрёнка. – Что ж вы смотрите? Не могли сдачи дать?!

– Не надо, не плачь... – слабо улыбнулся я. – Это мы так... шутили.

Бригада насрединов

В один из вечеров колхозный сторож обошёл весь кишлак, сзывая людей на собрание, которое будет проходить в чайхане. Собрал я свой выводок, тоже пошёл. Пришли, а там народу видимо-невидимо. Большею частью мои ровесники, ровесники Зулейхи и Усмана.

Они приволокли с собою ещё кучу детворы. Видно, надеялись, что после собрания покажут кино.

– Что тут будет-то? – поинтересовался я у Хайита Башки.

– Кто его знает?! Может, хлеб будут раздавать.

– Ври больше, Башка! – сказал Акрам. – Сегодня будут создаваться боевые бригады.

Знаток, как всегда, всё знал.

– Для войны, что ли? – не поняли мы.

– Нет, на поле будет война, – несколько туманно ответил на сей раз наш Знаток.

Когда шум в чайхане стал невыносим, наконец на пороге появился раис-ака. Как всегда, его сопровождала мать, Хайри-хала. Поговаривали, что наш председатель ни один вопрос ещё не решил самостоятельно. Все собрания проводил, усадив её рядом, беспрекословно выполнял всё, что она приказывала. Люди больше побаивались Хайри-халу, чем самого председателя. Во время басмачества, говорят, она была разведчицей. Под паранджой пробиралась в самое логово бандитов, разузнавала их боевые секреты. Ходили слухи, что, когда с бандами было покончено, самый главный красный командир подарил ей именной бесшумный пистолет.

– Ну-ка прекратите шум! – позвенел в колокольчик председатель.

Наступила тишина. Дядюшка Машраб оглядел всех присутствующих, потом поинтересовался:

– Вся эта детвора нашего кишлака?

– Нашего! – ответили ребята.

– Где ж вы скрывались до сих пор?

– В зарослях! – сострил Акрам Знаток. Машраб-ака, видать, не знал, с какого конца приступать к делу, заулыбался, почесал затылок. Бросил взгляд на Хайри-халу, сидевшую у самого председательского стола в окружении инвалидов, вроде дядюшки Разыка, откашлялся.

– Такое, значит, дело, ребята! – закричал он вдруг. – Война в самом разгаре. Хоть мы и прогнали подлого врага за пределы нашей Родины, он ещё силён. Войне по-прежнему нужны и зерно и хлопок... Правильно я говорю?

– Неправильно! – вскочил с места Хайит Башка. – Снарядами-то никак не уничтожить этого фашиста, а что ему сделается от нашего хлопка, лёгкого, как пушинка?!

– Ты сиди и помалкивай, болтун! – обозлился раис-ака. – Отцы наши и братья, которые выращивали зерно и хлопок, сейчас на фронте. Мы с вами, ребята, должны занять их места, верно я говорю?

– Верно-о! – закричали детишки отовсюду.

– Матери наши и сёстры совсем из сил выбились. Им нужно помочь.

– Я, например, не умею коров доить, – горделиво сообщил Акрам Знаток.

– Неправда! – поднял руку Карабарот. – Врёт он всё! Он умеет и корову подоить, и заплатку поставить на штаны, только признаваться не хочет!

Все присутствующие дружно засмеялись. Раис-ака тоже потряс маленько кругленьким, как арбуз, животом, потом вдруг грохнул здоровой рукой по столу:

– Ти-х-ха!

Смешочки испуганно оборвались. Председатель рассказал, что в соседних кишлаках молодёжь создала фронтовые бригады и бригады эти показали на колхозных полях примеры настоящего боевого героизма. Он сказал, что правление нашего колхоза вынесло решение создать такие бригады и у нас, в Афанди кишлаке, то есть, извините, в Большом Тагобе.

В тот день были созданы две фронтовые бригады, по двадцать человек в каждой. Начальником нижнемахаллинской бригады назначили дядюшку Турана. Среднемахаллинскую возглавил Разык-ака, преподаватель военного дела. Нашу бригаду тут же прозвали бригадой «афандистов». Мы не возражали, но тут же дали прозвище нижнемахаллинцам – плаксы. Потому что их бригадир, дядюшка Туран, как только выпьет сто граммов, начинает плакать.

Нам выделили по пятнадцати гектаров земли, по паре волов и, с уговором пользоваться поочерёдно, коня с арбой.

– Возчиком буду я! – заявил Хайит Башка, вытягивая шею, чтоб казаться выше других.

– Ишь ты, захотел! – тут же возразил Акрам Знаток. – Сам в жизни на осла не садился, а захотел на коне разъезжать. Возчиком буду я, вот что!

За арбу, которая будет в нашем распоряжении десять дней в месяц, спор шёл – дай бог, а вот охотников пахать на волах что-то оказалось маловато. Хорошо, нас выручил дядюшка Разык. Он заявил, что пахота – дело серьёзное, с ней нельзя шутить, пропашешь кое-как, на разной глубине – и шиш получишь урожай. Давайте попросим Парпибобо заняться этим делом.

Дедушка сразу согласился. Видно, ему до смерти надоело сидеть в сырой клетушке и ткать бязь, которую всю целиком забирал Мели. Только дедушка Парпи выдвинул условие: записывать ему в день полтора трудодня. Иначе, мол, никак не рассчитаться за пушку. Мы согласились.

– Завтра на рассвете собираемся под Кривой урючиной, – сказал дядюшка Разык, распуская нас. – Принесите с собой кетмени и носилки.

Дело началось с... анекдотов

На следующий день утром мы собрались под древней могучей Кривой урючиной. Глядел я на наших ребят и радовался: голодные, кое-как одетые, а готовы горы свернуть. Из нашего двора на работу вышли четверо: Зулейха, Дильбар, Султан и я. Подошёл, засучив рукава и выпятив грудь, Хайит Башка. Махмудхан приволок огромный отцовский кетмень. Этот человечек сам хрупкий такой, а работать умеет как вол. Появились Акрам Знаток, которому попадись только на язык, братья-близнецы Дилиджан с Кулиджаном, широкоплечий, медлительный Карабарот, приёмные дети тёти Русской – Роза, которая хотя не видит разницы между кетменём и лопатой, но готова работать до смерти, Закир Тыква... Нет, вы можете говорить что угодно, но члены нашей бригады – ребята мировые, мы ещё покажем себя!..

– Хош, бойцы, с чего начнём дело? – спросил дядя Разык.

– С афанди, конечно, – откликнулся Акрам.

– Ты в своём уме?! – возмутился бригадир. – Что мы весной будем сдавать в приёмный пункт: хлопок или анекдоты, как ты считаешь?

Ну и что, сдадим и анекдоты.

Верно, верно, расскажите сначала анекдот!

Иначе не будем работать.

– Объявляем забастовку! – зашумели ребята отовсюду.

Разык-ака поначалу разозлился вроде, лицо его посуровело, покрылось пятнами, но потом он вдруг рассмеялся, махнул рукой.

– Шайтаны вы, а не дети. Ладно, слушайте, раз уж вам так хочется анекдот. Ходжа Насреддин в детстве был таким же хитрецом, как наш Акрам. Пошёл он однажды в помощники к мулле. Уходя на молитву, мулла оставил на подносе четыре слоёные лепёшки и чашку мёда. «Смотри, сын мой, – предупредил он Насреддина, – ничего не трогай. Всё, что на подносе, – яд». Как только хозяин ушёл, Ходжа вчистую подмёл и мёд и лепёшки. Вскоре мулла вернулся и хватился своего ужина:

«Где тот яд, что был в чашке?» «Я случайно разбил чернильницу и, боясь наказания, решил умереть до вашего возвращения, вот и съел тот яд».

Не успели мы отсмеяться, дядюшка Разык напустил на себя серьёзность и заговорил официальным языком. Видно, испугался, что мы ещё анекдота потребуем. Он сказал, что правление колхоза доверило нам большое серьёзное дело и что мы должны оправдать это доверие и снять со своего участка самый большой урожай, какой только возможно.

Для этого мы обойдём все дворы кишлака и заготовим навоз для удобрения полей. На каждый гектар земли потребуется около пятидесяти центнеров навоза, иначе хорошего урожая нам не видать как своих ушей.

– Ой, – сказала Роза, поморщившись, – навоз-то, он вонючий, не передастся ли его запах хлопку?

– Мы заткнём тебе нос ватой, красавица! – тотчас откликнулся Хайит Башка.

Закир Тыква воспринял это как оскорбление сестры. Он помахал кулаком:

– Смотри, чтоб сам носом землю не пропахал!

Дядя Разык так посмотрел на мальчишек, что оба вмиг успокоились.

Бригаде нашей табельщик не полагался, но кто-то должен был отмечать ежедневно, кто вышел на работу и сколько наработал.

– Ну, кто этим будет заниматься? – спросил бригадир.

– Конечно, Ариф! – зашумели ребята. – Он честный, правдивый парень да и мастер анекдоты рассказывать.

– Хорошо. А кого изберём поваром?

– Зулейху, Зулейху, – проголосовали все.

Дядюшка Разык ещё один вопрос выдвинул на обсуждение. Колхоз, оказывается, выделил нам дойную корову. Сможем ли мы управиться с нею, спросил бригадир.

Сможем, сказал я и согласился взять корову под свою ответственность. Усман с Аманом будут кормить её, ухаживать за ней, а там, глядишь, за труды перепадёт им стакан-другой молока.

Битва за высокий урожай

Не зря, видать, говорят, что радость живёт рядом с неприятностью. Наутро, выйдя на улицу, мы обнаружили, что весь навоз, натасканный нами вчера, исчез. Мы уж подумали, не забрали ли его обратно хозяева, но те клялись и божились, что не трогали. Через полчаса стало известно, кто украл наш навоз. Арба в эти дни находилась в распоряжении «плакс», вот они и не ложились спать, пока не перевезли наше удобрение на свой участок.

– Эй, Многодетный! Ты табельщик у нас или кто? – подступил ко мне Акрам Знаток.

- Сам ведь вроде голосовал за меня.
- В таком случае ты должен болеть за свою бригаду.
- А я не болею?
- А что ты тогда молчишь?
- Что я могу сделать, скажи сам.

Акрам посвятил меня в тайну. Оказывается, наши ребята уже сговорились эту ночь не спать, перетаскать навоз обратно на свой участок.

- Ты согласен? – испытующе оглядел меня Акрам.
- Ещё как! – воскликнул я.
- Ты возьмёшь у Парпи-бобо осла, хорошо?

Я кивнул.

– Прихвати с собой и Султана. Он парень крепкий, ему только тяжести и таскать. Но девчонки ничего не должны знать, понятно?

– Понятно.

В ту ночь мы потрудились на славу. К утру перетаскали весь навоз и сочли, что вопрос исчерпан. Но не тут-то было, оказывается... Однако расскажу всё по порядку.

День у нас прошёл нормально. Мало свою работу сделали, ещё помогли разобрать дувал дедушке Эсану, а землю вынесли на улицу. После этого разошлись по домам.

Только собрался лечь спать, слышу, кто-то зовёт.

- Ариф-ака-а! – Я узнал голос Юнуса, самого младшего члена нашей бригады.
- Чего тебе?
- Идите сюда!
- Да иди сам!

– Не могу, я с грузом. Выяснилось, Юнуса послали на мельницу.

Он проходил мимо нашего участка и увидел, что «плаксы» тащут наш навоз обратно к себе.

Я припустил к Акраму Знатоку. С ним уже побежали к Хайиту Башке. Не прошло и получаса, собрались все наши четырнадцать бойцов, вооружились палками и понеслись к участку защищать нашу гарантию высокого урожая.

«Плаксы» и вправду, как муравьи, растаскивали нашу навозную кучу: кто наполнял мешки, кто – ведра. Эти олухи, оказывается, даже часового выставили, которого мы, правда, устранили без излишнего шума: связали руки-ноги, рот заткнули кляпом.

- Бросайте навоз! – скомандовал я, когда мы окружили «плакс» плотным кольцом.
- Ещё что! – откликнулся запыхавшийся Бурда. – Навоз этот колхозный.
- Бросайте, говорят вам!
- Не бросим!

Вот с места не сойти, я вовсе не хотел драки. Но они сами напросились.

– Смерть навозным ворам! – заорал я вдруг вне себя.

– В бой за высокий урожай! – скомандовал Миян Бурда, табельщик «плакс». Ну тут пошло-поехало. С полчаса шла баталия с переменным успехом. Но, к счастью, у нас были такие отъявленные драчуны, как Султан и Карабарот.

- Ариф, давай на этом покончим! – взмолился наконец «вражеский» табельщик.
- Будете ещё трогать наш навоз?
- Нет.
- Поклянись!
- Клянусь!

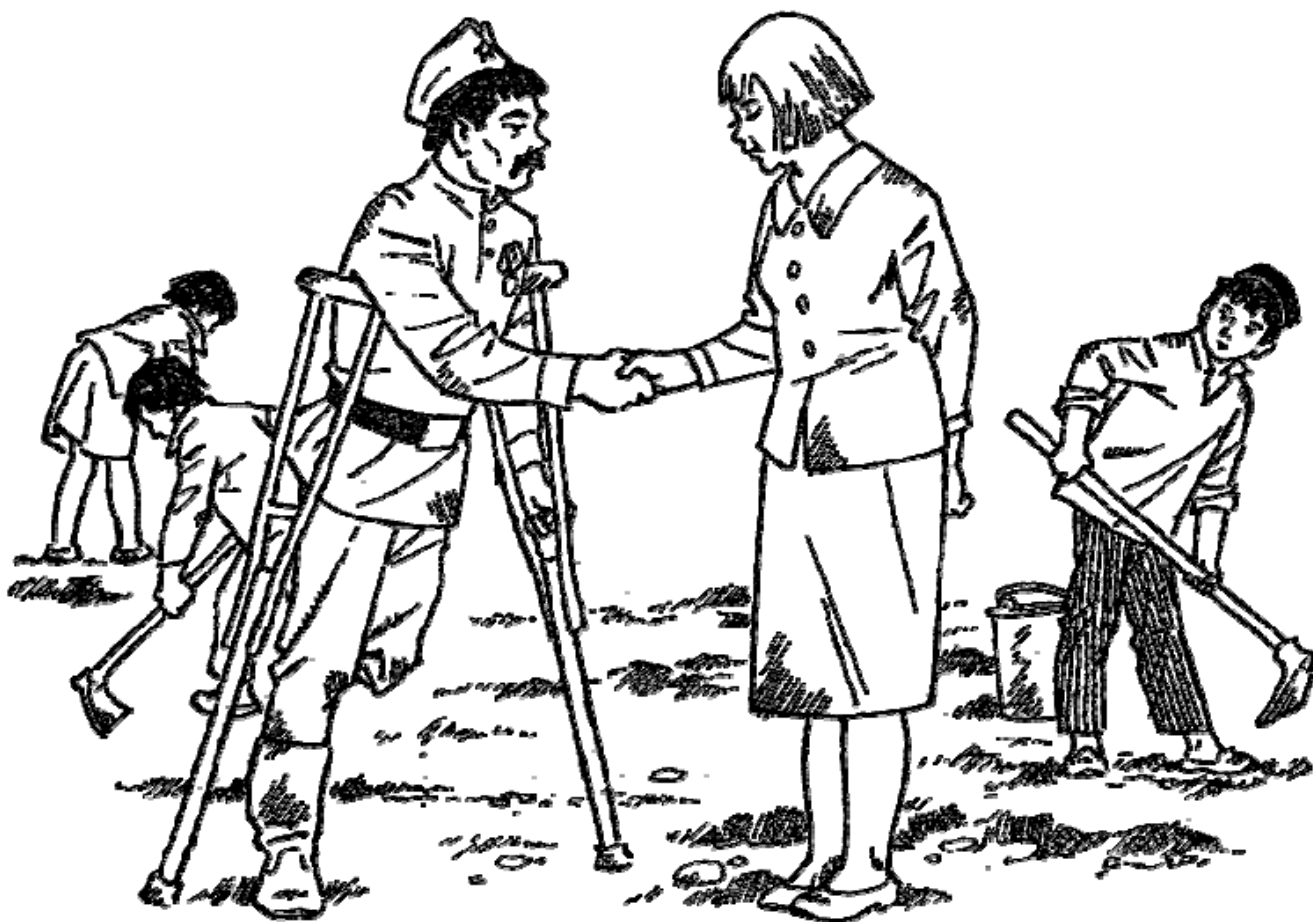
Таким образом, навозная кампания длилась дней десять. На свой участок мы натаскали со смехом и шутками двойную норму местного удобрения. Раис-ака был доволен нами, наградил

нас тремя килограммами говядины.

Три пары сапог

Мария Павловна каждый день приходит в нашу бригаду, в обеденный перерыв читает газеты, знакомит нас с положением на фронте. А когда мы опять начинаем работать, садится рядышком с дядюшкой Разыком и секретничает.

Сегодня тётя Русская заявила к нам принаряженная и надушенная, как на свадьбу. И опять после обеда уединилась с бригадиром в сторонке. Дай, думаю, разнюхаю, о чём они беседуют так сладко. Ни о чём особенном они не говорили. Тётя Русская упрекала бригадира в том, что он сильно загружает нас.

– Пусть дети полдня работают, а полдня учатся, – предлагала она.

Дядя Разык не соглашался.

– Не вмешивайтесь, пожалуйста, – говорил он, – в мои дела!

– Ещё как буду вмешиваться, – разозлилась вдруг Мария Павловна. – Государству нужны образованные люди.

– Сегодня государство требует хлопок, побольше хлопка!

– Вначале школа, потом хлопок! – вскочила на ноги тётя Русская.

– А я говорю: вначале хлопок, а потом школа! – с трудом поднялся дядюшка Разык.

Вот они сблизались, точно сейчас насмерть сцепятся, уставились друг на друга. «За кого же мне заступиться, если произойдёт драка?» – подумал я, но ничего такого не произошло. Бригадир и учительница долго глядели друг на друга, и во взглядах их было что-то такое, чего я ещё никогда ни у кого не видел.

– Оббо, Мариямхон, – неожиданно рассмеялся дядюшка Разык, – вы упрямы, как тысяча русских.

– Я и есть русская! – засмеялась Мария Павловна.

На том они и помирились. Тётя Русская пообещала довести число членов нашей бригады до сорока. Двадцать человек будут работать до обеда, двадцать – после обеда. Тогда все мы сможем и учиться и работать.

– Договорились? – протянула руку Мария Павловна.

– Какие у вас мягкие руки, – сказал дядюшка Разык вместо ответа, покраснев как свёкла.

В тот день тётя Русская до вечера пропадала в нашей бригаде. Помогала своим приёмным детям – Закиру Тыкве и Розе, которая так натрудила руки, что не могла держать кетмень. Поужинав, мы отправились в правление колхоза на собрание. В чайхане, которая служит и клубом, было уже полно народу: шумной ребятни, болтливых старух, женщин с детьми, смешливых девок. В помещении стоял гул голосов. Прислушавшись, можно было уловить такие разговоры:

– Дильбар, письма есть от мужа?

– Ох, уже три месяца ни весточки.

– От моего тоже ничего.

– Лишь бы живы-здоровы были!

– Не слышали, один бекабадец без обеих ног вернулся с фронта?

– Слышала. Говорят, жена его на руках носит, как младенца.

– Парпи-бобо, на базар не ездили?

– Ездил, сынок.

– Какие там цены?

– Дороговизна, сынок.

– Слышали новость?

– Какую?

– Вчера в Яйпане говорили, дедушкина пушка в обратную сторону стреляет.

– Ври побольше!

В самый разгар толков в чайхану вошёл председатель, как обычно, в сопровождении матери. Хайри-хала присоединилась к женщинам, без устали обменивающимся новостями, Машраб-ака поднялся в президиум, позвенел колокольчиком, а когда шум стих, обратился к сторожу:

– Все собрались, Урзак-бобо?

– Все как есть! – доложил тот.

– А малышня тут зачем, или я с ними в лапту буду играть?

– После собрания можно в «Верхом на осле»! – тут же встрял Хайит Башка. Никто не успел засмеяться – раис-ака яростно затряс колокольчиком.

– Тих-ха! Товарищи, наши джигиты там, на фронте, бьются не на жизнь, а на смерть... А мы с вами до сих пор не начали пахоту. До сих пор. Арыки и зауры⁴⁷ не чищены...

С места не спеша поднялся Парпи-бобо.

– Дай-ка мне сказать, Машраб. Насчёт чистки арыков и зауров ты можешь не торопиться, сын мой. Земля ещё мёрзлая, время терпит. Ты ответь мне вот на какой вопрос, Машраб...

– Какой там ещё вопрос? – нетерпеливо спросил раис-ака.

– Люди говорили, что получены четыре ящика хозяйственного мыла. Куда они подевались, а?

– Проданы.

⁴⁷ Заур – водоотводная канава.

– А? – направил ухо на председателя дедушка.

– Продали, говорю. На вырученные деньги купили жмых для волов.

– Товба, – удивился Парпи-бобо. – Ну ладно. А куда делись триста метров ситца? Почему их не распределяете среди колхозников? Ты видишь, Машраб, как люди одеты? Заплата на заплате...

– И ситец пустили на продажу.

– А?!

– Да, продали, чтоб купить мельничный жёрнов.

Среди людей поднялся ропот, все заговорили разом. Раис позвенел было в колокольчик, но шум стал громче. Тогда с места встала Хайри-хала:

– Эй, мусульмане, послушайте!

Вмиг наступила тишина. Даже Парпи-бобо испуганно съёжился, виновато опустил голову. Хайри-хала пристально оглядела всех присутствующих, потом заговорила:

– В распоряжении нашего колхоза всего лишь один трактор да несколько пар волов. А земли у нас, слава аллаху, четыреста гектаров. Сможем ли мы вспахать её всю на голодных, хилых, немощных волах? Нет, конечно. Что касается жёрнова... кто считает, что мы обойдёмся без мельницы, куда бегаем через день, пусть тот встанет с места!

Никто, конечно, не осмелился встать. Дело было ясное. Нельзя без сытых волов, без мельницы тоже.

– Товарищи! – крикнул раис. – Товарищи колхозники! Собрание считаю открытым.

Раздались аплодисменты. Это в основном тешились детишки и мои ровесники, почувствовавшие себя взрослыми. Председатель зазвенел колокольчиком.

– Ладно, – махнул он рукой, – не будем избирать президиум, чтоб не терять время, согласны?

– Согласны! – заорала ребятня.

– На повестке дня один вопрос. Никто не возражает?

– Мы не против.

– Тогда, товарищи, перейдём к этому вопросу. Колхоз наш получил три пары кирзовых сапог. Сегодня мы должны распределить их между собой. Никто не против? Тогда слово для доклада предоставляется мне... Парпи-бобо, чему вы там ухмыляетесь, или я вам анекдоты рассказываю? Так... товарищи, из районной потребительской кооперации получены три пары сапог. Я предлагаю одну пару из них передать бригадиру Усману, который всю зиму не вылезал из воды, промывая засоленные участки земли. Вторая пара, считаю, причитается мне как вашему председателю. А вот кому достанется третья, решать вам...

– Дядюшке Разыку! – заорали члены нашей бригады.

– Дяде Турану! – загалдели «плаксы».

– Хорошо! – вскинул руку председатель. – Третья пара сапог выдаётся двум бригадирам-инвалидам молодёжных боевых бригад – Разыку и Турану. Никто не против.

Люди расходились с собрания расстроенные. Созвал общее собрание ради каких-то трёх пар сапог из свиной кожи, морочит нам головы, ворчали одни. Тебя-то, дурака Машраба, давно следовало прогнать с должности, говорили другие, да очень уважаем твою маму. был безмерно счастлив. То ли потому, что стал членом колхоза и имел право наравне со взрослыми голосовать на собраниях, то ли потому, что рядом со мной шагала Дильбар, которая день ото дня становилась мне всё роднее и ближе. Дильбар, если хотите знать, и к младшеньким моим относится очень хорошо. Когда мы прибыли из Ташкента, Мария Павловна хотела забрать её к себе, так она не согласилась.

– Никуда я не пойду, – заявила Дильбар, – голодные ли, сытые ли, мы будем всегда вместе.

Теперь она тоже колхозница, зарабатывает в день чашку супа и две лепёшки из джугары, половину несёт в дом, моим младшеньким.

– Дильбар, о чём ты думаешь?

– Не знаю... а вообще, о многом. О вас тоже.

– А что ты обо мне думаешь?

– Трудно вам приходится. Тётушка Тухта как-то сказала, что вы уже в старичка превратились... Ариф-ака, дайте слово, что с сегодняшнего дня не будете так надирать, выработать две нормы, ладно?

– Да.

– Ариф-ака, что-то скажу, никому не скажете?

– Нет.

– Дядюшка Разык и Мария Павловна хотят пожениться.

– А ты откуда знаешь?

– Сегодня женщины говорили.

В кишлаке шайтан появился

Весной такая голодуха началась, что люди едва держались на ногах. Колхозный амбар был так же пуст, как наши хлебные ящики. Нам перестали выдавать кукурузу. Держались на том, чем кормили нас в поле. Султан было опять взбунтовался, требуя пищи посытнее и побольше, грозя иначе распродать дом по брёвнышку, но потом почему-то притих. Как раз в эти дни поползли слухи, что в кишлаке нашем появился шайтан с детёнышем. Он будто бы похож на длиннорогого козла с длинным хвостом, у него четыре глаза, и все четыре светятся огнём, играючи перепрыгивает через заборы, пускается в пляс под окнами, лазит по кухням, вылизывая казаны дочиста, и вместо бывшей в нём похлёбки наливает пустой воды, а коли обнаружит в ящике хлеба, то превращает их в обыкновенные кизяки.

Однажды он появился у нас во дворе, играл своим аршинным хвостом, в другой раз светил четырьмя глазами в развалинах хлева. Мы до того стали бояться, что не ложились спать, пока к нам не придут Парпи-бобо с тётушкой Тухтой.

Но Султану с Усманом на эти страхи было наплевать.

Вот и сегодня они исчезли с вечера. Тухтахала принесла несколько плодов айвы, раздала младшеньким, села пряхь. Зулехя с Дильбар помогли ей – изготавливали ровницы: куски ваты, слегка скатанные валиком. Тётушка сказала, что полезно это дело – пряхь на прялке. Руки и ум отвлекает и прибыли даёт.

– Тогда, тётушка, научите и меня пряхь, – потребовал Аман.

Тухта-хала засмеялась, сказала, что не мальчишечье это дело, покопалась в карманах безрукавки, выудила четыре сушёные урючины, вложила в ладошку Амана.

Я затеял с Аманом и Зулеххой игру в «Падишаха и визиря»⁴⁸. Через один ход Аман стал падишахом, а Зулехха визирем.

– О всемогущий падишах, разрешите донести до ваших ушей, что мною пойман вор, – доложила Зулехха смиренно.

– Кто сей человек? – грозно нахмурился «падишах».

– Человек по имени Дильбар.

– Что же она украла?

– Немного сена из вашей конюшни.

⁴⁸ Падишах и визирь – царь и советник.

– Какое же ей наказание предлагаете, мой визирь?

– Как прикажете, мой всемогущий.

– Пусть проржёт нам как лошадь, – приказала его светлость «падишах».

Дильбар приготовилась проржать лошадью, как вдруг кто-то громко забарабанил в дверь.

– Султана вашего убивают! – раздался крик.

Мы со всех ног бросились на улицу. У калитки стоял Хайит Башка.

– Вы что, глухие, не слышите? – заорал он.

Мы прислушались. Со двора Мели-ростовщика доносились детские крики, мужские ругательства. Полураздетые, насмерть перепуганные, мы понеслись туда.

У Мели-ака было полно народу. К старой груше, росшей посреди двора, привязаны Султан с Усманом. Одеты они оба в кое-как сшитые из козьей шкуры шубы, шерстью наружу, на ногах чарыки тоже из козьей шкуры! Так вот куда подевались шкуры, валявшиеся в амбаре. Они исчезли дней десять – пятнадцать назад, я всё удивлялся, куда они подевались, а потом, решив, что Султан, наверное, выменял на что-нибудь съедобное, махнул рукой. А дело, оказывается, вон куда повернуло!..

Лица моих братьев были в ссадинах, по лбу Султана текла кровь. Я дико закричал и кинулся к ним. Дорогу мне преградил старший сын ростовщика, Джамал.

– Пока не прибудет милиция, они будут на привязи! – кричал он, стегая моих братьев камчой.

Сам Мели, как герой, пленивший на поле боя двух врагов, горделиво рассказывал:

– Позапрошлым вечером, когда мы с женой только собрались поужинать, с треском распахнулась дверь, и в комнату вошёл шайтан с детёнышем. Мы с женой так перепугались, что забились под сандал, читая отворотную молитву. Через полчаса осмелились высунуться из убежища. Шайтанов не было. Но в казане вместо жирного плова плескалась холодная вода.

Сегодня в доме тоже готовился плов, в честь пятницы, священного дня у мусульман. Только накрыли казан чашкой, чтобы плов дошёл на собственном пару, как под окном опять появились черти. Они прыгали, визжали, махали хвостами. «Ну нет, шиш вы сегодня получите, а не плов», – разозлился я, сорвал со стены ружьё и выскочил во двор.

«Не стреляйте!» – испугался детёныш-шайтан.

В это время прибежали мои сыновья и схватили чертенят...

Ими оказались два моих брата.

– Мели-ростовщика и шайтан не проведёт!

– Сам он любого шайтана надует!

– Ну, съели бы мальчишки чашку плова, обеднел бы, что ли, Мели? – переговаривались меж собой собравшиеся. Но никто не осмеливался подойти и освободить пленников, до того устрашающим был вид сыновей Мелиростовщика. К счастью, во дворе появился дядюшка Разык. Видно, он уже знал, что здесь случилось. Он дрожал от ненависти, глаза горели.

– Кто привязал детей фронтовика? – хрипло спросил он.

Мели что-то залепетал, но Разык-ака взревел, не слушая его:

– Кто привязал детей, я спрашиваю?!

– Это не дети, а воришки. Пойманы на месте преступления, – отрезал ростовщик.

– Это ты сам вор.

– Что-о?

– Это ты вор и мошенник! – повторил дядюшка Разык.

– Что? Что ты сказал? – пошли сыновья Мели на нашего бригадира.

– Ты, Мели, вор и есть. Кило зерна продаёшь в пять раз дороже.

– Я весь кишлак кормлю, Разык, опомнись!

– Нет, ты грабишь весь кишлак, недоносок!

– Без меня вы все бы сдохли с голоду, бессовестный!

– Прочь от меня, негодяй! Башку разобью! – Дядюшка Разык оттолкнул от себя костылём ростовщика. – А твои сыновья – дезертиры, понял?

– Думай, о чём говоришь, Разык. Их само государство признало негодными к службе.

– Знаем, справки липовые достали. Больные, оказывается, бедняжки! Бесстыжие вы, вот кто! Двадцать четыре года были здоровыми, а теперь вдруг заболели, да, Джамал? А ещё на государство кивают! Ариф, прекрати хныкать, тащи сюда карандаш и бумагу, будем акт составлять! Этих негодяев я сам разоблачу! Попомни, Мели, наше государство не спустит тебе за то, что привязал к дереву, как баранов, сыновей гвардии сержанта Мирзапалвана Ахмедова! Вы поглядите, а, Ахмедов там на фронте кровь проливает, а этот несчастенький сторож амбара каждодневно жирный плов жрёт! А ты подумал, что эти детишки всегда голодны? С голодухи и пошли на такое дело... Да если есть у нас в кишлаке шайтан, то это ты, Мели! Тебя будет

судить военный трибунал, понял?

Заслышав слова «военный трибунал», Мели-ака затрясся как осиновый лист, сыновья тоже, видать, наложили в штаны – быстренько развязали пленников, принялись заботливо вытирать кровь с их лиц. Ростовщик бочком-бочком приблизился к нашему бригадиру.

– Разыкбай, может, ты хватил лишнего, что-то разгорячился очень... Давай присядем, Давай, давай, вот так, эй вы, принесите-ка нам чаю... Если по-честному, я, Разык, хотел только припугнуть этих пострелов, а там отпустить восвояси, вручив несколько килограммов зерна. Давай не будем таить друг на друга зла...

Дядюшка молчал, тяжело дыша, хмурился, слушая льстивые речи Мели-ростовщика.

Утром следующего дня Султан с Усманом исчезли. Мы с дядюшкой Разыком перевернули вверх дном весь кишлак – братьев моих нигде не было.

Через неделю они обнаружили в Кокандском детдоме. Мы с дядюшкой Разыком срочно поехали к ним.

– Почему вы сбежали? – чуть не плакал я.

Султан долго молчал, опустив голову, потом тихо прошептал:

– Мы убежали от стыда...

– Как теперь, вернёмся домой?

– Я не вернусь, – ещё ниже склонил голову Султан.

– А ты? – повернулся я к Усману, который всё прятал от меня глаза.

– Да говори же, язык, что ли, проглотил?! – разозлился дядюшка Разык. – Некогда нам, ехать пора, ночь наступает.

Усман несмело шагнул ко мне, прижался лицом к груди, тихо плача.

– Ака...

– Не плачь, говори, поедешь домой?

– Ака, мне здесь хорошо. Я останусь... Так два моих брата остались в Кокандском детдоме.

Скандал

Полевые работы в те дни были в самом разгаре. Земля как раз поспела настолько, что не зевай, успевай оборачиваться. В бригаде нашей сорок кетменей и пара волов. Каждому кетменщику досталось по четыре сотки земли, пусть обрабатывает как хочет. Но заявился раис-ака со своей мамашей и всё перестроил. Он велел вначале обработать общими усилиями одну карту, потом переходить на другую. Так будет плодотворнее, сказал он. Ещё он посоветовал ночевать на поле, пока не обработаем всю землю.

– Можете работать и при свете луны, я не против. Поработаете на совесть, я вам жирного барашка зарезу, – пообещал председатель.

Мы подмели, подремонтировали заброшенную халупку Узака Чокнutoго, перебрались туда с ночёвкой. Деваться некуда, я взял с собой и младшеньких. Дядюшка Разык, Парпи-бобо тоже ночевали с нами.

В одном я точно убедился в те дни: если земля к севу поспела, кетмень острый, а вокруг весёлые, добрые друзья, никакая работа нипочём, усталости-то и не почувствуешь. Как только выйдем на поле, возьмём в руки кетмени, Хайит Башка кричит задорно:

– Кто отстанет ото всех, того исключим из бригады!

– А кто кое-как вскапывает, пусть тот до старости не женится! – не удерживается Акрам Знаток.

Сорок кетменщиков, каждый работает по-своему. Акрам, Хайит, Махмуджан, братья-близнецы Дилиджан да Кулиджан – те мастера своего дела. Машут кетменями не спеша,

как бы даже лениво, но берут землю на всё лезвие кетменя, ровно. Приёммыш Марии Павловны, Закир Тыква, по-видимому, кетмень-то увидел впервые у нас, в Большом Тагобе. Он держит кетмень за самый кончик черенка, спина прямая как палка, метит в одно место, а попадает в другое. Мы побаиваемся, как бы он себе ногу не оттяпал.

– Кетменём работать – это махать да махать! – вдруг кричит кто-нибудь.

– На волах пахать – туда-сюда гулять! – откликается другой.

– Тесто месить – душу тешить! – сочиняет третий.

Раздаётся смех. И опять слышны только удары кетменей, шумное дыхание. За нами идёт по пятам дедушка Парпи, боронит землю, чтоб она не успела подсохнуть.

В течение пяти дней (и можно сказать, ночей) мы вспахали свой участок, подготовили его к севу. Оставалось вычистить арыки, выбрать прошлогоднюю гузапаю⁴⁹, чем мы и занимались, когда вдруг на поле появился Мели-ака. В руках он держал большой свёрток.

– Разыкбай! – издали закричал ростовщик. – Я пришёл с тобой мириться, вот здесь всё для плова. Давай забудем ту неприятную историю.

В свёртке оказались рис, морковь, лук, свежая баранина, курдючное сало. Дядюшка Разык молчал, задумчиво глядя вдаль.

– Я вижу, твои богатыри работу тут заканчивают, – весело продолжал Мелиака. – Может, дашь команду, чтоб они и мой виноградник вспахали?

– А у вас, кажется, не было виноградника? – всё так же задумчиво спросил бригадир.

– Это мне дядя Парпи подарил: и виноградник свой, и огород, – пояснил ростовщик.

⁴⁹ Гузапая – кусты хлопка, с которых снят хлопок.

Парпи-бобо видеть его не может, издали заметит, начинает дрожать, как горячий скакун перед скачками. Коли сойдутся вместе, Дело не обходится без ссоры или хотя бы без взаимных оскорблений. Вот и сейчас. дедушка отвёл волов в сторону, подбросил им сена, подошёл к Мели-ака. Взял щепотку риса из узла, долго мял его на ладони, потом вдруг встрепенулся, взглянул зорко на ростовщика.

– Мелиджан, где же вы такой хороший рис достали, сосед?

– С довоенной поры сохранилось малость, – отчего-то побледнел вдруг Мели. Дедушка Парпи, конечно, заметил его растерянность.

– Не-ет, Мелиджан, рис-то, сразу видать, совсем недавно из крупорушки вышел, – приблизился бобо к ростовщику.

– Клянусь святой могилой, довоенный рис.

– Рис-то этот – колхозный рис, Мелиджан, – всё наступал дедушка.

– Вы, дядюшка, напраслину не возводите на честного человека! Над всеми нами аллах стоит, за такое и наказать может.

– Рис-скороспелку нигде, кроме нашего колхоза, в этом году не сеяли. Уж не тот ли это рис, который воры унесли из охраняемого тобой амбара, а, Мелиджан?

Вперёд вдруг вырвался, растолкав ребят, Хайит Башка.

– Дядя Разык, точно такого риса у Мели-ака в подвале восемь мешков! – закричал он.

– Не восемь, а девять, – поправил Акрам Знаток, собравшийся разжигать очаг в предвкушении жирного плова.

– Девять мешков?! – Колючие брови бригадира поползли вверх.

Сорок членов нашей бригады – все полуголодные, едва держим в руках кетмени, с нетерпением ожидая выдаваемую в обед жидкую похлёбку, а тут... у ростовщика в подвале девять мешков риса, это же надо!..

– За мной, бойцы! – скомандовал бригадир, стремительно запрыгав в сторону кишлака. Мы гурьбой припустились за ним.

В просторном подвале ростовщика обнаружилось одиннадцать мешков риса, девять мешков кукурузы, ящики всяких сладостей, чая, сушёные фрукты. Несмотря на вой и визг семейства Мели, на угрозы его самого, мы всё до грамма записали, потом вернулись в поле, сели хлебать приготовленную Зулейхой молочную похлёбку.

– Кто-то на коне скачет, – сообщил Махмуджан, посмотрев в сторону кишлака.

Ребята вскочили на ноги.

– Это наш председатель, – предположил кто-то.

– Разуй глаза, это ведь участковый! Участковый милиционер дядя Каримов подскакал к нам, резко осадил коня, но не спешил. Красная фуражка его была надвинута на самые глаза, сбоку висел тяжёлый револьвер. Конь под ним беспокойно пританцовывал, ржал и дёргал головой.

– Кто здесь Разык Алиев? – грозно спросил участковый, упираясь ногами в стремяна.

– Я, – откликнулся бригадир, не вставая со своего места.

– Кто вам разрешил обыскивать чужой дом?

– Вот эти полуголодные детишки!

– А кто Парпи Касымов? – продолжал милиционер.

– Это я, сынок, – мягко ответил Парпибобо. – Ты бы, сын мой, не уподоблялся Исламу Курбаши, не орал на людей, не сходя с коня. Спешись, поздоровайся по-человечески, а там и разберись, что к чему. Если не побрезгуешь, угостим своей похлёбкой...

– Почему вы ворвались в чужой дом без разрешения?

– Я не бандит какой-нибудь, сынок, чтоб врываться в чужой дом, а коли...

Участковый не дал деду договорить:

– Вы оба сейчас пойдёте со мной, будем акт составлять на вас.

Дядюшка Разык и Парпи-бобо не вернулись ни через час, ни к вечеру, ни наутро. Кишлак был в панике. Мы тоже перепугались не на шутку. Наконец, по совету Марии Павловны, решили всей бригадой пойти в военкомат, потребовать справедливости.

Когда мы с шумом и гамом заполнили военкоматовский двор, к нам вышел офицер с тремя звёздочками на погонах.

– Вам чего, ребята?

– У нас к вам дело.

И мы рассказали всё, что произошло в кишлаке. Командир внимательно выслушал нас.

– Так, значит, они забрали кавалера ордена Славы разведчика Разыка Алиева?

– Да, его самого, – зашумели мы.

– И старика, который на свои деньги купил пушку?

– Да, его тоже.

– А вы, выходит, члены боевой бригады, так я вас понял?

– Так точно!

– Ну и как у вас там дела на поле?

– Участок готов к севу.

Командир просил нас не беспокоиться, заверил, что сейчас же во всём разберётся.

Вернувшись на поле, мы обнаружили, что Парпи-бобо и дядюшка Разык давно уже вернулись и с наслаждением пили чай из чёрного чайдуша. Аман с Рабиёй сидели у них на коленях.

Новый председатель

В течение целой недели наш кишлак кипел, как горячий родник. Взрослые и дети – все на улице, в правлении колхоза собрание за собранием. Происходили такие невероятные события, что мы не успевали опомниться.

Когда пришла весть, что Мели-ростовщика посадили, мы восторженно кричали:

– Да здравствует справедливость! Когда узнали, что его сыновья скрылись, готовы были волосы на себе рвать.

Раиса Машраба-ака сняли с работы за халатность. Эта новость тоже пришлась нам по душе. На его место назначили Рахбар-апу, бывшего директора МТС, подругу моей мамы, ту самую, помните, которая устраивала нас в детдом. Нашу любимую Марию Павловну избрали секретарём партийной ячейки, чему мы были безмерно рады.

Потом всё пошло своим ходом, люди вернулись к своим делам. Рахбар-апа дважды побывала в нашей бригаде. Она долго беседовала с Парпи-бобо, пообещала ему вернуть виноградник, который захватил Мели-ростовщик. Раис-апа всё всматривалась в меня, потом вдруг спросила:

– Послушай-ка, ты не старший сын покойной Каромат?

– Он самый, – ответил я, почему-то забеспокоившись.

– Но ты же должен быть в детдоме?

– А я давно вернулся.

– А где младшенькие?

– Они тоже все тут, – соврал я.

– Отец пишет? – продолжала Рахбарапа.

– С самой зимы не пишет.

Она больше ни о чём не спросила, подошла к Разыку-ака и заговорила с ним, изредка

оглядываясь на меня. Я понял, что речь идёт обо мне.

Как и намечали, мы закончили сев к обеденному перерыву, и впервые за эти последние дни увидели улыбку на лице Парпи-бобо. А то он всё ходил за нами по пятам, шпынял без конца: то, мол, глубоко бросили семена, то неглубоко. Вздохнув облегчённо, ребята собрались у очага под старой урючиной. Председатель, оказывается, была всё ещё тут, что-то писала в большой тетради. Она и обедала с нами, похваливая стряпню Зулейхи.

Когда покончили с постной кашей из джугары, она обратилась к нам со словами:

– Дорогие мои братья и сёстры, большое вам спасибо! Вы не только в колхозе, но по всему району первыми закончили сев хлопчатника. Вас, дядя Парпи, и вас, Разыкджан, я хочу поблагодарить от имени правления колхоза и лично от себя! Земля ваша, как видно, соскучилась по человеческим рукам, если вы будете и дальше трудиться не жалея сил, то уверена, что осенью снимете невиданный урожай. Всё, что у нас есть, – это ваше, дети мои. Станет ли наш колхоз богатым, расцветёт ли в полную силу или останется слабым, немощным, как сейчас, зависит от вас, мои дорогие. Будущее колхоза – ваше будущее.

Рахбар-апа говорила, словно пела, голос её то понижался до шёпота, то звенел, как туго натянутая струна.

Свои слова она подкрепляла резкими взмахами руки, пристально вглядываясь в лица слушающих. Почему-то в этот миг я вспомнил свою дорогую маму. Они ведь вместе росли с Рахбар-апа, вместе учились, в один день вступили в партию. Кто знает, будь жива мама, может быть, это она стала бы председателем. Да, люди непременно захотели бы видеть её своим раисом. Ещё когда она была жива, они выдвигали её кандидатуру. Мама не согласилась, сказала, что вначале на своё место человека должна подготовить...

– Комсомольцы среди вас есть? – донеслось до меня вдруг.

Никто не откликнулся.

– Неужели ни одного комсомольца? – удивилась раис-апа.

– До войны было много, – ответил бригадир. – А эти ещё не доросли...

– Ладно, об этом мы ещё поговорим. А пока вот что. С завтрашнего дня переходите на помощь бригаде Усмана-бобо. Покажите-ка им, какой должна быть фронтовая бригада, хорошо?

– Хорошо, – ответили мы хором.

– Краснеть мне за вас не придётся?

– Не-ет!

Незаметно собрание превратилось в душевную беседу.

– Раис-апа, можно спросить?

– Давай.

– Прежний председатель обещал зарезать барашка для той бригады, которая первой закончит сев хлопчатника...

– Обещание остаётся в силе, – ответила Рахбар-апа, улыбнувшись.

Всё понравилось нам в новом председателе: и её скромность, и её звонкий, весёлый смех.

Прощалась Рахбар-апа со всеми за руку.

В тот вечер выяснилось, что обнаруженный в подвале Мели-ростовщика рис в самом деле колхозный. Его раздали по всем дворам. Ночью никто не спал: в каждом доме варился плов.

Кто достоин быть комсомольцем?

Мария Павловна каждый день в нашей бригаде: готовит нас в комсомол. Она приносит нам газеты, гоняет по Уставу. Ещё, по-моему, приводит её сюда желание пошептаться с дядюшкой

Разыком.

Сегодня она появилась в бригаде раньше всех. Подмела супу под большой урючиной, полила кругом водичкой, старый расшатанный стол покрыла красной материей. И патефон приволокла, вон он надрывается: «Загляну в сад – прекрасней нет тебя цветка!»

– Табельщик мог бы прийти и пораньше, – упрекнула меня Мария Павловна.

– Корову доил, вот и задержался.

– Подоили бы девочки.

– Они не умеют.

– Сможешь транспарант написать?

– У меня почерк некрасивый, Хайит Башка – это да, он мастер на такие штуки.

Выяснилось, в раннем появлении парторга, в нетерпеливом волнении бригадира есть своя причина. Сегодня вот здесь, под старой урючиной, состоится выездное заседание бюро районного комитета комсомола. Нас будут принимать в комсомол прямо в поле.

Услышав это, все мы разволновались не на шутку. Один побежал в кишлак за паласом, другой – за самоваром.

Да, вот так... сегодня, быть может, я стану комсомольцем... Каково, а? Вдруг не сумею ответить на вопросы и провалюсь с треском? Скажем, даже примут меня, а сумею ли я выполнять всё, что требуется по Уставу? Лучше, по-моему, не испытывать судьбу... Нет, обязательно вступлю, а быть хорошим комсомольцем я уж постараюсь...

– Эй, Многодетный! – окликнул меня Знаток, как ни в чём не бывало завтракавший У очага. – Признайся, трусишь или нет?

– Есть немного. А ты сам?

– У меня почему-то ноги отнимаются, – понизив голос, сообщил Акрам.

Впрочем, мы не одни так волновались. Я заметил, что дядюшка Разык беспрестанно скручивает сигарки, пальцы его дрожат. Если мы провалимся, ему будет стыдно перед новым председателем. Так что волнение бригадира тоже понятно.

– Дядя Разык, – обратился к нему вдруг Хайит Башка, – вы были комсомольцем?

– До войны, – коротко ответил бригадир.

– А потом?

– А потом я вступил в партию.

– И сейчас вы член партии?

– До чего же ты надоедлив, а, Хайит! Пей лучше свой чай! – Дядюшка Разык принялся свёртывать новую – которую уже по счёту! – сигарку.

Появилась Мария Павловна в сопровождении нескольких «плакс», которые тоже будут вступать в комсомол. Тётя Русская ещё раз проконсультировала нас, как держать себя перед комиссией, как отвечать на вопросы. Она, по-моему, волновалась больше нас самих.

– Давайте прорепетируем. Остановите-ка патефон. Ариф Мирзаев, подойди к столу. Хорошо, держи себя вот так... Скажите нам, Мирзаев, сколько вам лет?

– Пятнадцать, – солидно доложил я.

– Скажите, Мирзаев, кто может быть членом комсомола?

– Тот, кто признаёт его Устав.

– А ещё?

– Кто беспрекословно выполняет все поручения.

– Ещё?

– Кто первым засеет хлопчатник.

– Ещё?

– Кто любит своих младшеньких.

- Ещё?
- Кто может заменить ушедших на войну отцов и братьев.
- Скажите, Мирзаев, где сейчас идут бои?
- На подступах к Берлину.
- Назовите героев-комсомольцев.
- Зоя...
- А фамилию?
- Фамилия... трудная такая... Космодемьянская.
- Хорошо. А теперь скажите, есть ли героини из нашего кишлака?

В этот миг наши девочки, глядевшие на дорогу, вдруг завопили: «Едут, едут!»

К нам подъехали три всадника, спешили. Это были наш председатель Рахбар-апа, секретарь райкома комсомола, светленькая, круглолицая, коротко стриженная девушка, и мужчина с громадным фотоаппаратом на трёх ножках. Я его тотчас узнал. Он нас снимал, когда мама ещё была жива, карточки те мы послали отцу на фронт.

– Мы вас заставили ждать, – извиняющимся тоном сказала секретарь.

– Нет, вы вовремя, – ответила Мария Павловна.

Секретарь со всеми поздоровалась за руку. Пожимая мне руку, она сказала, что я забрызгал лицо грязью.

– Вытрите, – сказала она, протягивая мне свой платок.

Фотограф установил свой аппарат, начал снимать вступающих в комсомол. Начальство ушло смотреть наш участок. Пришли ещё ребята, из других бригад.

Приём в комсомол начался ровно в полдень. Слово взяла секретарь райкома комсомола. Начала она робко, запинаясь, но потом освоилась, так заговорила, что мы все рты разинули. Она так рассказывала о героизме, одно удовольствие было её слушать.

– Среди вас есть паренёк по имени Арифджан? – спросила вдруг секретарь.

Я вскочил на ноги.

– Сидите, сидите, – сказала секретарь и продолжала: – Мария Павловна рассказывала мне о вас, Арифджан... Это немало – заботиться о младших своих братьях и сёстрах, не растеряться перед бедой, занять место своих родителей, когда того потребовала Родина... Спасибо вам, Арифджан Мирзаев. Растить не одного, а сразу пятерых детишек, ночами стирать бельё, готовить да ещё выполнять на поле две нормы и обязанности табельщика! Вот это можно назвать героизмом. Вы, Арифджан Мирзаев, приняты в ряды Ленинского комсомола! Поздравляю!

И секретарь заплодировала. К ней присоединились все присутствовавшие: и сидевшие в президиуме Мария Павловна с дядей Разыком, и Парпи-бобо, возившийся у очага с Рабиёй, и мои младшенькие. Что-то переполнило меня, я не смог сдержать слёзы.

В тот день шестьдесят ребят стали комсомольцами.

Через три дня состоялось первое собрание нашей комсомольской организации. На нём по предложению Марии Павловны меня избрали секретарём. Я хотел было отказаться, заявив, что не справлюсь, но Рахбар-апа прикрикнула на меня:

– Справишься, ещё как справишься! Ты, пострел, и председателем колхоза сможешь быть, если только тебя изберут!

Дом с золотым порогом твой

Мы вдоволь нагулялись на свадьбе тёти Русской и дядюшки Разыка. Хайит Башка играл на дойре, Карабарот – на дутаре, Акрам плясал, а я исполнял обязанности распорядителя.

Помню, вошли мы в комнату, где сидели дружки жениха, красные, съёжившиеся от неловкости. К нам тотчас подскочил левша с Речной улицы, Ходжаназар-ака.

– Теперь вы уже настоящие джигиты. Ну-ка хлебните до конца вот это! – И протянул нам по полной пиале вина.

Отказаться мы не смогли. А потом... как я уже говорил, пошли петь-плясать – пыль стояла столбом...

Говорят, я залез на женскую половину дома, где сидела невеста, насурьмлённая, в широком узбекском платье, с тубетейкой на голове, Мария Павловна, и плакал в её объятиях. Почему, мол, вы нас покидаете, оставляете сиротами.

Потом потащился под навес, где веселились девушки, подозвал Хайита, Акрама, Карабарота и заставил их вместе со мной спеть «Яр-яр».

Длинную верёвку в разные стороны будем тянуть,
Яр-яр, тянуть.
Вместе с тагобскими девушками песню споём,
Яр-яр, споём.

Девушки нам отвечали:

Тутовые ягоды в подол атласного платья будем трясти,
Яр-яр, трясти.

Яркое пламя любви в душе жениха зажжём,
Яр-яр, зажжём.

Мы:

Жених наш загорелся любовью, ярко горит,
Яр-яр, горит.
Ярко любовью горел наш жених, вот и сгорел,
Яр-яр, сгорел.

Девушки:

Атласное платье красивой невесте очень к лицу,
Яр-яр, к лицу.
Если, ака, она атласу просит, атласу дайте ей,
Яр-яр, дайте ей.

В горах жеребёнок ржёт, представляя себя конём,
Яр-яр, конём.
В доме невеста плачет, будто она на чужбине,
Яр-яр, чужбине.

Мы:

Не плачь, девушка, не плачь, счастлива будешь ты,
Яр-яр, счастлива ты!
Дом с золотым порогом твой,
Яр-яр, дом твой.

Вот так мы пели, пока, сказать честно, не вывели меня под руки со свадебного двора. Я вырвался, вбежал в комнату, где сидел Разык-ака в жениховском наряде, обнял его и стал громко рыдать, требуя достать где угодно моего отца. Говорят, я так плакал, что всем стало не по себе.

Меня отвели домой и уложили спать Дильбар с Зулейхой. Наутро, узнав о чудесах, которые вытворял на свадьбе, я не знал, куда деваться от стыда.

– Да, Ариф-ака, – продолжала Дильбар укоризненно. – Вы и к Рахбар-апе приставали. «Могу я сегодня повеселиться, – говорите, – мы в этом году снимем богатый урожай».

– Так и она была на свадьбе?

– А как же, она сидела рядом с Марией Павловной.

– Ох и посмеялись надо мной, наверное, а?

– Раис-апа засунула вам под тубетейку десятирублёвку и говорит: «Гуляй, сынок, до устали, такое случается раз в жизни». А потом...

– А потом? – испуганно спросил я.

– А потом вы пригласили на танец меня.

– Не может быть!

– Правда, правда! Вы ещё сказали, что я вам не сестра, если откажусь сплясать с вами.

Вечером у нашей калитки появился верхом на своей кляче колхозный сторож Умурзакака.

– Ну-ка подсаживайся! – хмуро приказал он, указывая на место позади себя.

– А в чём дело? – спросил я испуганно.

– Председатель вызывает.

Не знаю, как доехали до правления. «За вчерашние выходы, наверное, – думал я. – Что ж, признаю свою вину, раз виноват, буду просить прощения, а там как хотят...»

В кабинете раиса, кроме Рахбар-апа, сидели дядюшка Разык, Мария Павловна. Видно, здорово я всем досадил, раз не смогли усидеть дома даже молодожёны. Дело, видать, серьёзное. Обсуждать будут меня... Бригадир, секретарь партийной ячейки, председатель колхоза – представительное собрание...

– Ну как, Арифджан, самочувствие? – поинтересовалась Рахбар-апа.

Я молча опустил голову.

– Ох и мастер ты, оказывается, петь «Ярар»!

Я опять промолчал.

– Да и пляшет он недурно, – вставила Мария Павловна.

Я поднял голову, взглянул на Рахбар-апу. Она улыбалась. Товба, о-о, товба! Будто мама сидит напротив меня: такие же чёрные глаза и брови, худенькая, круглолицая, смуглая, тонкие улыбчивые губы... Мама, мамочка моя...

В горле у меня застряло что-то острое, шероховатое, глаза застили слёзы.

– Арифджан, мы вот собрались, чтоб поговорить с тобой кое о чём, посоветоваться. – Рахбар-апа зачем-то. вышла из-за стола. – Тебе, наверное, известно, что в колхозе у нас нет бухгалтера...

– Ия! – удивился я. – А куда же подевался Кары-ака?

– Кары-ака не знает латинского алфавита, вконец замучил нас. В Коканде открывают шестимесячные бухгалтерские курсы. Хотим на них послать Разыка-ака, как ты на это смотришь?

Я пожал плечами.

– Вам виднее.

– На его место мы хотим назначить тебя.

– Меня?!

– Да, тебя, Арифджан. Тут я вот советовалась с ними, – раис-апа кивнула на дядюшку Разыка и Марию Павловну. – Лучшей кандидатуры не найти, говорят они. Ты умеешь организовывать ребят. Тебе поможет Парпибобо, да я и сама буду присматривать. Ты посуди, Арифджан, ты уже джигит настоящий, секретарь колхозной комсомольской ячейки...

У меня на душе светло стало, радостно, но в то же время огромной тяжестью навалился страх.

– Неужели можно так наказывать человека за то, что малость поколобродил на свадьбе? – слабо улыбнулся я.

– Это не наказание, – подмигнула раисапа молодожёнам, – а наоборот, премия... Премия за то, что украсил свадьбу пением и пляской. Но это не всё. Есть ещё вопрос...

Войне скоро конец, говорила Рахбар-апа. Жизнь вернётся в мирную колею. Вот тогда-то потребуется нам много-много учителей, врачей и агрономов. Поэтому мы уже теперь должны человек двадцать девчат и парней отправить учиться в Коканд, в разные учебные заведения. Она, раис-апа, считает, что мы с Марией Павловной должны заняться подбором кандидатур.

Целых три дня бились мы, пока набрали людей. Дело в том, что вначале никто не хотел ехать, боялись. Но когда Зулейха, Хайитбай и Акрам записались в педагогическое училище, желающих попасть в медицинское училище, железнодорожную школу, нефтяной техникум стало столько, что дело чуть не дошло до драки.

Я очень хотел, чтобы Дильбар тоже поехала, стала учительницей или медсестрой, но эта упрямец отказалась наотрез.

– Пусть вначале выучится Зулейха, – заявила она. – А я пока буду помогать вам растить детишек.

Даже Мария Павловна не смогла заставить её изменить своё решение.

Я постарался приодеть Зулейху, чтобы она не слишком-то выделялась среди тех, у кого есть родители. На новую одежду, конечно, у меня денег не было. Ничем не могла помочь и Тухта-хала. Вот я и отнёс мамины платья и безрукавки портнихе, попросил подогнать их на сестрёнку.

В ночь перед отправкой «новобранцев» в учебные заведения мы с Тухтой-хала не сомкнули глаз. Испекли лепёшек, нажарили урюковых косточек, приготовили сметаны, сюзьмы.

Утром у нашего порога появился Парпибобо, мы все сошлись в большой светлой комнате, дедушка собрался сказать напутственное слово.

– Илохи аминь... – начал дедушка, не сдержался, заплакал, как ребёнок, – илохи аминь... главное, дети мои... чтоб смерти не было... Езжай, дочка, учись, воспользуйся добротой нашего государства...

Тётушка дрожащими пальцами развязала поясной платок, вынула из него кошелёк, протянула Зулейхе.

– На смерть свою вот собирала, чтоб никому не быть в тягость, когда ударит час... Возьми, доченька. Не считай себя сиротой, не трави себе сердце... Слава аллаху, брат твой, Ариф, джигитом стал, теперь вы не хуже никого...

Когда мы пришли к правлению колхоза, все отъезжающие уже сидели на двух арбах с высокими колёсами и с нетерпением ждали нас. С ними ехала Мария Павловна, которая должна была разместить всех в Коканде по учебным заведениям. Увидев нас, она шагнула навстречу, поинтересовалась, всё ли в порядке, помогла Зулейхе сесть на арбу, села сама.

– Поехали?

– Мария Павловна! – донёсся вдруг с передней арбы голос Хайита Башки. – Перед отъездом у меня просьба. Пусть Многодетный на прощание расскажет афанди.

Его поддержали и остальные отъезжающие.

– Ладно, – согласилась тётя Русская. – Только покорооче, Арифджан!

– Проучился афанди в Кокандском медресе Ханым пятнадцать лет... – начал я, но меня перебил Хайитбай:

– В медресе или педучилище?

– Проучился он пятнадцать лет, – продолжал я, – но так ничему и не научился...

На этот раз мне помешал Акрамджан:

– Выходит, он носил на плечах не голову, а тыкву, как Хайитбай!..

Закончить анекдот мне не удалось, Мария Павловна, которая поняла, что нашим шуткам не будет конца, приказала арбакешу:

– Пора, трогайте!

Как только арбы тронулись с места, все, кто пришёл прощаться, заговорили разом, загалдели:

– Адыльджан, как приедешь, обязательно напиши письмо, мой жеребёнок!

– Носи деньги в поясе под рубашкой, а то в городе знаешь...

– Присматривайте там друг за другом. Будьте осторожны на улицах! Там машины!..

– Зулейха, почаще навещай Султана с Усманом, – не удержался я тоже.

